

ЧЕНС КАРТЕР

Самый достойный

ОТЕЦ

Даже глубоко травмированный человек заслуживает жену и ребенка. Эль Я сильная девочка и могу постоять за себя. Но еще никто и никогда не заступался за меня прежде. По крайней мере, до тех пор, пока не появился Форестер. Он пришел из ниоткуда, но уже тогда я знала, что могу рассчитывать на него. С того самого момента, как я увидела его, сразу поняла, что буду его девушкой. Он любит меня такой, какая я есть, и за то, что я могу предложить ему. Он просит меня родить ему ребенка, чтобы его жизнь стала целостной и полной любви. Форестер Я всегда считал себя человеком, который не заслуживает любви. Думал, что это не для меня. Естественно, я мог бы заполучить любую женщину в свою постель, но это ни к чему бы не привело. Я был сломлен. Пока не встретил Эль. Она заставила меня понять, что, в конце концов, я заслужил настоящую любовь. Она изменила мою жизнь, исцелила меня. И сейчас я был готов умереть за нее. Уж в чем я точно был уверен, так это в преданности. Я так предан Эль, что готов отдать за нее жизнь. Эль научила меня, что даже самый глубоко травмированный человек все же заслуживает жену и ребенка. Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Ченс Картер

Самый достойный отец

Переводчик: Мария Смирнова

Глава 1

Эль

ЭЛЬ БАРКЛИ СМОТРЕЛА в лицо человеку, которого, как она думала, любила. Слез катились из ее глаз.

Как она могла так ошибиться в нем?

Его звали Грис, и он был на семь лет старше ее. Ему было около тридцати, но выглядел лет на сорок из-за морщин на лице и седины в волосах. В руках Грис держал бейсбольную биту, которой яростно ударил по кухонному столу, разломав его пополам.

— Грис, — закричала она, — пожалуйста.

Она терпеть не могла умолять и ненавидела, когда ее голос звучал так испуганно, и когда она чувствовала себя беспомощно. Как Эль постоянно говорила себе, что это человек, которого она любила, и убеждала себя, что хотела бы провести остаток своей жизни с ним. Она повторяла, что он был хорошим человеком.

— На колени, сука, — прорычал Грис. — Опустись на землю, которой ты и принадлежишь.

Он угрожающе ударял битой по левой руке, словно разминаясь перед игрой в бейсбол, но Эль по своему опыту знала, что единственным, кого Грис действительно хотел ударить, была она.

— Не делай этого, Грис. Пожалуйста, не делай этого.

— Полагаю, что сказал тебе встать на колени, сука. Не заставляй меня повторять.

Медленно, нехотя, она встала на колени. С этой позой Эль слишком хорошо познакомилась за все те годы, которые она прожила с Грисом.

— Вот именно, ты, никчемная шлюха. Ты знаешь, где твое место, не так ли?

Она смотрела вниз на пол.

— Я спросил, где твое место, так ведь?

— Да.

— Что? Говори громче. Я не расслышал.

— Да, Грис.

— Ты грязная, отвратительная маленькая шлюха, не так ли? Ты жирная. Уродливая. Ничтожество.

Тишина.

Она не могла заставить себя ответить. Глубоко внутри себя она осознавала, что все те грубости, которые этот человек кричал ей в лицо, были неправдой, но что-то в нем заставляло ее почти верить его словам.

Удар.

Бита опустилась на стальную раковину, почти сорвав ее со стойки. Эль вздрогнула, ненавидя себя за проявление еще большей слабости, еще большего страха.

— Твоя мать знала это, не так ли?

Эль кивнула почти незаметно, но Грис все же заметил.

— Верно. Она знала, что ты — никчемная тварь. Знала, что никто не сможет любить тебя. Черт, даже она не смогла любить тебя, так ведь? Твоя собственная мать не любила тебя, Эль, а ведь ты была *ее* ребенком.

Эль устала встать на пол. Грис подошел и наклонился так, что его лицо оказалось на одном

уровне с ее. Он схватил Эль за подбородок и заставил посмотреть на него.

— Она знала, что ты ничего не стоишь, не так ли?

Эль оглянулась назад. Она смотрела в эти стеклянные глаза, и думала, что могла бы предложить свою любовь. Она смотрела в лицо человеку, которого когда-то находила красивым.

— Твоя собственная мать не хотела тебя.

Эль не позволяла его словам проникнуть в свой разум, блокируя большую часть их значений, насколько это возможно. Это было единственной правдой, о которой она сожалела, что позволила Грису узнать ее. И эта правда стала единственной брешью в броне, которую она выстроила для себя. Ей не следовало рассказывать ему про это.

— Родители отказались от тебя, — продолжал он. — Думаю, это объясняет, почему ты такая е*нутая сука.

Грис начал сжимать руку в кулак, его сильные пальцы болезненно вжались в ее скулу. Эль хотелось закричать, но она боялась, что этим только подстегнет его.

— Вот почему ты никогда не могла успокоиться, остаться на одном месте, удержаться хотя бы с одним человеком.

Эль покачала головой. Это было не совсем верно.

— Я предана тебе, — прошептала она, пытаясь произнести слова сквозь сжатые его захватом губы.

— Хотел бы я, чтоб это было так, Эль, — сказал он, качая головой.

Грис был крупным мужчиной. Он любил хвастаться, что с легкостью поднимает 136 килограммов. Когда ему требовались деньги, он участвовал в боксерских поединках, где, как правило, побеждал. У него были мышцы, как у быка.

Эль отпрянула в испуге, когда он стукнул кулаком на полу возле ее ног.

— Ты всегда была одной ногой за дверью, Элла. Твои глаза всегда смотрят на дверь. Не думай, что я не чувствовал это. Ты никогда не впускала меня по-настоящему. Ты выстроила вокруг себя стены, словно крепость.

Эль посмеялась бы над его словами, если бы не была так напугана. Почему он думал, что она защищалась?

Почему он думает, что она не доверяла ему? Он был жестоким сукиным сыном с замашками садиста. Если бы она когда-нибудь позволила себе потерять бдительность, то он бы уничтожил ее.

Она посмотрела на Грису и почувствовала, как что-то сломалось внутри нее. У всех есть свой предел, у каждого наступает время, когда они больше не могут терпеть, и Эль только что достигла такой точки. Она встала на колени и посмотрела на него. Он уставился на нее, удивляясь той силе, которую видел в ее решительном взгляде.

Правильно, Грис. Я не так слаба, как позволяла тебе верить. Под оболочкой у меня скрытый запас прочности, который я никогда не показывала. Я гораздо сильнее, чем ты думаешь.

Эль поднялась с пола под интенсивным взглядом Грису.

— Твою мать, куда ты собралась?

Она издала слабый смешок. Ей не хотелось смеяться, нервы скручивались в желудке, из-за чего она ощущала тошноту, но она должна была дать ему понять, что она взяла контроль в свои руки над своей жизнью.

— Ты был прав насчет меня, Грис. Я сдерживала себя. Я никогда не позволяла тебе

добраться до меня. Ты никогда не знал меня настоящую.

— Какого хрена? — спросил он.

— И еще одно. За последние три года каждый оргазм, который ты думал, что давал мне, был фальшивкой.

Прежде чем он успел отреагировать, она повернулась, чтобы уйти. Эль и не думала паковать свои вещи. Она даже не захватила пальто. Ее сумка лежала у двери, и она схватила ее. В ней не было мобильного телефона, зато кошелек находился там. Грис опустошил бы их совместный счет, прежде чем ей удалось бы выбраться из округа, но Эль не были нужны его деньги. У нее было немного средств, водительские права и ключи от ее верного Форда. Ей больше ничего не было нужно. Ничего.

Как только она вышла за дверь, то тут же подавила желание оглянуться назад, чтобы в последний раз бросить взгляд на человека, который подавлял ее жизнь в течение последних трех лет. Она насмотрелась достаточно на Грису Блэка в прошлой ее жизни, и теперь ее единственной надеждой было то, что она никогда больше не увидит его. Эль покончила с ним. Грис ошибался не во всем, так как знал ее глубже, чем она готова была себе признаться, но он издевался над ней, и это было непростительно.

Она добралась до автомобиля, села в него и включила зажигание. Грис появился на пороге, и Эль улыбнулась ему. Она была счастлива, по-настоящему счастлива. Впервые за многие годы она взяла бразды правления жизнью в свои руки.

Она нажала на газ. Гордость и радость Грису — его изготовленный на заказ Камаро — стоял прямо перед ее потрепанной машиной. Она поймала момент, чтобы посмотреть на него и понаблюдать за тем, как стало изменяться выражение его лица, когда до него дошло, что она собиралась сделать. Затем она вжала педаль газа в пол, и твердая сталь ее потрепанного Форда врезалась в безупречный металл Камаро. Задняя часть автомобиля Грису смялась, как будто была сделана из бумаги. Машина Эль не получила каких-либо серьезных повреждений, кроме нескольких новых царапин и вмятин.

Грис был настолько разъярен, что не мог двигаться. Казалось, он едва мог дышать. Эль подала машину немного назад и выехала на дорогу. Она взглянула на Грису в последний раз. Он делал то, в чем всегда преуспевал — в угрозах. Молча, он провел пальцем по шее, показывая ей, что он сделает с ней, когда получил свой шанс. Эль знала, что должна выбраться отсюда. Она должна завести машину и нажать на газ. Но не смогла удержаться.

Она снова завела двигатель, а потом во второй раз ударила своей машиной в заднюю часть Камаро. На этот раз удар был такой силы, что вся машина сдвинулась вперед и врезалась в закрытую дверь гаража дома, разрушая и ее переднюю часть.

Эль не была безрассудным человеком и не являлась адреналиновым наркоманом. Ее не прельщало находиться так близко к человеку, который мог, в буквальном смысле, убить ее. Она повернулась, чтобы взглянуть на него, он по-прежнему просто стоял в дверях ошарашенный, с широко отвисшей челюстью.

Эль поймала его взгляд, и в этот момент, который она будет вспоминать всю жизнь, подмигнула ему.

Он не мог поверить своим глазам.

А затем Эль выехала с подъездной дорожки и свалила ко всем чертям оттуда.

Она никогда не вернется. Она поклялась. На этот раз она оставит Грису навсегда позади.

Глава 2

Форестер

ФОРЕСТЕР ПОТЯГИВАЛ КОФЕ, сидя на кухне, когда Фэйт и Лейси вошли туда, каждой на руке было по прекрасной малышке.

— Поздоровайся с дядей Форестором, — сказала Лейси своей маленькой дочке, перед тем, как подражая детскому голосу, произнесла:

— Здравствуй, дядя Форестер.

— Привет, маленький ангел, — ответил Форестер, наклоняясь и беря на руки ребенка Лейси и Гранта. Затем он с жадностью свободной рукой схватил дочку Фэйт и Джексона, усадив ее на другую руку, и теперь баюкал двух детей, по одной в каждой руке. Он был очень похож на шутливую версию няни — мускулистый, татуированный, крепкий, в белой футболке с двумя прекрасными невинными младенцами на руках.

— Они тебе идут, — сказала Фэйт.

— Они, действительно, тебе подходят, Форестер, — согласилась Лейси.

— Погодите-ка, погодите-ка, — сказал Форестер, ухмыляясь и качая головой. — Мне нужна хорошая женщина, прежде чем я смогу даже подумать о том, чтобы завести своего.

Фэйт кивнула.

— И как это произойдет? Ты не был на свидании кучу лет.

— Никогда, насколько я помню, — заметила Лейси.

Вместо ответа Форестер корчил рожицы малышам. Это было правдой, он не встречался ни с кем в течение длительного времени, хотя ему не составляло труда найти женщину, готовую разделить с ним постель. Он просто всегда делал все, чтобы отношения заканчивались прежде, чем появлялся шанс им начаться. Ему нравилось, когда женщина была рядом физически, но он прилагал чертовски много усилий, чтобы сохранять с ними эмоциональную дистанцию.

— Даже не заикайтесь об этом, — сказал он. — Просто позвольте мне насладиться этими двумя маленькими красавицами.

Он поднял руки, поднеся лица девочек к своему лицу, а затем поцеловал их обеих по очереди, издавая при этом курлыкающие звуки.

Несмотря на то, что девчужки были маленькими и крошечными, они засмеялись.

Фэйт и Лейси всегда знали, что он их любимый дядя. Форестер был с ними естественным. Для женщин было настолько очевидно, что он любил детей. Из него получился бы идеальный отец.

Он просто боялся серьезных отношений. Это являлось обычным для такого типа людей, как он. Он вел опасный образ жизни, зарабатывал и тратил огромные суммы, и глазом не моргнув, всегда находясь недалеко от боя или бара. Форестер не был злым или агрессивным человеком, но у него имелась привычка попадать в неприятности. Он был остр на язык, с горячей головой и чувством юмора, что создавало ему больше проблем, чем он действительно заслуживал.

— Очень хорошая девочка только начала работать у нас в винном магазине, — заговорила Фэйт, но Форестер уже качал головой.

— Я даже не хочу знать ее имени, Фэйт.

— Ты должен с кем-нибудь начать встречаться, — заявила Лейси. — Тебе только исполнилось тридцать. Если ты будешь долго ждать, то перестанешь быть завидным женихом, превратившись в старого пердуна, не имеющего женщины. Есть большая разница, поверь мне.

Форестер улыбнулся.

— Вот, значит как?

— Поверь нам, — сказала Фэйт. — Женщины очень проницательны. Они знают, что им нравится, Форестер. Прямо сейчас, ты именно то, что они любят. У тебя идеальный возраст и ты богат.

— И горячий, как ад, — добавила Лейси.

Форестер нахально улыбнулся им.

— Не забывайте, что у меня здоровый, как у коня.

Фэйт закатила глаза.

— Если ты будешь ждать гораздо дольше, то женщины, которые поумнее, начнут задаваться вопросом, а почему это ты не раскуплен кем-либо другим.

— Они будут думать, что с тобой что-то не то, Форестер.

Он передал младенцев обратно их матерям. Форестер хотел бы провести все утро с ними, но у него были дела, которые ему было необходимо сделать. Он обещал Гранту и Джексону, что поможет на винограднике, а потом у него была работа, которую он должен был спланировать с Грейди.

— Слушайте, — начал он, глядя в глаза Фэйт и Лейси, — я не уверен, что ищу в этом мире, но, когда я найду ее, то сразу узнаю это.

Женщины по очереди поцеловали его в щеку.

— Он — романтик, — сказала Лейси.

— Он — дурак, — добавила Фэйт.

Форестер сделал еще один глоток кофе и стал проверять почту, выясняя, не было ли чего для него.

— Я почти забыла, — сказала Лейси, — там письмо для тебя.

Форестер кивнул, когда нашел его. Это не была обычная макулатурная рассылка от мобильного оператора или банка. Имя и адрес были написаны от руки. Он поднял его к свету, чтобы лучше разглядеть штемпель.

— Что это? — спросила Фэйт. — Оно из Монтаны.

Обе молчали. Если это окажется чем-то серьезным, то им не стоит знать больше, чем они уже знают. В существовании, из которого сформировалась жизнь Форестера, и за все те годы, что Лейси и Фэйт знали его, они понимали, что никогда ничего хорошего не приходило к нему из великого штата Монтана. Для Форестера Монтана означала либо плохие новости, либо плохие воспоминания.

— Что? — спросила Фэйт.

— Позволь мне его вскрыть, — добавила Лейси, протягивая свою дочь Фэйт.

Форестер еле слышно заворчал, но Лейси и Фэйт услышали его, как будто это был крик из самой глубины его легких.

— Сядь, — сказала Лейси, в то время как сама взяла конверт и вскрыла его ножом.

Фэйт налила ему еще кофе.

— Ты хочешь, чтобы я его прочитала? — спросила Лейси.

Форестер кивнул.

— Спасибо, — произнес он, и, хотя был всего лишь на несколько лет моложе ее, напомнил ей мальчика, которого ее отец много лет назад привел в особняк из центра временного содержания для несовершеннолетних штата Монтана.

Она просмотрела текст письма, словно искала в нем скрытые ловушки. Лейси знала, что ничего не могло задеть Форестера так сильно, как то, что периодически приходило к нему из штата Монтана.

— Это от адвоката твоего отца, — сказала Лейси.

Форестер закрыл глаза, ожидая продолжения.

— Он умер.

Форестер ничего не сказал. Мужчина уже был немолод, и он, без сомнения, готовился к этой новости некоторое время.

— Адвокат хочет, чтобы ты вернулся в Стоун-Пик, чтобы разобраться с имуществом. Здесь говорится, что похороны пройдут завтра на кладбище «Хорошие новости».

— «Хорошие новости»? — все, что спросил Форестер, затем встал со своего места и вышел из кухни. Женщины переглянулись и поспешили вслед за ним.

— Форестер, — сказала Лейси, и Фэйт без труда обнаружила напряжение в ее голосе.

Лейси знала Форестера с тех времен, когда он еще был подростком. На самом деле, они обе знали и смотрели на него, как на младшего брата. Они бы сделали все, что было в их силах, чтобы защитить его от такого рода боли.

Они обе поднялись по широкой лестнице на второй этаж особняка и нашли Форестера в его комнате, спешно пакующего несколько вещей в кожаную сумку: нижнее белье, чистую рубашку, бритву, мыло и дезодорант.

— Ты не должен возвращаться, — произнесла Лейси.

— Ты ничего не должен этому человеку и этому городу, — добавила Фэйт. — Это то, что они дали тебе, и то, что ты вправе им вернуть.

— Знаю, — ответил Форестер, в его глазах отражалась благодарность и любовь, когда он смотрел на них, — но это то, о чем вы обе говорили ранее. Пришло время, чтобы я стал мужчиной. Настало время взять на себя ответственность. Если я буду еще ждать, то не хочу остаться раздражительный плохишом с трудным детством, хочу быть человеком, который не боится столкнуться со своим прошлым.

— Это было немного больше, чем трудное детство, — заметила Лейси.

— Не имеет никакого значения, — сказал Форестер. — Человек должен столкнуться со своим прошлым. Он должен встретиться лицом к лицу со своими демонами. Если он этого не делает, то он вовсе не мужчина.

Глава 3

Эль

У Эль почти не осталось бензина, еды, да и задница уже застыла, когда она увидела развилку, которая вела в горы и удаленный городишко Стоун-Пик штата Монтана. Она никогда не слышала об этом месте. Весь день она провела за рулем, и что-то в названии города привлекло ее, несмотря на то, что она не бывала в Монтане. Город находился в 40 километрах от шоссе, и дорога выглядела угрожающе, ведя через густой лес к ледяным пикам гор. Выбранный ею маршрут не был лучшим вариантом. Дорога была покрыта снегом, а у нее — летняя резина. Чем выше она поднималась в горы, тем сильнее ощущался холод и коварство дороги. В ее старенькой разбитой машине было что-то не так с печкой. Возможно, она повредила ее, когда таранила Камаро. Даже если и так, то оно того стоило.

Она посмотрела на датчик топлива. Осталось меньше четверти бака. Она выдержит. Должна.

«Другой город, другая жизнь», — подумала она про себя, преодолевая опасные повороты на дороге, ведущей выше в горы. Ей было всего двадцать три, а она уже потеряла счет всем тем городам, в которых жила. Последняя трехлетняя остановка, которую она сделала у Грися, оказалось самой длинной в ее жизни. Она задавалась вопросом, при этом испытывая тревогу, что же уготовил ей следующий город. Будет ли это город для нее убежищем? Станет ли он местом, где она, наконец, сможет окончательно обосноваться. Будет ли он для нее домом?

Эль покачала головой. Сейчас не время для сантиментов. В ее кошельке было меньше ста долларов, несколько банковских карт, которые, вероятно, уже заблокированы, и нет ни одного человека на свете, к которому она могла бы обратиться за помощью. Она была одна.

Движение — это то, что держит меня в безопасности, — сказала она себе. — *Если у меня никого нет, то никто не сможет причинить мне боль. Если у меня ничего нет, то и терять нечего.*

Именно такие мысли завели ее так далеко. Именно это помогало преодолеть ей бедность, одиночество, насилие. Она никого не впускала в душу, даже тех, кто считал, что она принадлежит им.

Она ехала по направлению к горам, отказываясь повернуть обратно, даже когда ее колеса забуксовали. Эль была готова погибнуть, взбираясь на гору, если это то, что ей суждено. Она завернулась в старое одеяло, которое всегда держала на заднем сиденье. Та одежда, которая была на ней, когда она покинула дом Грися, не была рассчитана на холод в горах. Заканчивался бензин, небо темнело, и, в довершение всего, пошел снег. Сильные порывы ветра взбивали хлопья, и она поняла, что грядет пурга.

Она понимала, что должна сохранять хладнокровие, но у нее началась паника, и, ощущая чувство обреченности внутри себя, она поставила ногу на педаль, нажала на газ, и ускорила.

К черту это, — сказала она себе. — *Никто и никогда не знает, где окажется, нажав педаль газа.*

Эль чуть ли не заплакала от облегчения, когда увидела вдалеке высоко над ней мерцающие огни города, расположенного в скалистых вершинах.

Первое здание, к которому она подъехала, оказалось заправкой. Она знала, что бензин у

нее почти на нуле, но заезд сюда стоил бы ей половину сотни долларов, что лежали в ее кошельке. Деньги ей нужны были для более важных вещей, таких как еда и кров. Эль не относилась к тем девушкам, которые отказываются спать в задней части машины, но зимой в метель в Скалистых горах она бы не рискнула. Следующим зданием, которое она проехала, оказался мотель. Она вздохнула с облегчением, увидев красный знак, горевший на стоянке, сообщавший о наличии свободных номеров. Стоимость пребывания на одну ночь была сорок девять долларов. Она мысленно сделала пометку у себя в голове и поехала дальше. Потом остановилась на светофоре и оглянулась по сторонам. Эль находилась в центре города, который казался не очень большим. Она ехала по главной дороге, по краям которой выстроились магазины, которые, казалось, были ориентированы, в основном, на туристов, лыжников, охотников. В самом конце центральной улицы находился роскошный летний коттедж, построенный из бруса, с газовыми светильниками у входа. Он был похож на величественный средневековый замок с видом на город сверху. Даже находясь на расстоянии, она могла видеть пламя огромного камина через окна. Она улыбнулась про себя, подумав о том, сколько же будет стоить ночь в таком месте. Вероятно, ей не хватит и ста долларов.

На другой стороне перекрестка находилась ярко освещенная закусочная, забитая людьми, и которая, казалась ей сейчас просто чудом. Тепло и свет взывали к ней.

Эль припарковалась у закусочной, плотно запахнула свою легкую куртку и побежала по метели к двери.

— Добро пожаловать к Грейси, — сказала официантка, как только за Эль закрылась за ней. — Проходите и согрейтесь. Место свободное от шлюх.

Эль рассмеялась. Звук ее собственного голоса удивил ее. Она не смеялась вслух довольно давно.

— Где можно присесть? — спросила она.

— Просто присаживайтесь на любое место, — сказала официантка. — Я подойду.

Эль села за стойку и оглянулась по сторонам. Официантка сбивалась с ног, разнося кофе, пиво и блюда характерной для закусочной кухни людям из Стоун-Пика. Она, в основном, смотрела на мужчин, которые казались крепкими и мощными, одетыми в практичную зимнюю обувь и теплые клетчатые рубашки. Она посчитала их. Из четырнадцати человек, сидящих в закусочной, тринадцать носили бороду. Многие из них сидели в одиночестве. Им было лет по сорок-пятьдесят, и они, без сомнения, жили за счет земледелия. Те немногие женщины, которых она заметила, видимо, являлись их женами. Ни одна из них не была столь же молода, как сама Эль и официантка, которая представилась как Келли. Она была одного возраста с Эль и носила милую форму. Ее волосы были разумно убраны с глаз.

— Итак, что тебя привело в Стоун-Пик. — спросила Келли, когда принесла Эль бургер, картофель фри и кофе.

— Думаю, ты бы сказала, что я убегаю от чего-то, — ответила, как ни в чем не бывало Эль.

— Дай догадаюсь, — сказала Келли, подмигивая ей. — Парень? Бывший парень или муж?

— Бывший мудака, — произнесла Эль.

— Я тебя понимаю, сестренка, — сказала Келли.

Официантка оставила ее в покое, чтобы та поела, но Эль наблюдала за ней. Не зная

почему, но Эль была очень рада увидеть девушку своего возраста в городе. Она втайне молилась, что может быть удастся обосноваться здесь, хотя бы потому, что у нее не было денег, чтобы вернуться из гор.

— Итак, — сказала Келли, убирая пустые тарелки, — ты здесь проездом?

Эль посмотрела на нее и улыбнулась. Она поняла, что ей предлагается дружба, когда увидела ответную улыбку.

— На самом деле, мне некуда податься.

Келли кивнула.

— Это твоя машина там припаркована?

Эль выглянула в окно.

— Разбитая развалюха с пустым баком? Да.

— А у тебя есть место, где можно остановиться?

Эль рассмеялась.

— Я остановлюсь в пятизвездочном отеле на вершине холма, — ответила она.

— Точно, — добавила Келли. — Это место, похоже, стоит тысячу баксов за ночь.

— Как это?

— Ну, ты можешь подумать, что находишься на краю земли, но, на самом деле, люди приезжают сюда со всего мира, чтобы покататься на лыжах на нетронутых горнолыжных склонах. Как правило, они прибывают и отбывают на вертолете, высаживаясь на вершине склонов, и редко выходят за территорию отеля. По правде говоря, я не помню, чтобы когда-нибудь обслуживала в закусочной хоть одного гостя отеля.

— Они слишком недоступны для таких как мы, простых обитателей?

— В точку. Слишком требовательные, чрезвычайно богаты. Они из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. И здесь они ради лыжных склонов, а не местной кухни. Некоторые из моих друзей работают там. Они говорят, что мы немного потеряли. Богатые иностранцы и бизнесмены, которые не знают, как поразвлечься, кроме как выпить бокал спиртного у камина вечером.

— А здесь довольно уютно, — заметила Эль.

Келли пожала плечами.

— Ты хочешь уюта? Я могу тебе предоставить уют.

— Правда?

— Если ты готова поработать для этого.

— Кем?

— Ты когда-нибудь раньше работала официанткой?

— Подруга, да я родилась с подносом в руках. Я начинала как посудомойка, когда еще была ребенком. Работала в таком огромном количестве закусочных, что ты даже не можешь себе представить.

— Ну, как видишь, мы тут в меньшинстве.

— Шутишь?

— Я не шучу, Эль. Если ты хочешь получить работу и место для проживания, то можешь остаться работать здесь.

— Ты меня разыгрываешь, — сказала Эль, поднимаясь на ноги.

Она уже чувствовала, как слезы подступают к глазам, но ее это не волновало. Она была так рада, что хотела расцеловать Келли. Вместо этого, она обняла ее и сжала крепче, чем было разумно для предлагаемой работы официанткой в закусочной небольшого городка.

— Это не «Хилтон», — продолжила Келли, — но местный механик Денни сдает в аренду несколько комнат поблизости. Ничего особенного, как я уже говорила, но мы могли бы снять там комнатку.

Эль только кивнула. Она изо всех сил старалась не разрыдаться.

— Да, — ответила она, — Да, Келли, да.

— Я этим займусь.

Глава 4

Эль

ЭЛЬ В ЭТУ НОЧЬ спала лучше, чем она когда-либо спала в течение долгого время. Она чувствовала себя в безопасности, не беспокоясь о том, что ей нужно делить кровать с Грисом. У него всегда был взрывной характер, но в последний год их отношения стали намного хуже, и ухудшение ее жизни увеличивалось понемногу. Если бы она сразу поняла, что собой представляет Грис, то никогда бы не позволила себе связаться с ним. Но поскольку это происходило постепенно, то со временем она начала придумывать оправдания каждый раз, чтобы каким-то образом объяснить проявление агрессии с его стороны.

Она испытывала сейчас стыд, что позволила произойти этому, и теперь поняла, какой огромный эмоциональный стресс она испытывала.

Теперь находясь в маленькой мансарде с высокими потолками, принадлежащей местному механику, и расположенной над каким-то прокуренным баром, она чувствовала себя, как во дворце. Келли помогла разжечь ей огонь в печке, стоявшей в углу. Затем она показала Эль, как работает душ в ванной комнате. В квартирке не было кухни, а только спальня и ванная, выполненная в деревенском стиле, а еще был обгорелый чайник, который можно было поворачивать над огнем.

Кровать была очень удобной. За окном мела метель, но с восьмью одеялами, сваленными на кровать, и с теплом, исходящим от очага, чердак прогрелся довольно быстро. Эль спала, как младенец, и когда проснулась утром, то подошла к окну, чтобы взглянуть на город при солнечном свете.

Это было захватывающее зрелище. Вид на горный перевал, по которому она ехала, поражал воображение. Ночью она не смогла оценить его красоту, но теперь перед ней открывался обзор над верхушками сосен на много миль вдаль. Серые скалы гор возвышались над долиной, подобно крепостным стенам. Воздух был ясным и чистым, таким холодным, что искорки льда плавали в нем и отражали солнце.

— Спасибо, Господи, — прошептала она.

Эль не была особо религиозным человеком, но знала, что есть кто-то там, и в такие минуты чувствовала, что он смотрит на нее.

Она бросила несколько поленьев дров на тлеющие угли, оставшиеся с ночи, и подула на них. Через несколько минут пламя облизало чайник, нагревая холодную воду, налитую из-под крана в ванной. Коричневый бумажный пакет со свежемолотым кофе находился рядом, и она сделала долгий, глубокий вдох, прежде чем насыпала его в кофейник. Что-то было в деревенской простоте мансарды, что ее безмерно радовало. Здесь не было ни телефона, ни интернета, ни телевидения. Она на минуту задумалась, а потом поняла, что она даже не знала, имелось ли здесь электричество. Она подумала, что, наверное, должно быть. Ночью же был свет. Она оглядела комнату, и увидела выключатель на стене. Он был старомодным, но все же электрическим.

В чем Эль не была уверена, так это в том, была ли здесь горячая вода или нет. Как ни пыталась, ей не удалось сделать так, чтобы из душа потекла горячая вода. Она закончила стирку в холодной горной воде, а потом сушила белье около очага, потягивая горячий кофе, пытаясь согреть себя.

Она завернулась в одеяло, пока пила кофе. В окно светило солнце, что давало некоторое

дополнительное тепло. Облака над вершинами гор на расстоянии казались такими красивыми, что она едва могла поверить, что, на самом деле, смотрит на них.

Эль открыла свой небольшой по размеру дневник в кожаном переплете, который повсюду путешествовал с ней. Он находился в машине, когда она сбежала из дома Гриса. Она открыла последнюю исписанную страницу. Это была цитата одного французского автора по фамилии Жид. Эль прочла ее.

*

Пусть лучше ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься.
(прим.пер. На самом деле, эта цитата принадлежит Курту Кобейну).

*

Пару секунд она размышляла о том, что эти слова могли значить. Интересно, она даже согласилась с ними. Затем закрыла дневник.

Эль договорилась встретиться с Келли в закусочной и решила, что не было особого смысла там торчать дольше, чем необходимо. Если она собиралась начать новую работу, то могла бы уже отправиться туда.

Дверь на чердак запиралась изнутри, поэтому она не могла запереть ее за собой. Эль подумала, что там все равно ничего не было такого, что можно было украсть. Только чайник и одеяла. У нее даже не было никакой одежды. Эль спустилась с покосившейся лестницы, и когда достигла низа, испытала такой ужас, который она не испытывала за всю свою жизнь.

Она закричала.

Перед ней стоял огромный мужчина в грязном комбинезоне с небритой щетиной, покрывающий большую часть его лица, и густыми бровями. Он выглядел словно только что с похмелья, полученном в баре под чердаком.

— Попридержи коней, не гони лошадей, — сказал он, поднимая руки вверх, как будто, на самом деле, успокаивая лошадь.

— Ох, — произнесла Эль, — извините, вы просто меня напугали.

— Сожалею об этом.

— Полагаю, что должна просить у вас прощения, — сказала Эль. — Вы должно быть мистер... э?

— Дэнис, именно так. Приятно познакомиться, Эль, не так ли?

— Да, сэр.

— Келли сказала мне, что я найду тебя здесь.

— Надеюсь, что все в порядке?

— Конечно, все отлично. На самом деле, я предпочитаю, когда кто-то присматривает за этим местом. Так спокойнее.

— Не уверена, что окажусь полезной в случае беды.

— О, просто зная, что кто-то есть рядом, радует мое сердце. На протяжении многих лет этот чердак пережил некоторых довольно ужасных арендаторов. С тобой все будет прилично.

— Ну, я действительно ценю, что вы позволили мне здесь остаться на некоторое время.

— Оставайся так долго, сколько захочешь, счастье мое. Мне в радость.

Эль улыбнулась.

Денис вспомнил что-то и рассмеялся.

— Полагаю, ты хотела бы, чтобы я включил отопление, — сказал он. — Без него в этом месте мало тепла. Конечно, нет и горячей воды.

- Это было бы замечательно, сэр.
- Пожалуйста, зови меня Денни.

Глава 5

Эль

КОГДА ЭЛЬ ПРИБЫЛА в закусочную, Келли уже ждала ее с чашкой горячего кофе.

В помещении находился только один клиент — пожилой человек в спецовке, уплетавший свой завтрак за стойкой.

— Как спалось? — спросила Келли.

— Мне понравилось это место, Келли. Там так уютно. Оно идеально. Я даже сегодня утром встретила Дэниса. Он собирается включить отопление, и таким образом, у меня будет горячая вода.

— Боже мой, я совсем забыла об этом.

— Все в порядке. Я разобралась.

— Ну, полагаю, первым делом тебя необходимо познакомить с поваром. Она к тому же, совершенно случайно, является боссом.

Эль последовала за Келли за стойку на кухню, где пухлая женщина с румяными щеками и добрым лицом жарила бекон на гриле.

— Грейси, это Эль, наше новое пополнение в семье. Эль, это Грейс — мать семейства.

Эль осознала, что слегка склонила голову.

— Огромное спасибо за предоставленную возможность, — произнесла она.

— Это я должна благодарить тебя, Эль, — сказала Грейс. — Если все получится, то ты действительно спасешь наши шеи. Я не знаю, как долго я и Келли смогли бы справиться с этим местом самостоятельно.

— Я не подведу вас, — сказала Эль.

— Уверена, что не подведешь, детка.

И верная своему слову, Эль не позволила Грейси или Келли пожалеть об этом ни минуты. Она взялась за работу с легкостью и уверенностью опытного профессионала. Она налиwała кофе, принимала заказы, разносила еду, убирала со столов, болтала с клиентами, и те начинали вести себя так, как ни Грейси, ни Келли прежде не видывали. Даже когда вошел Кочерыжка, местный алкаш, Эль удалось с легкостью его усадить, заставить поесть, и он даже оставил ей чаевые, чего никогда раньше не делал.

— Не могу поверить, что он принял тебя так быстро, — сказала Грейс, стоя у гриля. — Обычно он с ненавистью относится к новым людям.

— За что ненавидеть-то? — спросила Эль с улыбкой.

Затем она вернулась к стойке и наполнила кофе кружки механиков, лесорубов, разнорабочих, а также лесничих, которые с жадностью поглощали еду.

— Она подходит просто идеально, — сказала Грейс Келли, и Эль тихо улыбнулась про себя, услышав это.

Что-то было в этом месте, в этом городе, что пробуждало все лучшее в ней.

Она работала со своей частью посетителей, но никогда раньше в ее жизни клиенты, как казалось, не приветствовали ее с таким открытым сердцем, или босс так была готова с радостью увидеть ее сильные стороны, которые она старалась показать в работе. В глубине души Эль была общительным человеком. Здесь она занималась матерью с кучей ребятишек или рабочим после тяжелого трудового дня, и узнавая, что им нужно. Это была не обязательно еда, она не знала, что они заказывали, но она чувствовала, что они *нуждались*.

Каждому, кто пришел в закусочную, было нужно что-то, и Эль знала, что это не только желание поесть. Людям нужна компания, общение, кому-то надо улыбнуться, подбодрить в этот день.

— Вы хотите заработать диабет, насыпая столько сахара в чашку? — спросила она, бросая неприветливый взгляд на представителя парка, который работал на горе.

Он удивленно посмотрел на нее, но Эль уже ушла, прихватив с собой корзинку с тостами для другого парня у стойки.

Больше чем один клиент задал вопрос Грейс о *новой девушке*, и у них у всех был одобрительный тон, когда они спрашивали ее.

— Похоже, у тебя все получается, — сказала Келли, когда у девушек образовался короткий перерыв между обслуживанием клиентов.

— Думаешь?

— Знаю, — и она повернулась к грилю. — Верно, Грейси? Она же остается работать?

— Она продолжит работу, если только не принесет проблем в это место.

Эль покачала головой.

— Никаких проблем, Грейс, клянусь.

— Я не знаю, — сказала Грейс ласково. — Девушки твоего возраста, кстати, сколько тебе лет?

— Двадцать три, — ответила Эль.

— Как и мне, — заметила Келли с усмешкой.

— Девушки твоего возраста притягивают проблемы. Романтические драмы. Поверь мне. Я знаю.

— Грейс у нас была немного роковой женщиной в свое время, не так ли, Грейс?

— Эти времена давно прошли.

— О, никогда не бывает слишком поздно, Грейси. Любовь может находиться прямо за углом.

Грейс рассмеялась.

— Вы двое позаботьтесь о себе. Когда я была в вашем возрасте, то у меня были заняты руки, и я могу сказать вам, что довольно сильно. У вас обеих есть, что наверстывать.

Как будто по сигналу, дверь открылась, и группа молодых людей возраста где-то за двадцать вошла в помещение. Сопровождаемые порывом холодного горного ветра, четыре парня двинулись в зал.

— О, боже, — произнесла Келли, — Пришла беда.

Эль посмотрела на вошедших. Они были на несколько лет старше ее и Келли, но, тем не менее, им было где-то под тридцать. Их одежды носили эмблемы различных местных спортивных команд. Они были одеты в бейсболки и кроссовки, несмотря на то, что на улице было холодно.

— Черт, Келли, — сказал один из парней, — четыре кофе, и сделай это дерьмо живо.

Эль была удивлена, что Келли быстро подпрыгнула на требование парня.

— Он может подождать, как любой из присутствующих здесь, — заметила Эль.

— Не хочу, чтобы они подняли шум, — ответила Келли, бросившись к столку с кофе.

Эль осталась на месте у стойки, попивая свой собственный кофе. Она хотела знать, что такое с этими молодыми людьми. Они были не совсем в ее вкусе, выглядящие немного тощими, с облезлыми бородками, в запачканных рубашках. Они бы не выиграли в ближайшее время никаких конкурсов моды, но она знала, что нельзя судить о людях по их

внешнему виду. Вполне вероятно, что они могут оказаться хорошими парнями, несмотря на их грубый вход.

— Чертовски холодно, — сказал один из парней, двигая свою кружку с кофе по столу.

Эль не думала, что он преднамеренно двигал ее на другую сторону стола, чтобы она упала, но когда никто не остановил это, чашка соскользнула с края стола и разбилась об пол. Пару секунд все четверо парней и Келли смотрели на это удивленно, как будто было что-то необычное в соскальзывающей и падающей кружке, а затем четверка начала одновременно смеяться.

— Я думаю, тебе придется наклониться и убрать здесь все, — сказал один из них. — Хорошо, что ты в юбке.

— Досадно, что она не такая короткая.

Эль повернулась к Грейс. Та оглянулась и вздохнула.

— Я не могу им отказывать. Мне нужен мой бизнес.

— Они всегда такие?

— С тех пор, как Келли рассталась некоторое время назад с тем высоким, Филом, заводилой.

— Он отвратительно ведет себя по отношению к ней, — сказала Эль.

— Они — кучка избалованных говнюков, — произнесла Грейси. — Вон в том конце сидит мэр, он отец того, кто разбил кружку, а Фил — сын шерифа, отцы двух других также являются шишками здесь. Окружной судья и районный прокурор.

Эль кивнула.

— Вижу, — сказала она и схватила швабру и веник, чтобы помочь Келли.

Когда молодые люди увидели, что она приближается, то не сдержались. Они побросали все, чтобы заняться ей.

— О, Келли, детка, кто твоя новая подружка?

— Это твоя новая любовница? — добавил другой. — Вы — пара лесбиянок?

— Лесби, — поправил другой.

— Меня это не остановит, чтобы вставить им, — добавил первый.

Эль пыталась не позволить своему нраву взять над ней вверх Грейс сказала, что нуждалась в своем бизнесе, даже если они делали оскорбительные уколы, Эль не имела намерения подвести Грейс. Не в ее первый рабочий день.

Когда она наклонилась, чтобы подобрать осколки стекла, то почувствовала холодную руку на своей заднице. Она повернулась лицом к виновнику.

— Какого черта? — спросила она.

Молодой человек поднял руки в жесте извинения.

— Постой, у нас тут живое кое-что, парни.

Эль хотела дать ему пощечину, но она сдержала себя. Она проглотила свой гнев и помогла Келли закончить уборку, затем вернулась к стойке, чтобы помочь заняться обслуживанием и меню. Это был стол Келли, но она не собиралась отказываться от своего нового друга из-за них. Если она поможет Келли, то работа будет выполнена в два раза быстрее и с меньшим количеством возможностей для унижения любой из них. Келли это заметила, и коснулась плеча Эль, когда они понесли заказ к Грейс.

— Спасибо, Эль.

Эль посмотрела ей в глаза.

— Ты прикрываешь мою спину, а я твою.

Глава 6

Эль

ЧЕТЫРЕ ПАРНЯ НЕ ЗАМОЛКЛИ, пока их рты не оказались занятыми. Для Эль стало облегчением, когда они, наконец, получили свои заказы и перенесли свое внимание с официанток на еду.

— Кетчуп,— потребовал один из парней, жуя гамбургер.

— Конечно,— ответила Эль, удерживая на лице фальшивую улыбку, когда пошла за ним.

Когда она вернулась, прибыл новый клиент. Келли состроила мину. У нее была долгая смена, и у девушек оставалось еще несколько часов до ужина, прежде чем они могли бы перевернуть табличку и закончить работу. Эль знала, что каждый новый клиент получит ту же мину от Келли, и посчитала, что надо бы отправить подругу домой и попытаться обслужить вечерний пик самостоятельно. Она не сомневалась, что прошло некоторое время с последнего перерыва Келли, но не была уверена на все 100%, что сможет справиться с обслуживанием ужина самостоятельно. Сейчас в закусочной было пять клиентов, но чуть позже их может прибавиться.

Эль посмотрела на улицу и увидела, что движение на улице усилилось, люди периодически волнами выходили с работы. Через полчаса уже потемнеет.

— Садитесь, куда хотите,— сказала она новому клиенту, а затем, подняв глаза, в первый раз разглядела его как следует.

Он был полной противоположностью тем четырем парням, которыми она и Келли занимались последние полчаса. Он был высоким и широкоплечим, с темной щетиной и коротко постриженными волосами. Было похоже, что ему около тридцати, и если четверка за столом казались еще ребятами, то этот молодой человек был скорее мужчиной. Его руки были толстые и мускулистые, каждая мышца прекрасно определялась, словно была высечена. Кожа была загорелой, будто он жил рядом с пляжем. Его взгляд был глубоким с легким намеком на небольшие морщинки в уголках глаз, что говорило о том, что он много улыбался. Он казался слишком задумчивым. Эль хорошо разбиралась в людях, и в этом человеке она увидела глубину, которую было редкостью увидеть на лице человека его возраста. Клиент снова посмотрел на Эль, и, не сказав ни слова, прислушавшись к совету, сам нашел себе место, сев в ее зоне.

Он шел медленно, но целенаправленно. Было видно, что он — человек, который знает, куда идет, даже тогда, когда не был знаком с этим местом. А ведь он был *новичком* здесь. Эль была в этом абсолютно уверена. То как он осмотрелся вокруг, отмечая все важные детали в закусочной, как будто ему могло понадобиться воспользоваться ими позже. Он был таким человеком, который хотел знать, где расположены выходы из помещения, прежде чем позволить себе расслабиться.

«Каждый судит по себе», — подумала Эль.

Вдруг она ощутила, словно закусочная опустела, как будто уже не было четырех смутьянов, исчезли Келли и Грейс, и единственными людьми в помещении остались она и этот мужчина. Забыв про деликатность, она позволила себе следовать за ним пристальным взглядом, пока он направлялся к своему месту. Потом она чуть не споткнулась, торопясь, чтобы перехватить меню прежде, чем его взяла бы Келли.

Келли остановила ее около стойки.

— Кто это? — прошипела Эль.

Келли пожала плечами.

— Я никогда его раньше не видела.

— Он не местный?

— Кто-то новый.

Эль посмотрела на Грейс.

— Я не знаю, но он привлек твое внимание, не так ли? — спросила Грейс.

— Нет, не так, — запротестовала Эль.

Та понимающе улыбнулась.

— Конечно, нет.

— Мне просто интересно, знаете ли вы его.

Грейси посмотрела и прищурилась. Что-то ей говорило, что в этом человеке есть что-то смутно знакомое, но она не могла толком объяснить этого.

— Не уверена, — сказала она, наконец.

Эль схватила меню и кое-какие столовые приборы.

— Только будь осторожна, — прошептала Келли.

— Осторожной?

— Он выглядит *опасным* человеком.

— Он не смотрится опасным, — ответила Эль, но когда подошла к его столу, то почувствовала, как ее сердце колотится в груди. *Что-то* в нем определенно было. Опасность, одним словом. Знойность, было вторым. Ватноногость могло быть другим, если бы такое слово существовало.

Она кашлянула, когда подошла к его столу.

— Как ваши дела сегодня? — спросила она, раскладывая меню перед ним.

Он сидел неподвижно, глядя на скомканное письмо в руках, потом посмотрел на нее, как будто она выдернула его из своих мыслей.

— Оу, — сказал он.

Между ними возникло неловкое молчание, пока Эль ждала его ответа на вопрос, прежде чем поняла, что он действительно его не слышал.

— Хотите чего-нибудь выпить? Кофе, пиво, газированные напитки?

— Кофе было бы хорошо, — ответил он.

— Да, — сказала Эль. — Согреет вас в такой вечер.

Он улыбнулся. Она повернулась и бросилась, спасаясь от своей глупой болтовни, также сильно как от его присутствия. Пока наливала кофе для него, доставала сливки и сахар, Эль заметила, что в закускойной воцарилось молчание. Сначала она подумала, что это только у нее в голове, но затем оглянулась и убедилась сама. Келли стояла за стойкой, исподтишка наблюдая за новым клиентом, делая вид, что занимается столовыми приборами и салфетками. Грейс позволила луку подгореть, пока смотрела на него через окошко выдачи заказов. Даже четверка смутьянов затихла.

В заведении стояла тишина, а мужчина совершенно не обращал внимания на тот эффект, который он возымел здесь. Эль вернулась и поставила кружку перед ним, а затем положила ложку, пакетики сахара и поставила молочник со сливками.

— Вы приехали в город? — спросила она.

Он кивнул. Эль держала кофейник в руках и должна была налить его ему в чашку, но

что-то остановило ее. Она понимала, что как только она нальет ему кофе, то у нее не останется причин остаться здесь рядом с ним, а она хотела постоять. Эль желала поговорить с ним, но не могла объяснить почему.

— Впервые здесь?

Он издал короткий смешок.

— На самом деле, нет, — ответил он. — Этот город был моим домом однажды.

— Вы здесь жили?

— Я тут родился.

— Так вы вернулись сюда в гости?

— Полагаю, что так.

— Семья?

Он посмотрел ей в глаза, и его взгляд пронзил ее. Она почувствовала себя оленем, пойманным взглядом волка. Что-то в том, как он смотрел на нее, с какой силой, лишило ее способности здраво мыслить. Ее разум отключился.

— Думаю, это зависит от того, что понимать под «семьей».

Его лицо было словно с обложки журнала, линия подбородка четко выражена, высокие скулы, глубокий интенсивный взгляд.

— Что вы имеете в виду? — запнулась она.

— Ну, если под семьей вы подразумеваете людей, которые любят и заботятся о вас, то нет, я здесь не чтобы посетить семью.

— Поняла, — сказала она, размышляя над тем, что он пытался ей сказать.

— А если под семьей я подразумеваю людей, которые привели вас в этот мир?

Он улыбнулся.

— В таком случае, полагаю, что да. По этой причине я здесь.

Взгляд мужчины упал на письмо, и Эль осознала, что все еще держит кофейник.

Она начала наливать горячую жидкость в кружку. Пока она наливала, не произнося ни слова, мужчина протянул руку и коснулся ее руки. Это было странно, невероятная попытка и ласковый жест, проявленный незнакомцем. Это настолько удивило Эль, что она забыла о том, что наливает кофе, и жидкость, переполнив чашку, пролилась на стол и колени мужчины, обжигая его.

— О, боже, — ахнула Эль.

Он покачал головой.

— Нет, это моя вина. Не знаю, о чем думал. Я не должен был прикасаться рукой. Я был не в себе.

Он засунул руку в карман и вытащил пять долларов, которые тут же бросил на стол.

— Нет, все в порядке, — сказала Эль. — Я не возражаю.

Но он уже направился к выходу и вышел за дверь. Эль потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями, затем она поспешила обратно к стойке за тряпкой, чтобы убрать за собой беспорядок.

— Что это было? — спросила Келли.

Эль остановилась, и на мгновение посмотрела на Келли.

— Знаешь что, — сказала она, — понятия не имею.

Глава 7

Форестер

ФОРЕСТЕР ПОСМОТРЕЛ НА женщину, стоящую перед ним. Он почувствовал странное волнение по отношению к ней. Это было не только его обычное сексуальное желание, говорящее ему, чтобы он схватил ее и прижал к себе, а что— то совсем иное, нечто более глубокое. Он читал письмо от адвоката отца, и его ум был занят вещами, которыми ему предстояло заняться в ближайшие пару дней. Это непросто. Он должен был похоронить отца, которого ненавидел. Форестер следовало разобраться с недвижимостью, с которой он не хотел связываться. Ему предстояло столкнуться с демонами, преследующими его с детства. И впервые за долгое время, вероятно, со времен, когда отец Лейси принял его и привез в особняк, он испытывал страх и почувствовал себя одиноким.

Он понимал, что, на самом деле, он не одинок. В любой момент он мог позвать своих приемных братьев: Джексона, Гранта и Грейди. Он также мог положиться на Фэйт и Лейси, которые сделают для него все. Они бы за него под пули встали, и он это знал. Но это было то, что он не мог переложить на них, и он осознавал это. Это было то, о чем он должен был позаботиться сам, и Форестер понимал это.

А теперь он дотронулся до руки девушки.

Зачем он это сделал? Он даже не был с ней знаком, ничего не знал о ней. Как идиот, он выбежал из закуской, не оглядываясь назад. Он устроил сцену и знал это, но ничего не мог поделать.

Форестер практически побежал к своей машине, и как только сел на водительское место, то потерял контроль над собой. Он хватал ртом воздух, не мог отдышаться. Он сжал руки в кулаки и опустил их вниз на руль. Какого черта с ним случилось?

Он провел последние шестнадцать часов за рулем своего грузовика, и теперь, когда был, наконец, так близок к месту назначения, оказалось, что не может справиться с этим.

Что могла подумать эта официантка? Что он был уродом, вот что.

Он даже не осознавал, что протянул руку и коснулся ее, пока дело уже не было сделано. Форестер смутил ее, заставив пролить кофе, дотронувшись до нее. Он даже не обратил внимания на ожег. Это было ерундой. Что его заботило, так это то, что он выглядел как урод, особенно перед такой красивой девушкой. Он вспомнил момент, когда его рука коснулась ее. Ее кожа была гладкой и мягкой, с легким оттенком золота загара. Это навело его на мысль, что она недавно приехала в это место оттуда, где солнца немного больше, чем здесь. Ее глаза были большими и яркими, такими, которые могли бы успокоить вас. Но в ее теле ничего не было успокаивающим. Ее стан был как инструмент, настраивающий на страсть. Форестер познал свою долю женщин, но никто из них не выглядел так идеально подходящей для соблазнения. Девушка не была бродяжкой, и у нее были кое— какие округлости, они были именно такими, к каким Форестер испытывал слабость. Эта официантка была одета в юбку, и из— под нее весьма заманчиво тянулись ее длинные ноги. Он мог только представить, какая попка скрывалась под юбкой, какие соблазнительные округлости похоти и удовольствия, и, похоже, девушка даже не догадывалась, что оказывает такой эффект на мужчин.

Форестер понимал, какой тип женщин представляла собой эта официантка, или думал, что понимал. Его всегда поражало, что такие девушки существовали. Они были похожи на

существо, не имевших ни малейшего представления о собственной власти. Он читал когда—то о слонах в Индии, которые никогда не пытались убежать от своих хозяев, даже будучи привязанными только небольшой веревкой, потому что не осознавали, что были достаточно сильны для того, чтобы разорвать веревку. Эта официантка была именно такой. Она не пыталась соблазнить мужчин, не старалась использовать свое тело, чтобы получить то, чего хотела, потому что не верила, что была так невероятно привлекательна для них. Она выросла, думая, что была немного пухленькой дурнушкой и совершенно обыкновенной. Никогда в миллион лет ей бы не пришло в голову, что она выросла в прекрасного лебедя, существо, за которое мужчины отдали бы свои жизни, чтобы только вкусить удовольствие.

Это всегда было одной из жизненных тайн Форестера. Мир был полон совершенно обычных, заурядных девушек, которые считали, будто они были чертовски горячи. А в это время, даже не осознавая этого, настоящие sireны мужских сердец жили обычной жизнью, работая в магазинах, забегаловках, офисах, и которые даже не допускали в своих головах ни малейшего намека на сексуальную привлекательность, которой они обладали.

Форестер почувствовал, как его член затвердел, пока он думал о ней. Он пульсировал от желания. Он недолго раздумывал о том, чтобы вернуться в закусочную и вытащить ее оттуда с собой. Он хотел отвезти ее в ближайший мотель и прочистить ей мозги. Это было именно тем, что ему было необходимо, чтобы освободить напряженность, которая переполняла его тело.

Он вздохнул. Ему было ненавистно, что он позволил городу заполучить его. Он долго отсутствовал, более десяти лет, и стал совершенно другим человеком, не тем оскорбленным, травмированным мальчиком, который ушел отсюда. Он думал, что все, что он познал за годы, прошедшие с момента его ухода, все навыки и потенциал, которым он овладел, защитили бы его от призраков, живших здесь.

Он оказался неправ.

Сюда вернулся мальчик — напуганный, подвергшийся жестокому обращению, сломанный паренек.

Глава 8

Эль

ВСЕ МЫСЛИ В ГОЛОВЕ ЭЛЬ были заняты мужчиной, когда она закончила свою смену. Келли и Грейс смотрели на нее так, будто у нее внезапно выросло две головы.

— Что такое? — спросила она, не в силах больше игнорировать их.

Келли отвернулась, Грейс улыбнулась.

— Ты влюбилась, девочка, вот что.

— Влюбилась?

— Ты не можешь выкинуть этого человека из своего ума с того момента, как он пришел сюда и устроил эту сцену.

— Да, ладно.

Грейси посмотрела на Келли и пожала плечами.

— Я просто думаю о нем, — сказала Эль. — Это было странно. Он коснулся меня, и тогда я пролила кофе ему на колени, а потом он ушел.

— Странно, — подтвердила Келли.

— Не так уж все и странно, по большому счету — заметила Грейс.

— А я думаю, что это было довольно странно, — повторила Келли. — И я была бы поосторожнее с поиском такого парня, Эль. Он выглядел как большие неприятности.

Эль пришлось согласиться с этим утверждением. Он, однозначно, не был заурядным человеком. Его руки были накаченные с детальными татуировками. Он шел так уверенно и развязано, и это говорило о том, что он часто попадал в неприятности. Но он также был невероятно красив. Его глаза смотрели ей прямо в душу. Как бы она ни старалась, Эль просто не могла выкинуть его из головы. Он воспламенил ее, когда посмотрел ей в глаза.

— Однако он такой горячий, — произнесла Грейси.

Келли и Эль расхохотались.

— О, не скромничай, Грейси, — подразнила Келли. — Просто называй вещи своими именами.

— Возможно, я и выгляжу старше вас двоих, — ответила Грейси, тихо посмеиваясь, — но не думайте ни минуты, что я бы не знала, что делать с таким мужчиной, если мне когда-нибудь посчастливилось бы найти его в своей спальне.

После этих слов девушки рассмеялись еще сильнее.

Закусочная, наконец, опустела, и они стали убираться перед тем, как закрыть ее на ночь. Смена была долгой и беспокойной, и им нужно было похохотать.

— Что бы ты сделала с ним? — спросила Келли

— Я бы отправила его туда, где ему самое место, — рассмеялась Грейс, — прямо между моих ног.

— О, Грейси, — произнесла Эль.

— Не «О, Грейси», молодая леди. Я уже смотрела вниз на работяги-головки парней между ног раньше, чем любая из вас родилась. Черт, когда он пришел, вы две вели себя так, что, клянусь, у меня бы, вероятно, было больше шансов с ним замутить, чем у любой из вас.

— Ой, да ладно, — сказала Келли.

— Вы две увлеклись им на пару, как только он вошел.

— Мы не увлеклись им, — произнесла Келли.

— А я да, — призналась Эль.

— Он был тем, кто коснулся твоей руки, Эль, — напомнила ей Келли. — Если кто и забыл, как держать себя в руках, так это был он.

Это мысль заставила Эль быстро улыбнуться, прежде чем изгнать его из головы и вернуться к работе. Она ходила по закусочной, убирая стулья вверх, а потом начала мыть полы. Она почти закончила, когда Грейси и Келли предложили ей помочь.

— Нет, нет, — настаивала Эль. — Я смогу закончить здесь сама. Ты можешь идти, если хочешь вернуться домой, Грейси. Это был длинный день.

— Он прошел теперь намного быстрее, когда у нас появилась ты, — сказала она.

— Да, действительно, — добавила Келли. — Слава богу, ты пришла к нам.

Эль улыбнулась.

— Спасибо за доверие, — произнесла она. — Я очень благодарна. Без вас я бы оказалась без средств к существованию.

— Ты, правда, не возражаешь закрыть все здесь? — спросила Грейс.

Эль видела, как та устала.

— Конечно, Грейси.

— Отлично. Просто выключи свет и закрой все двери, когда закончишь. Дверь автоматически блокируется.

Эль проводила их взглядом, а затем закончила мыть пол. Она не могла поверить, что они держали это место вдвоем, управлялись самостоятельно. Они открылись на завтрак раньше семи, а сейчас было почти десять вечера. Несмотря на то, что закусочная не была забита весь день, а наплыв людей был волнообразный, но при этом количество работы было какое-то невероятное. Это заставило ее почувствовать себя хорошо, зная, что ее помощь необходима в этом месте. Работа была тяжелой, но хорошей, и ей это нравилось.

После того как она закончила с полом, Эль присела за стойку с чашкой кофе и пересчитала свои чаевые. В банке оказалось более ста пятидесяти долларов. Неплохо. Такое дополнение к зарплате было более чем достаточным, чтобы вести скромную жизнь.

Она была настроена оптимистично. Казалось, что она сможет встать на ноги. У нее было свое небольшое местечко, которое она могла назвать своим собственным, оно было простым, но уютным и комфортным, у нее появились две подруги, работа, и еще работающая машина. В целом, решила она, у нее есть все, что необходимо, чтобы вести милую жизнь. Если ей удастся держаться подальше от причиняющих беспокойство мужчин таких, как Грис, многое может сложиться удачно для нее.

Она одобрительно оглядела закусочную перед тем, как выключить свет. Все было на своих местах. Она закрыла дверь позади себя и услышала, как защелкнулся замок.

Когда Эль повернулась, чтобы направиться вниз по улице к своей маленькой квартире, то заметила машину, припаркованную на противоположной стороне стоянки. Она увидела человека, сидящего на переднем сиденье.

Сначала Эль испугалась, ведь она подумала, что мужчина наблюдает за ней, но потом увидела, что он спит.

Он, наверное, замерз.

Эль постучала в окно, и мужчина проснулся. Только тогда она поняла, что это был тот самый человек, на которого она ранее пролила кофе. Он открыл глаза и потер их. Казалось, он растерялся от того, где заснул.

— С вами все в порядке? — спросила она.

— Боже, где я? — произнес он.

Мужчина посмотрел в глаза Эль, и она снова почувствовала, как его взгляд пронзает ее так же, как тогда, когда он поглядел на нее в первый раз.

— Вы спите в машине.

— О, простите, — сказал он. — Это действительно ужасно. Я ехал вчера всю ночь и весь день. Должно быть, задремал.

— Температура упадет ниже нуля ночью, — заметила она.

— Знаю, мисс. Я благодарен вам за то, что разбудили меня. Это так не похоже на меня.

— С вами все в порядке?

Он какое-то время помолчал, прежде чем ответить.

— А знаете что? Я мог бы сказать, что в порядке, но я все же чувствую себя глупо. Во-первых, я заставил вас пролить кофе на меня. Теперь сплю на стоянке. Я знаю, что это не кажется нормальным.

— Это немного странно, — согласилась Эль, — но я не возражаю. Я просто хочу убедиться, что с вами все в порядке.

— У меня голова занята другим. Мне необходимо найти место, где я смогу остановиться.

— По дороге в город есть мотель.

— Я помню его, — ответил он. — Уверен, что у них есть свободные номера.

— Надеюсь на это, — сказала Эль. — Не уверена, что здесь еще есть места, где вы могли бы остановиться.

— Вон отель, — произнес он, глядя в сторону закрытого входа на роскошный горнолыжный курорт в конце улицы. Пламя его ламп светились в темноте. Они придавали всему городу вид старого мира, европейский облик.

— Я слышала, что это место слишком дорогое, — сказала Эль.

Мужчина кивнул.

— Я могу вас спросить еще об одной вещи? — задал он вопрос.

Эль посмотрела на мужчину. На секунду она позволила себе представить, что он собирался спросить, а может ли он пойти и остаться с ней. Это была просто фантазия, на один краткий миг, она представила себя сидящей перед печкой, а ее в защитном жесте обнимают его сильные руки.

— Вы знаете, где находится Похоронное бюро?

Она моргнула?

Он кивнул.

Внезапно все встало на свои места. Он не был уродом. Он был опечален. Мужчина узнал, что кто-то умер. Вот почему он вернулся в родной город.

— Я сожалею, — она произнесла, заикаясь. — Я здесь новенькая.

— А, хорошо, — сказал он и включил зажигание в грузовике. — Спасибо, что потратили на меня свое время, и извините, что чудил по отношению к вам. Обычно я не такой.

Он выехал со стоянки и не спеша поехал по улице. Она была удивлена, увидев, что он направился к роскошному отелю. Эль смотрела на задние фонари его машины, пока он их не выключил. Его машина смотрится странно на парковке во дворе перед отелем посреди всех этих роскошных автомобилей. Она полагала, что такие парни могут только смотреть на стоянку.

Глава 9

Эль

КОГДА ЭЛЬ ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ, Келли уже ждала ее у маленькой лестнице ведущей в квартиру.

— Что такое? — спросила Эль обеспокоенная тем, что могло что-то случиться.

— Я поняла, что не сходила отпраздновать с тобой выпивкой, — сказала Келли.

— Выпивкой?

— Ну, давай. Только быстро по одной. Прямо в баре за углом. После смены, которую ты выдержала, ты заслуживаешь хорошего холодного пива.

Эль улыбнулась. Это было правдой. Если кто и заслуживал выпивку, так это они.

— Разве не слишком поздно? — спросила Эль

Келли усмехнулась.

— Мы справимся, не так ли? К тому же няня Грейси сидит сегодня с моим.

— У тебя есть ребенок? — спросила удивленно Эль, что она сама не догадалась об этом.

Обычно она легко могла понять, когда женщина была матерью, даже если та не упоминала об этом.

— Почти, — сказала Келли. — Я старшая сестра. Я присматриваю за своим младшим братом, Лукасом. Ему одиннадцать. Наши родители умерли несколько лет назад, и с тех пор я присматриваю за ним.

— В одиночку? — уточнила Эль, переоценивая свою новую подругу.

— Почти, — ответила Келли. — Если бы Грейси не помогала нам, я не знаю, что бы было.

Эль протянула руку и похлопала Келли по спине. Она это сделала в знак уважения. Непонятно почему, она думала, что Келли была просто еще одной беспечной девчонкой, которая, конечно, выглядела именно так. Но услышав, что та потеряла родителей в раннем возрасте и воспитывала младшего брата, это добавило ее уважение к новой подруге.

Несколько минут спустя они сидели на больших, обитых кожей стульях красивого дубового бара.

Они находились в самом популярном баре города. Эль подумала о том, что вечер оказался спокойный, и в этом месте была все-таки приятная атмосфера. Сильный огонь ревел в камине, нагревая помещение. Несколько клиентов сидели вокруг, пили пиво и разговаривали между собой.

— Чем я могу тебя угостить Келли? — спросил бармен.

— Эль, это Гарри, самый лучший бармен в Скалистых горах. Гарри, это Эль, — вторая лучшая официантка в Скалистых горах.

Эль рассмеялась.

— Приятно познакомиться с тобой, Гарри.

— Мне тоже, Эль. Что привело тебя на наш маленький клочок мира?

Эль задумалась о том, что ему сказать, но Келли ответила за нее.

— Она работает со мной и Грейси.

— Понятно, — произнес Гарри.

Келли заказала пару бокалов пива, и Гарри принес их.

— Итак, — начала Эль, как только сделала глоток своего напитка, — вы с Грейс видели пикап на парковке, когда уходили?

— Не заметила, — сказала Келли. — Может быть, Грейс видела его, а что?

— Это был тот парень?

— Какой парень?

— Мужчина, на которого я пролила кофе.

— Он ждал тебя на стоянке?

— Нет, он не ждал меня.

— Тогда что?

— Он уснул в своей машине.

— Что? В такой холод? Я знала, что он ненормальный.

— Он не сумасшедший.

— Он очень странный, Эль.

— Он приехал на похороны. Он опечален.

— Он сказал тебе это?

— Он спросил меня, знаю ли я, где находится Похоронное бюро.

Бармен чистил стаканы и прислушивался к разговору девочек. Он спросил:

— Кто-то спрашивал тебя о похоронах?

— Да, — ответила Келли. — Странный парень пришел в закусочную сегодня и устроил сцену.

— Похоронное бюро здесь, в Стоун-Пик? — уточнил Гарри, глядя на Эль.

— Да, — ответила она.

— Он не назвал свое имя?

— Нет, — сказала Эль, глядя на бармена с любопытством. — А что?

— Как он выглядел? — продолжил Гарри.

— Высокий, — произнесла Эль

— Мускулистый, в татуировках, — добавила Келли.

— Какого приблизительно возраста?

— Я бы сказала, что-то около тридцати, — сказала Эль.

Гарри сделал какие-то подсчеты в уме, затем покачал головой.

— Черт, — буркнул он.

— Что такое, Гарри? — задала вопрос Келли.

— Он вернулся к нему.

— Что? — спросила Эль. — Кто вернулся? И к кому?

— Это долгая история, — сказал Гарри, — но этот сукин сын вернулся. Будь я проклят.

— Что за долгая история? — не унималась Эль.

— Вы не захотите, чтобы я вдавался в подробности.

— Конечно, хотим, — сказала Келли.

— Уверены? Это некрасивая история.

— Расскажи нам, — настаивали обе девушки.

— Ладно, — произнес Гарри, — но вам потребуется что-то покрепче, чем пиво.

Он налил каждой из них виски «Jameson's» и еще одну для себя, и выпил ее залпом.

— Ладно, слушайте внимательно, я собираюсь рассказать ее только один раз, — начал Гарри. — Человек, прямо сейчас находящийся в Похоронном бюро, был подлым сукиным сыном, который когда-либо жил в этом городе. Я имею в виду, что не люблю говорить плохо

о мертвых, но этот парень, Авраам Сноу, как его звали, был настоящим отъявленным негодяем. Он всегда был сукиным сыном, но действительно начал проявлять себя после того, как женился. Он женился на милой, местной девушке. Я хорошо ее знал. Ему повезло с ней, но этот мерзавец никогда об этом не задумывался. Он никогда не ценил ее. На самом деле, он распускал руки по отношению к ней время от времени. В те времена все выглядело по-другому, не то что сейчас. Ему все сходило с рук, тем более, что его жена была слишком напугана, чтобы пойти в полицию с этим. Во всяком случае, одно привело к другому, и она забеременела. Беременность не изменила ситуацию слишком сильно. Он не прекратил побои. Он стал приобретать необходимые для нее лекарства. Он даже отказал ей в правильной пище и питании и так далее. В принципе, он только чрезмерно присматривал за ней.

— Так что же случилось?— спросила Эль.

— Ну, пришло время ей рожать. Ее роды были не простыми, так как осложнения уже возникли во время беременности. Авраам отказался привезти ее в больницу, когда у нее начались схватки, что еще больше усугубило положение. Он боялся, что ему придется оплачивать больничный счет, и он будет большим, когда она родит.

— Зло какое.

— Да, согласен. Конечно, по всей видимости, она умоляла отвезти ее в больницу, но он отказал. Согласно отчету, который был составлен, она лежала в луже собственной крови в течение двенадцати часов, прежде чем он пошел на компромисс и позвал сестру своей жены. Когда сестра добрались туда, то поняла, что было уже слишком поздно. Мать уже была мертва.

— Это ужасно, — сказала Келли.

— А как же ребенок? — спросила Эль

Она посмотрела на Келли. Та находилась под впечатлением от рассказанной истории, хотя слышала некоторые дела раньше. Хотя она еще не до конца поняла, почему Гарри решил рассказать эту историю сейчас.

— Ребенок выжил, — продолжил Гарри. — Ему сейчас около тридцати, как вы и сказали.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что «как вы и сказали»?

— Если человек, которого вы видели сегодня, искал Похоронное бюро, тогда я бы утверждал наверняка, что он сын Авраама Сноу, ребенок, убивший свою мать по пути в этот мир.

— О, это ужасно, — сказала Эль.

— Он мог оказаться кем-то другим, — предположила Келли. — Он может и не быть его сыном.

Гарри кивнул.

— Это правда, — ответил он. — Но я знаю этот город, и знаю историю Авраама Сноу лучше, чем кто-либо другой, и называйте это интуицией, но если появляется молодой человек, ищущий Похоронное бюро, то это сын Авраама.

Эль с удивлением обнаружила, что ее глаза наполнились слезами. История оказала на нее большее влияние, чем обычно. Некоторые вещи, казалось, обрели смысл: что он делал в закусочной, как спал в своем грузовике, когда она нашла его, то, что он спросил ее про Похоронное бюро, что говорил о семье. Теперь она знала, что это был он.

— Что случилось с ребенком? — задала она вопрос.

— Ну, ты не захочешь знать.

— Захочу, — настаивала она.

— Уверена? Потому что, если ты думаешь, что до сих пор история была тяжелой, то станет только хуже.

— Ты не можешь сказать нам это и не закончить историю, — заметила Келли.

— Ладно, — сказал Гарри, — но сначала нам нужно повторить.

Он налил еще один раунд виски, и они выпили свои напитки. Он поставил перед девочками свежее пиво, а затем продолжил.

— У ребенка была такая тяжелая жизнь, какую вы даже представить не можете. Если вы думали, что Авраам был жестоким раньше, то даже не догадываетесь, каким он стал после того, как потерял жену. Он обвинил в этом ребенка.

— Что же он такого сделал? — спросила Келли.

— Я не знаю всех подробностей. Люди из Социальной службы постоянно ссорились с ним, но когда они пригрозили ему забрать мальчика из-под опеки Авраама, он просто поднялся в горы, где они не могли следить за ним. Много неприятных личностей жили в этих частях гор. Авраам соответствовал им. Бедный ребенок рос в руках монстра, в полном одиночестве в домике в лесу. Когда он, наконец, получил государственный медицинский осмотр, тогда ему было двенадцать, то на его теле нашли следы ожогов от сигарет. Казалось, старику нравилось использовать его тело в качестве пепельницы.

Эль прикрыла рот рукой. Она не могла поверить, что такое произошло с человеком, с которым она находилась в закускойной.

— Когда никто не видел малыша в течение месяца, то полиция, наконец, зашевелилась. Школьный совет слал бесчисленное количество писем, и в итоге власти приняли меры.

— Они тянули волюнку, — заметила Эль.

— Ну, здесь происходит все не так быстро, как могло бы в более современной части страны. Если хочешь знать мое мнение, то в этих местах человеку дается слишком много свободы, чтобы лечить свою собственную семью так, как он считает нужным.

— Что с ребенком? — спросила Эль. — Когда они нашли его?

— Не очень. Старик раздел мальчика догола и запер с четырьмя питбулями в коморке без окон или подвале, или что-то в этом роде.

— Что?

Гарри просто кивнул.

— С такими собаками... — начала Эль, не в состоянии закончить мысль.

Келли сделала это за нее.

— С такими собаками, которые могли бы убить ребенка, особенно, если голодны.

— Они были голодны, — сказал Гарри. — Они умирали с голоду. Как и мальчик. Но странное дело, несмотря на то, что это были мерзкие собаки, любую из которых нельзя оставлять без присмотра, тем более с ребенком, и несмотря на то, что Авраам купил собак в худших питомниках во всем регионе, собаки не навредили мальчику. Ни один волосок не упал с его головы.

— Что? — удивилась Келли.

— К тому времени, когда мальчика спасли, собаки были полностью приручены им. Полицейские ворвались в коморку или подвал, я не помню подробностей, и обнаружили мальчика, обнимающегося с собаками. Так или иначе, несмотря на то, что они умирали с голода в этой маленькой коморке, двенадцатилетнему мальчику удалось приручить их. На

самом деле, они полюбили его так, что вопили и завывали, когда полицейские забрали его.

— Это невероятно, — сказала Эль.

— Куда они его забрали? — спросила Келли.

Гарри пожал плечами.

— Они взяли его под опеку. Я не уверен, что именно произошло. Я слышал, что его определили в групповой дом в городе или куда-то еще. Несколько лет спустя, кто-то сказал мне, что его забрали к себе в Калифорнию таинственный богатый парень и его дочь.

Эль не знала, что и думать

— Это невероятная история, — произнесла она.

— Каждое слово — правда, — ответил Гарри. — Спроси любого, кто был здесь тогда.

— Не могу поверить, что человек, которого я видела сегодня в закусочной, возможно, был тем самым мальчиком.

— Ну, я тебе скажу больше, — сказал Гарри. — У Авраама Сноу не было других детей. Я знаю точно. И у него уж, однозначно, не было друзей. Он был один одишечек на белом свете, как того и заслуживал. Если мальчик прибыл сюда на похороны, то это тот самый. Как же его звали? Дай мне подумать.

Эль смотрела на Гарри, как ястреб, пока делала глоток своего пива. История мальчика полностью увлекла ее. Она чувствовала, что лично связана с ним, после того, что он повел себя в закусочной. Когда он протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, в этом жесте было что-то большее, чем она когда-либо испытывала раньше. Это пробралось ей под кожу.

— Форестер, — произнес Гарри. — Имя мальчика. Форестер Сноу.

Глава 10

Форестер

ФОРЕСТЕР ПОСМОТРЕЛ на продуваемое всеми ветрами кладбище и натянул куртку более плотно вокруг шеи. Он замерзал. Ему хватило ума упаковать черный костюм и белую рубашку, прежде чем он покинул дом, но он не вспомнил о хорошем пальто. Сейчас он был готов хорошо заплатить за него. Ветер завывал в горные вершины и проходил через него, как нож.

Перед ним была могила размером восемь футов длиной, полметра шириной и шесть футов глубиной. Вот что стало с его отцом — дыра в земле и деревянный ящик. Он смотрел на гроб, не самый дешевый из тех, которые были доступны в Похоронном бюро Стоун-Пика, но почти именно такой.

Священник, одетый в длинное черное пальто посмотрел на него.

— Ты готов начать, сынок?

— Да, отец, — сказал Форестер.

Он был единственным человеком, кто пришел на похороны, и был уверен, что священник даже бы не утруждался, если бы его здесь не было.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы похоронить останки Авраама Сноу, который теперь вернулся домой с нашим Господом, нашим Святым отцом.

Форестер не прислушиваться к словам. Он стоял там, дрожа, и смотрел на заоблачные пики вершин гор. Они, казалось, испытывали пределы самих небес, глядя, смогут ли они добраться достаточно высоко, чтобы перейти из этого мира в мир Господа.

Он посмотрел на свои руки. Что он сделал? Накануне в забегаловке, что это было? Не него это совсем не было похоже. Она подошла к нему, эта официантка, и стала наливать кофе. Ничего необычного. Но потом он протянул руку и коснулся ее. Зачем? Что же в ней привлекло его? Его тянуло к ней. Он ничего не знал о ней, и едва ли сказал ей пару слов. Но он хотел ее. Форестер должен поиметь ее. Он должен оказаться к ней поближе, чтобы получше рассмотреть, может быть, даже попробовать.

Похороны не заняли много времени. Когда священник закончил, он обратился к Форестеру напрямую. Он не знал, как много было известно священнику о нем и его жизни здесь, но он четко понимал, что о чем-то тому все же было известно, потому что он обращался к Форестеру со странным почтением, словно его прошлое принесло ему более глубокое уважение, чем обычному человеку.

— Хочешь сказать какие-нибудь слова, сынок?— спросил священник.

Форестер посмотрел на него, откашлялся, а потом произнес:

— Где тут ближайший виски-бар.

Глава 11

Эль

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ЭЛЬ СИДЕЛА с Келли в баре Гарри, расположившись рядом с горящим очагом.

Грейси позволила им закрыть закусочную пораньше, потому что не было посетителей. Грейси предпочитала, чтобы сотрудники отрабатывали часы максимально, но, учитывая чрезвычайно длинные смены, и то, что девушки пристали к ней, она была рада отпустить их домой пораньше, так как это не слишком сильно бы повлияло на бизнес. К тому же сегодня был особенный день, потому что Грейс отводила Люка в зоопарк. Они могли провести там весь день, и это означало, что Келли могла снова, уже вторую ночь подряд, пойти выпить. Для нее это было редким удовольствием.

— У тебя не было похмелья после прошлой ночи, не так ли? — поинтересовалась Эль у Келли.

— Нет, не было. А у тебя?

— Нет, но думаю, что у меня была парочка кошмаров из-за той истории, что Гарри рассказал нам.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Келли.

Эль подняла свой стакан, собираясь сделать первый глоток, когда Келли подтолкнула ее руку.

— Что? — спросила Эль.

— Вон там.

— Где?

— Смотри, — сказала Келли, указывая на дверь.

Эль взглянула в том направлении, и, конечно же, в нее входил человек, с которым она повстречалась вчера. Если Гарри был прав насчет него, то его звали Форестер Сноу. Эль поймала себя на том, что уставилась на мужчину, поэтому заставила себя отвести взгляд.

Он выглядел иначе, чем накануне, одетый в безупречно скроенный черный костюм, кожаные туфли и дорогую рубашку. Если бы не татуировки, выглядывающие из-под манжет и воротника, он бы вписался в любой зал заседаний в стране. Сказать, что он — красавчик, являлось бы преуменьшением века. Он был потрясающе восхитителен.

Эль и Келли следили за каждым его движением, пока он шел по направлению к бару, а затем сел на другой его стороне лицом к ним. Бар имел U-образную форму с пространством внутри, отведенным для Гарри.

Форестер находился напротив них в четырех метрах от глаз Эль, и она, воспользовавшись случаем, вбирала в себя каждую черточку, каждую деталь его тела. Она словно была околдована им до тех пор, пока Келли не пнула ее в голень.

— Ой, — буркнула она.

— Ладно, дай ему выпить свой напиток без того, чтобы ты пускала на него слюни.

— Я не пускаю.

— Эль, ты практически перегнулась через бар. Если ты еще попытаешься приблизиться к нему, ты упадешь.

Форестер заказал пиво и виски и только затем посмотрел на свое окружение.

Эль застыла, когда он взглянул в ее сторону. Она почувствовала, как кровь приливает к

ее щекам, выступая явным румянцем от смущения, и ощутила, как ей вдруг стало жарко.

— Привет, — небрежно сказала Келли, слегка махнув ему рукой.

— Здравствуйте, леди, — ответил Форестер, и Эль вздохнула с облегчением при звуке его голоса.

Она молилась, чтобы он не смотрел на нее, потому что если бы он это сделал, то, наверняка, она боялась, что потеряет голову и упадет стул. Но он все же взглянул на нее.

— Эй, — произнес он. — Спасибо за прошлую ночь. В отеле было намного более комфортно, чем в машине.

Эль улыбнулась. Она пыталась заставить себя ровно дышать и взять под контроль сердце, несущееся галопом.

— Без проблем, — пролепетала она, и тут же подумала, что ее голос прозвучал как-то странно.

Она пыталась придумать, что еще можно сказать, чтобы избежать неловкого молчания, когда дверь бара открылась, и в нее вошло несколько человек. Ее сердце упало, когда она увидела, что это были те же четыре смутьяна, которые накануне преследовали ее и Келли в кафе.

— О, здорово, — сказала Келли себе под нос. — Начинается.

— Они ведь не будут цепляться к нам здесь, не так ли? — спросила Эль.

Словно отвечая на ее вопрос, один из компании парней подошел и встал между ними, а потом приобнял их обеих.

— Что такие красивые девчонки делают здесь в одиночестве, одни на ночь?

— Ничего, — ответила Келли.

— А кто твоя подруга? Сладкие щечки? Горячие губки?

— Ее зовут Эль. А теперь оставь нас в покое, придурок.

— Придурок? — переспросил парень. — Давай, Келли. Это не то, как ты называла меня прошлой ночью.

— Исчезни Фил, — сказала Келли.

— Ты умоляла меня о большем той ночью. Теперь ты даже не хочешь взглянуть на меня.

— Если ты не уберешь свои руки от меня и моей подруги в течение трех секунд, я позову Гарри.

Гарри находился на кухне, расположенной за стойкой бара, и еще не знал, что за компания пришла в его мирное заведение.

— И что Гарри сделает? — спросил Фил, состроив гримасу своим трем товарищам. — Он знает, что мой отец — мэр этого города. Он понимает, что будет с его лицензией на алкоголь, если он даже самую малость повысит на меня голос.

Келли вздохнула, и Эль вдруг поняла, что от этого парня может исходить весьма реальная опасность. Возможно, Гарри боялся этих ребят, или, точнее, их отцов — политиков.

— Гарри, — позвала она.

Если этот город был под каблуком у избалованных, заносчивых засранцев, то она хотела бы узнать об этом, чем раньше, тем лучше. — Гарри, можно мне еще налить?

Ответа не последовало. Она знала, что Гарри был где-то там, но он явно избегал конфронтации с мальчишками. Значит, это правда. Как оказалось, эти парни имели полную свободу действий.

Теперь рука Фила скользнула ниже плеч девушек, непосредственно рядом с грудью.

— Не так быстро, придурок, — сказала Эль. — Если твоя рука сдвинется еще хоть на дюйм, я надеру тебе задницу.

Это вызвало большой взрыв смеха у Филадельфии и трех его жалких друзей. Эль взяла свою бутылку пива и подумала о том, что ей стоит разбить ее об уродливую голову Филадельфии. Но она не могла этого сделать. Эль осознавала, что пожалеет об этом. Если отец Филадельфии был мэром, а отец другого парня — шерифом, то, она понимала, у нее действительно нет вариантов. Она не могла позволить себе попасть в неприятности.

Троица устроилась в кабинке, пока Фил продолжал приставать к Эль и Келли. Эль вспомнила, что Келли встречалась с этим болваном, и покачала головой от этой мысли. Если мужчины в городе поступали таким образом, то неудивительно, что Келли была одинока.

— Так ты собираешься надрать мне задницу? — спросил Фил

— Просто отстань от нас, идиот, — сказала Келли.

— Ладно, ладно, я джентльмен. Я знаю, когда мне нужно уйти.

— Точно, — произнесла Эль. — Тебя здесь не хотят.

Именно в этот момент Гарри вышел из кухни. Он, должно быть, терпел, сколько мог, потому что он сразу направился прямо к Эль и Келли, и, казалось, что-то собирался сказать. Эль заметила, что Келли покачала ему головой.

— У нас все хорошо, — произнесла она Гарри.

Он кивнул, и Эль заметила, как на его лице промелькнуло облегчение.

Фил шагнул на другой конец бара к кабинке, где расположились его друзья, и Гарри последовал за ним. Эль наблюдала, как Гарри принял у них заказ на две кружки пива и четыре котлеты.

— Что это было? — спросила себе под нос Эль у Келли, ссылаясь имея в виду поведение Гарри.

Келли вздохнула.

— Он бы вышел, чтобы заступиться за нас, — сказала она. — Я знаю это. Он делал так раньше. Но это не очень хорошо.

— Что ты хочешь сказать?

— Уж лучше пусть эти ребята делают все, что хотят. Последний раз, когда Гарри заступился, мэр закрыл бар на месяц. Гарри не смог оплачивать свои счета и чуть не лишился места из-за этих парней. Я слишком хорошо знаю их всех. Ты уже знакома с Филом. Тот, что сидит с ним рядом, Патрик. Двое других напротив — Рэнди и Хэл. Их отцы: мэр, шериф, окружной прокурор и окружной судья. Только подумай, как можно пытаться вести бизнес в этом городе, если ты ввязался в неприятности с такими людьми.

— Понятно, — сказала Эль.

— Вот почему я считала, что было бы лучше просто позволить Филу поразвлечься и подождать, пока ему это надоест. Я никогда не смогу простить себе, если Гарри лишится средств к существованию из-за того, что можно было бы избежать. Это все, что у него есть, что было в его семье в течение нескольких поколений.

Эль кивнула. Она разобралась в ситуации. Как только она начала думать, что в Стоун-Пике было слишком хорошо, чтобы это оказалось правдой, то сразу узнала, что ей придется столкнуться с этой четверкой. Эль посмотрела на парней. Она понимала, что они собой представляли. Они бы хорошо спелись с ее бывшим — Грисом, так как любили повеселиться, и им никогда не было так весело, как тогда, когда они становились причиной неприятностей для кого-то другого.

Она бросила взгляд через бар на Форестера. Тот смотрел в свой стакан, делая вид, что не заметил того, что только что произошло. Эль почувствовала, что ее сердце замерло. Она понимала, почему такой мужчина, как он, не желал попадать в неприятности. Эль могла бы уважать человека, который избегал драки, но все-таки маленькая часть внутри нее хотела надеяться, что Форестер все же был тем, кто вмешивается в ситуации, когда видит несправедливость. Ей пришлось признать, что она была разочарована. Возможно, он не был мужчиной, которого она нарисовала в своем уме. Может быть, насилие со стороны отца, испытанное им в детстве, подточило храбрость в его сердце.

Гарри обслужил компанию, принес им напитки, и вернулся к девушкам.

— Мне очень жаль, девочки.

— Все хорошо, Гарри, — начала Келли. — Это не твоя вина.

— Это неправильно, что я стоял в сторонке, пока мальчишка говорил такое дамам в моем заведении.

— Ты помнишь, что случилось в прошлый раз, Гарри. Оно того не стоит.

Хотя он и кивнул, но Эль могла точно сказать, что он не согласен с этим. Ситуация давила на него, и ему это не нравилось.

Эль и Келли потягивали свои напитки в тишине. Парни из компании смеялись в своем углу и шутили о чем-то. Гарри вернулся и стал трудиться, не покладая рук, как и раньше, но над ним словно нависла туча. Эль искоса посматривала на Форестера, но тот продолжал изучать свой напиток. В конце концов, ей это надоело, и она соскочила со своего места.

— Что ты делаешь? — спросила Келли.

— Собираюсь поговорить с этим парнем.

Брови Келли поползли вверх.

— Будь осторожна, — сказала она. — Он из тех тихонь, которые наиболее опасны.

— Мы еще посмотрим, — буркнула Эль и обогнула бар с пивом в руке.

Когда она подходила ближе к Форестеру, то ей казалось, что его присутствие с каждым шагом росло, расширялось и занимало пространство вокруг него. Она могла сказать, что он обладал властью, и являлся человеком, способным изменить положение вещей. Он был тем, кто мог изменить ситуацию.

Так почему же он просто сидел там, когда Фил приставал к ней и Келли?

— Привет, ты нашел Похоронное бюро? — спросила она, когда подошла к нему.

Он посмотрел на нее, оторвав глаза от виски, и поймал ее взгляд своим. Эль пришлось сделать глубокий вдох.

Он смотрел на нее так, как будто заглядывал в ее разум. Она чувствовала себя так, словно он мог читать ее мысли. А ее основная мысль в тот момент заключалась в том, что если он был таким сильным, настолько горячим, мускулистым и татуированным, то почему он не мог заступиться за нее и Келли?

— Я нашел его, — подтвердил Форестер.

Эль подождала, давая ему возможность уточнить детали про похороны его отца, но он так ничего и не сказал. Эль поняла, что он был неразговорчив.

— Как ожог? — спросила она.

Форестер улыбнулся при этом воспоминании.

— Опять же, прошу прощения за свое поведение вчера. Это был странный день.

Эль кивнула. Он задрал рукав своего пиджака и показал ей область кожи, обожженную кофе.

В этом месте кожа была покрасневшей и слегка воспалившейся, но было понятно, что кожа зажила бы за день или за два.

— Уже лучше, — сказал он.

Эль не слышала, потому что она была увлечена тем, что увидела. Все его руки были испещрены маленькими, круглыми ожогами от сигарет.

— Так это правда, — не задумываясь, выдохнула она.

Инстинктивно Форестер потянул рукав вниз.

— Что правда? — спросил он.

— Прости, — пробормотала Эль, — ничего.

— Что правда? — повторил свой вопрос Форестер.

Он не был рассержен, скорее всего, ему было любопытно.

— Мне, действительно, не следовало говорить. Это личное.

— Что за личное?

— Это лишь..., — Эль вздохнула, — извини, я знаю, что это не мое дело, но ты же знаешь, что люди говорят.

— О чем?

— Я слышала, что у тебя имелись сигаретные ожоги на руке. Вот и все. Я не была уверена, верить мне этому или нет, но теперь я вижу, что это правда.

— Ты слышала обо мне? — спросил Форестер.

— Да. Ты же понимаешь. Город небольшой. Люди сплетничают.

— Предполагаю, что они так делают, — сказал Форестер, которого почти забавляло, что она что-то слышала о нем.

Он не был готов к такому. Он покинул Стоун-Пик, когда ему было двенадцать лет. Сначала Форестер жил в Биллингсе, а позже в Калифорнии с Лейси, ее отцом и братьями. Люди в Стоун-Пике, возможно, знали его историю, но к тому времени, как он прибыл в Калифорнию, Форестер оказался просто еще один ребенок с прошлым. Он не привык к тому, что люди знали его историю. Он даже не представлял, что все в Стоун-Пике, возможно, до сих пор помнят его. Он уже давно забыл всех их.

— Мне, правда, не следовало, тебе ничего говорить, — сказала Эль, испытывая неловкость.

Она посмотрела на Келли, которая наблюдала за происходящим с озадаченным выражением на лице. Чтобы сменить тему, Эль перевела разговор на татуировки.

— Ты любишь питбулей? — спросила она.

Она была так взволнована, что на время забыла, что эти собаки играли неотъемлемую роль в истории Форестера, как и ожоги от сигарет. Она увидела татуировки, покрывавшие его руку, поэтому и подняла вопрос о них.

— Думаю, что да, — ответил Форестер.

— Почему? — спросила Эль, заходя все дальше и дальше.

Форестер задумался.

— Я полагаю, — начал он, — что они напоминают мне о том, что можно найти доброту и любовь в самых неожиданных местах. Иногда это может оказаться самым последним, которое ожидаешь, местом, но где найдешь величайшее из всех сокровищ.

— Это хорошая мысль, — заметила Эль.

— Ну, это то, на что я обратил внимание, когда рос. Такое случилось со мной дважды.

— На самом деле, а когда?

Форестер рассмеялся.

— Слишком много вопросов.

— Я думаю, ты меня заинтересовал, — сказала Эль

— А что насчет тебя? Может быть, у меня тоже есть несколько вопросов?

— Обо мне? — спросила Эль, удивившись.

— Конечно. Не каждый день я сталкиваюсь с девушкой, которая действует на меня так, как ты.

— Я влияю на тебя?

— Ты же видела, что произошло, — сказал Форестер, фиксируя на ней полной энергии взгляд. — Ты наливала мне кофе, а я просто протянул руку и прикоснулся к твоей руке. Это не совсем нормально для меня.

— Ты когда-нибудь раньше делал такое?

— Конечно, нет.

— Так почему ты сделал это со мной?

Форестер пожал плечами.

— Не знаю. Миллион причин. Кто может сказать, почему, по правде говоря, любой из нас делает то, что делает?

Эль была удивлена тем, насколько комфортно она начала себя чувствовать с ним. Она была настолько застенчива, когда начала разговор с Форестором, и думала, что ее состояние ухудшится, особенно из-за тона, которым он говорил с ней. Он флиртовал. Она была уверена в этом. Но что-то в нем успокаивало ее. Эль хотела бы остаться и поговорить с ним. Она бы с удовольствием осталась и болтала бы с ним всю ночь напролет, но в этот момент Келли поманила ее обратно.

— Мне кажется, я должна вернуться к своей подруге, — заметила Эль.

То, каким образом Форестер взглянул на нее, заставило ее сердце бешено биться. Он не стеснялся ничего. Он просто прямо смотрел на нее, в ее глаза, и если она даже поглядела бы прямо на него в ответ, он отказался бы отвести взгляд. Этот момент длился несколько секунд, но казалось, что несколько часов. Эль сделала глубокий вдох. Она даже не представляла, что в этот момент она и Форестер, возможно, общались друг с другом.

Глава 12

Форестер

ФОРЕСТЕР НАБЛЮДАЛ за Эль, возвращающейся к своей подруге. Он еще не знал, как ее зовут, но что-то ему подсказывало, что она станет важной частью его жизни, по крайней мере, в ближайшем будущем. У него всегда было чутье на такие вещи, и, когда он посмотрел ей в глаза, та напряженность взгляда, которую они разделили, что-то да означала.

Он загляделся на ее прекрасно сложенную попку, раскачивавшуюся туда-сюда, пока она шла от него, и когда она заняла свое место рядом со своей подругой, он смотрел прямо на нее, не прикладывая никаких усилий, чтобы скрыть свой интерес.

Она будет его. Она должна стать его. У него не было никаких сомнений.

На самом деле, возможно, она причина того, что он вообще вернулся в этот город. Только Бог знал. Прежде чем он отправился, Фэйт и Лейси называли ему множество причин, чтобы он не приезжал сюда. На самом деле, они практически запрещали ему ехать. Но он настоял на своем. Форестер чувствовал, что была причина.

Была ли этой причиной девушка?

Она, конечно, не похожа ни на кого, с кем ему приходилось сталкиваться раньше. В ней имелась тайная сила, под поверхностью скрывалась спокойная уверенность. С виду она была сладкой, красивой и милой, но он знал, что внутри нее было что-то смелое, что-то более дикое, что он смог бы полюбить. Назовите это предчувствием, но Форестер был уверен, что узнав правду о нем, всем том, что ему пришлось пережить, она все равно смогла бы полюбить, потому что была именно такой девушкой. Той, кто *по-настоящему* мог полюбить его. И если он нашел человека, способного полюбить его, то кто знает, может, она бы могла даже родить ему ребенка.

Он посмотрел через стойку на нее и покачал головой. Он не мог поверить своим глазам. Из всех мест, именно здесь, он нашел девушку с огнем в глазах, что искал всю свою жизнь.

Форестер заказал еще виски и потягивал его, а в это время один из компании идиотов поставил песню на музыкальном автомате. Форестер с трудом узнал какой-то глупый хит, бывший популярным несколько лет назад.

После того, как включил автомат, парень подошел к девушкам и обратился к ним по имени:

— Келли, Эль, что вы скажешь, если мы начнем вечеринку?

Форестер наблюдал, как девушки закатил глаза, и переглянулись с выражением презрения на их лицах. Он понимал, что ни одна из них не была заинтересована в танцах с парнями. Он также понял, что они являлись сыновьями важных местных политиков, и по этой причине бармен не мог ничего с ними поделать.

Форестер не понимал, почему еще не вступился, чтобы избавиться от нахалов. Ему не нравилось, когда домогались женщин. Он ни на йоту не боялся отцов этих мальчишек. Ничего такого не было в мире людей из городка, подобному этому, которые были бы способны причинить ему вред. Вместе с Джексоном, Грантом и Грейди, он знал, что в таком месте не бывает никаких проблем, с которыми он бы не мог справиться.

Но что-то удерживало его от дальнейших шагов. Он понял, что это было его собственное любопытство. Форестер хотел увидеть, что это за девушка, Эль, как называли ее по имени. Он хотел посмотреть, что она будет делать в такой ситуации? Какой она человек? Будет ли она

мириться с ними? Или проигнорирует их? Обратится ли за помощью? Даст ли она им то, что они хотят? Существовало много вариантов того, как она поведет себя. Форестер не сомневался, что она еще сама не знала, какой путь выберет.

«Эль», — произнес он про себя, пробуя имя на вкус. Ему понравилось, как оно звучит.

Придурок, как и три его друга, теперь стояли прямо рядом с сиденьями девушек. Один из них схватил Келли за руку и попытался стащить ее из стула. Два других ухватились за Эль, ведя себя, как стая, и стали уговаривать девушек пойти на танцпол, расположенный перед барной стойкой.

Форестер сделал глоток своего напитка. Он все еще ждал. Если хочешь узнать о человеке, наблюдай за ним.

Что будет делать Эль? Кто она? Была ли она девушкой для него?

— Ты когда-нибудь была с настоящим мужчиной? — спросил главарь компании у Эль.

— А как узнать разницу? — спросила Эль.

Форестер улыбнулся на ее ответ.

— Ну, давай, детка, — произнес главарь, положив руку ей на талию. — Позволь мне показать тебе, как хорошо проводить время.

— Ты не знаешь, что значит доставить девушке удовольствие, даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

— Ты слишком дерзкая девчонка.

— Ты не видел и половину, — сказала Эль.

Она выдернула руку и попыталась шлепнуть парня по лицу. Он поймал ее за руку на середине пути и вернул ее руку назад.

— Злючка, не так ли?

Эль улыбнулась ему с невинным видом, а затем, в мгновение ока, подняла колено и ударила им прямо ему по паху. Тот согнулся пополам в агонии.

Форестер рассмеялся про себя. Он видел достаточно, и не должен позволить этому сукину сыну зайти дальше в попытках добраться до Эль. Она такая прямолинейная, и называла их так, как видела. Это все, что он хотел знать.

Из-за того, что произошло, когда он был ребенком, у Форестера имелись проблемы с доверием. Он научился справляться, внимательно наблюдая за людьми, находящимися в стрессовых ситуациях, и, видя, какие решения они предпринимают. Это было удивительно, как поведение людей много говорило о них.

Он видел, например, что, хотя Гарри был хорошим человеком, который хотел поступать правильно, но ему не хватало смелости, чтобы преодолеть границу, когда стало ясно, что он может потерять все, если сделает этот шаг. Келли закатывая глаза, пыталась отбиться от парней, избегая при этом делать что-нибудь, что могло бы их спровоцировать. У нее было прошлое с хамом по имени Фил. Форестер мог сказать об этом по языку ее тела. Она к тому же пытается защитить других людей. Это была главная причина, почему она терпела Фила и его друзей. Ей не нравилось, что они делали, но она избегала открытой конфронтации, так как была слишком напугана тем, что могло случиться с теми, кого она любила: ее семьей, Гарри, ее боссом в закусочной. У Эль не было этих заморочек. Форестер наблюдал за тем, как она толкнула Фила через танцпол и направилась обратно к бару.

— Пошли, Келли. Давай выбираться из этого места.

— Не так быстро, красавица, — сказал Фил.

Форестер встал.

— Эй, бармен, — начал он, — я очень сожалею о беспорядке.

— Каком беспорядке? — спросил Гарри

Форестер положил стодолларовую купюру на стойку.

— Об этом, — сказал он и, взяв барный стул, ударил им по барной стойке, разбив его на куски.

Все в заведении замолчали. У Гарри отвисла челюсть. Эль и Келли посмотрели на него со смесью тревоги и облегчения. Они, наконец, увидели, что хоть кто-то что-то предпримет, хотя уже задавались вопросом, какого черта он так долго ждал.

Несмотря на то, что четверку нахалов напугали его действия, и все же они были настроены крайне воинственно.

Они практически рычали.

— Ты, — сказал Форестер, указывая на Филадельфию. — Мне помнится, леди сказала тебе, чтобы ты отвалил от нее.

— Кто ты такой? — спросил Фил, выпятив грудь.

Форестеру пришлось остановить себя, чтобы не закатить глаза. Невежливо закатывать глаза перед тем, как ты планируешь избить парня.

— Я ее друг.

— Ну, друг, я собираюсь дать тебе пять секунд, чтобы убраться отсюда своей задницей, прежде чем отправить ее в отделение скорой помощи.

Форестер подошел прямо к нему. Фил сделал шаг назад, пытаясь восстановить свое мужество. Когда Форестер надвинулся на других парней, один из них замахнулся на него кулаком. Форестер перехватил кулак в середине полета, даже не поворачиваясь к парню, который пытался его ударить, и начал сдавливать его. Тот закричал от боли и упал на колени перед Форестером, который уже отпустил его руку.

— Думаю, что вам, говнюкам, пришло время убраться отсюда, — сказал Форестер, — пока никто не пострадал.

— Прежде чем кто-то пострадает? — спросил главарь. — Давай, приятель. Нас тут четверо.

Форестер посмотрел на парня, чей кулак он только что раздавил.

— Трое, — исправился Фил и его голос дрожал.

В этот момент один из мальчиков прыгнул вперед на Форестера. Форестер сделал шаг назад, так что парень промахнулся. Затем он схватил того за руку и завел ее ему за спину, когда парень споткнулся об подножку. Тот упал, врезавшись в стул около бара.

— Двое, — заметил Форестер.

— Кто ты? — спросил Фил.

Форестер улыбнулся ему.

— Я Форестер Сноу, — сказал он. — Я из этих мест. Возможно, вы уже слышали обо мне.

Фил молчал некоторое время, пока о чем-то думал. Это имя явно было ему знакомо.

Затем его осенило.

— Питбули. Похороны. Ты вернулся.

— Вернулся, — подтвердил Форестер. — И если кто из вас, недоумков, даже покусится в сторону этого бара или на любую из этих девушек, то ваши тела никогда не найдут. Вы меня слышите?

Фил посмотрел на своих друзей и жестом показал им отступить.

— Пошли, ребята, — сказал он. — Давайте убираться отсюда.

Форестер стоял посреди танцпола, ни на йоту не сдвинувшись с места, пока компания собрала свои вещи, оплатила счет и покинула бар.

— Я еще раз прошу прощения за доставленный беспорядок, — сказал он Гарри.

Тот только покачал головой. Он еще не осознал, что только что произошло. Он был обеспокоен тем, что последствия этого могли обернуться против него. Но Форестер должен был позаботиться, чтобы этого не произошло. Все, что он делал, делал на совесть. Он не начал бы драку в таком городке, как этот, если бы не хотел задержаться и довести это дело до конца.

— Простите, что испортил вам вечер, мисс..., — сказал он.

Келли только покачала головой. Она не знала, как реагировать.

— Это мой бывший, — пролепетала она.

Форестер кивнул.

— Он был дерьмовым парнем, — добавила Келли.

Эль смотрела на него, но он ничего ей не сказал. Затем повернулся и зашагал к двери. Эль смотрела на него с широко открытым ртом. Когда Форестер добрался до двери, то повернулся к ней. Она все еще глядела на него, ее большие глаза были полны восхищения. Она была его. Он знал это.

Форестер улыбнулся ей.

— Ты идешь?

Глава 13

Эль

ЭЛЬ НАХОДИЛАСЬ В ШОКОВОМ СОСТОЯНИИ. Она смотрела на сцену, сломанный табурет, на разбитые бутылки, на выражение лиц Келли и Гарри. Когда Форестер позвал ее, то сердце в груди совершило кульбит. Она думала, что он уйдет, не сказав ей ни слова. Теперь она разрывалась. А хочет ли она находиться рядом с таким парнем?

Форестер не стал ждать. Он прошел мимо, направившись прямо к двери. Эль посмотрела на Келли в попытке найти помощь. Она точно знала, что у нее было лишь мгновение, чтобы принять решение.

— Чего ты ждешь? — спросила Келли.

— Думаешь? — ответила Эль, внимательно глядя на свою подругу.

— Ты без ума от этого парня. Это настолько очевидно. Во всяком случае, я бы сказала, что ты такая же сумасшедшая, как и он. Вы идеально подходите друг другу.

— А что насчет тебя? — спросила Эль.

— Я должна вернуться к своему брату. Он единственный мужчина в моей жизни.

Эль рассмеялась, а затем, едва ли в состоянии поверить в то, что она сейчас делает, выбежала из бара вслед за Форестером на улицу, где увидела его машину. Он сидел на водительском месте и ждал ее. Она обежала ее и села рядом.

Форестер повернулся к ней и улыбнулся.

— Ты тут, — сказал он.

— Тебя это удивляет?

Он рассмеялся.

— Не знаю, — произнес он. — Не уверен, способно ли что-либо в тебе удивить меня.

— Что это значит?

Он пожал плечами.

— Ты необыкновенная. Ты знаешь это?

— Я уже слышала такое, — сказала Эль, немного сомневаясь в том, что он имел в виду.

— Тебя зовут Эль, не так ли?

Она кивнула.

— А ты — Форестер.

Он протянул руку и взял ее за руку. Эль затаила дыхание. Она не понимала, что может произойти дальше. Форестер посмотрел на ее маленькую руку, лежащую в его большой, и улыбнулся. Он слегка погладил ее большим пальцем, затем поднес ее ко рту и поцеловал.

— Это то, что я хотел сделать прошлым вечером в кафе, — сказал он.

Эль посмотрела на него, раскрыв рот от удивления.

— Почему? — спросила она.

Она действительно хотела это знать. На самом деле, она умирала от желания узнать. Ни разу в ее жизни никто просто не выбрал ее, как Форестер, совершенно неожиданно и не уделял ей так много внимания.

— Не знаю, — ответил он. — Как только я увидел тебя в закускойной, когда ты подошла ко мне, я, недолго думая, взял тебя за руку.

Он издал смешок, как будто был удивлен или смущен тем, в чем только что признался, затем он отвернулся и направил машину прочь со стоянки. Эль следила за каждым его

движением. Она наблюдала за его руками. Как только он повернул ключ в замке зажигания, она обратила внимание на болтавшийся брелок в виде питбуля, который словно качал головой. Форестер повернулся к ней, и она тут же отвернулась в смущении. Он улыбнулся. Эль посмотрела в окно, когда они выехали. Начал падать снег, и нежные белые хлопья светились в уличном освещении. Он проехал перекресток, но не повернул к закусочной или к ее маленькой квартирке, расположенной на чердаке, а продолжил движение по главной улице к гостинице, расположенной в самом ее конце.

— Ты остановился здесь? — удивилась она.

— Похоже, что это единственное место в городе, где можно остановиться, — сказал Форестер.

— Довольно мило.

Они прошли через кованые железные ворота. Пламя факелов придавало двору романтический, старинный дух.

— Нормально, — сказал Форестер. — Хорошо, когда существуют вещи, к которым ты привык.

Эль взглянула на отель. Он словно сошел со страниц туристического журнала, частично напоминая лыжный домик, частично — французское шале. Свет, проникавший сквозь окна, казался золотым. Медные детали на дверях и окнах были отполированы так, что были похожи на пламя. Два камердинера в мундирах, напоминающие охранников времен королевы Англии, спустились вниз и взяли ключи от пикапа Форестера.

— Это то, к чему ты привык? — спросила Эль в недоумении.

Форестер пожал плечами. Эль посмотрела на него более внимательно. Он был не только горячим парнем, но и богатым. Она бы никогда не догадалась об этом, глядя на него. Его одежда, шрамы, татуировки и старый пикап, конечно же, не говорили о том, что он богат.

— А ты завидный холостяк, Форестер, не так ли?

Он рассмеялся.

— Пойдем, — сказал он. — Ты сможешь сама сделать выводы об этом.

Швейцар в униформе поприветствовал их, пока держал медную вращающуюся дверь открытой.

— Мистер Сноу. Мадам.

— Генри, — произнес Форестер и сунул купюру ему в руку.

— Большое спасибо, сэр, — сказал Генри.

Эль осмотрела вестибюль отеля, и у нее отвисла челюсть. Она почувствовала себя так, словно оказалась в сказке. Она слышала, что такие места существуют, но никогда не предполагала, что их можно найти здесь в горах. Она также никогда не могла даже предположить, что супергорячий парень пригласит ее.

Вплоть до этого вечера Эль была той, кто считал, будто знает, что ее ждет в будущем. Она не была пессимистом, и у нее не было плохого взгляда на жизнь, но опыт научил ее, на что она может рассчитывать и что ожидать. Ей нравилось думать о себе, как о реалисте. Ей ничего в жизни не приподносилось на блюдечке. На самом деле, все совсем наоборот. Все, что она имела, ей приходилось зарабатывать свои трудом, и даже это часто отнималось у нее. Оказаться в роскошном отеле, встретиться со слугами, одетыми в красные бархатные пиджаки, не совсем то, о чем она думала.

— Невероятно, — выдохнула она.

Огромная люстра свисала с потолка и заливала весь вестибюль теплым светом свечей.

Огонь ярко горел в камине, находящимся перед ними. У входа был камердинер, коридорный, гардеробщик и куча других служащих в униформе. На противоположной стороне от стойки приема находилось окно от пола до потолка с видом на девственные вершины и склоны Скалистых гор.

— Красиво, — заметил Форестер. — Подожди, пока не увидишь вид утром.

Эль посмотрела ему в глаза.

— Утром? — спросила она.

Форестер только усмехнулся. Он обратился к сотрудникам отеля, наблюдавшими за ним.

— Господа, — сказал он, — Это Эль. Она моя гостья. Я прошу всех вас относиться к ней с величайшим уважением. Обеспечьте ее всем, что она только захочет.

— Да, сэр, — ответил один из мужчин.

Форестер привел ее к замысловато украшенному лифту и нажал кнопку пентхауса. Как только двери закрылись, он повернулся к ней.

— Теперь только ты и я, — сказал он.

Эль не знала, что ответить. У нее в горле застрял ком, и она чувствовала, что в любой момент может расплакаться. Она не знала, почему чувствовала себя так эмоционально, но доминирующим чувством было счастье.

— Вижу, — произнесла она тихо.

— С тобой все в порядке, так ведь?

Она кивнула

— Потому что ты знаешь, что я собираюсь сделать с тобой?

Эль поймала его взгляд. Она покачала головой, почти незаметно. Лифт остановился, издав сигнал, и они вышли в небольшой холл, в котором находилось зеркало, кожаный диван, камин и большие серебряные вазы, наполненные цветами. Перед ними была резная дубовая дверь.

Форестер сказал.

— Все будет по-другому.

— Что ты имеешь в виду?

— Весь твой мир, Эль, все твоё будущее, все. Все изменится для нас обоих.

Она смотрела в его глубокие, темные глаза, и каким-то образом знала, что он прав. Если она войдет в эту дверь с ним, то ничего и никогда не будет прежним.

Она глубоко вздохнула.

— Тогда чего мы ждем? — спросила она.

Форестер рассмеялся, потом наклонился и подхватил ее под ноги, подняв на руки, как будто она была пушинкой. Никто и никогда раньше не заставлял ее чувствовать себя таким образом.

Дверь открылась, и внутри оказался самый красивый, роскошный люкс, какой только Эль могла себе вообразить. Номер был словно создан для королевской семьи, с большим количеством комнат, наполненных роскошью и удобствами для гостей. У нее перехватило дыхание, когда Форестер пронес ее через красивую гостиную, напоминающую Версаль, наполненную розами и другими цветами, огромный камин, горящий на одной стороне и захватывающим видом на другой. Затем они прошли через другую, аналогичную этой комнату, в которой справа оказалась гардеробная, а слева ванная комната, которая выглядела

как спа-центр с джакузи, сауной, паровой баней и душем. После нее оказалась спальня, в центре которой находилась большая, мягкая кровать с балдахином. Эль впервые в жизни видела такую постель.

Форестер опустил ее на кровать, а потом встал над ней. Эль задрожала в предчувствии.

Никогда, даже в своих самых смелых мечтах, она не думала, что такой человек, как Форестер, принес бы ее в постель.

— Мы только что встретились, — начал Форестер, — но мы не чужие друг другу, ты и я.

— Так ли это? — спросила Эль.

— Да, это так, — ответил Форестер, и снял с себя пальто, бросив его на стул позади себя.

— Откуда ты знаешь? — уточнила Эль, любуясь татуировками и мускулистыми руками, которые открывала его белая рубашка.

Форестер стянул рубашку через голову, и сердце Эль екнуло, когда она увидела его идеально накаченный пресс и грудь. Форестер был похож на статую, вырезанную из мрамора.

— Потому что я наблюдал за тобой.

— Где? — спросила она.

Эль чувствовала, что становилась горячей и влажной под юбкой.

— В закускойной, в баре. Я наблюдал за тем, как ты ведешь себя, как относишься к людям.

— И что ты увидел?

— Я заметил, что ты сильнее, чем делаешь вид. Ты не боишься людей. Не боишься постоять за себя. Не боишься драки, если в ней будет принимать участие только один участник.

— Ты тоже, — сказала она.

Форестер улыбнулся, пока его джинсы падали, образуя кучку вокруг его лодыжек. Потом он вышел из них.

— Вот почему мы идеально подходим друг другу.

— Подходим? — спросила Эль соблазнительным голосом.

— Мы собираемся это выяснить, — сказал Форестер, и с этими словами сорвал с себя белые боксеры, открывая взгляду Эль свое обнаженное тело.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела, что он может предложить ей. Его идеальный торс переходил в V-образные сильные мышцы, заканчивающиеся большим и толстым членом, который она когда-либо видела. Даже на фотографиях, даже в Интернете она никогда не видела ничего подобного. Он напомнил ей о корнях дерева, и это заставило ее задуматься, что, может быть, именно поэтому ему было дано имя Форестер. Она издала смешок и тут же прикрыла рукой рот. Форестер только улыбнулся ей.

— Я представляю, как ты нервничаешь прямо сейчас, — сказал он. — Позволь мне сказать тебе, что ты должна определенно находиться здесь. Я собираюсь поглотить тебя.

Он опустил свое массивное, обнаженное, мускулистое тело над ней, и Эль почувствовала, как мышцы ее ног трепещут в ожидании. Она никогда не делала ничего подобного в своей жизни. Она никогда не была такой оторванной от реальности, настолько увлеченной мужчиной. Она только что встретилась с Форестором, и уже оказалась в его постели. Это было безумием.

— Я всегда был не равнодушен к форме официантки, — сказал он.

Затем наклонился низко над ней, лицом к лицу, и коснулся губами ее губ. Эль затаила дыхание, боясь дышать. Глаза Форестера впились в нее. Его взгляд был настолько сильным, что ей пришлось закрыть глаза. Он снова коснулся губами ее губ, и на этот раз его язык нежно облизал нижнюю губу. Эль приоткрыла рот совсем чуть-чуть, желая вкусить влажность языка Форестера.

Он дал ей это. Ее глаза так и были закрыты, пока он позволил своему языку скользнуть ей рот и поиграть с ней. Она отклонила голову назад, когда он поцеловал ее. Это был долгий и страстный поцелуй, который продолжался и продолжался, его язык танцевал с ее внутри ее рта.

Эль была на небесах. Она не хотела, чтобы поцелуй закончился. Она не желала, чтобы пожирающий ее Форестер останавливался. Его руки были на всем ее теле: под юбкой, на груди. Он прервал поцелуй, чтобы отвлечь свое внимание на важную задачу – стянуть с нее черные колготки. Он снял их, и Эль скрестила ноги, тщетно пытаясь защитить себя от него. Она даже не хотела быть защищенной. После этого он потянул ее платье официантки вверх через голову, и она почувствовала себя такой уязвимой и раскрытой, что подумала, будто умрет.

Он посмотрел на нее сверху вниз, на ней не осталось ничего, кроме простых черных трусиков и бюстгалтера. Если бы она знала, что окажется в конечном итоге в такой ситуации, то надела бы что-нибудь поинтереснее.

— Не могу поверить, как красиво ты выглядишь, — сказал Форестер.

— Ты просто так говоришь, — сказала она.

Эль была уверена, что она сплошное недоразумение. Ей не помешало бы сбросить несколько килограммов, подзагореть, принять ванну, вымыть волосы, освежить макияж, надушиться, сделать маникюр. В уме она продолжила этот список вещей.

Но у Форестера на уме не была ни одна из этих вещей. По его словам, она не могла бы выглядеть более совершенной. Его сердце колотилось в груди как барабан, когда он посмотрел на нее сверху вниз.

— Я собираюсь раздеть тебя догола, — сказал он, — и затем я намерен действовать по-своему, взяв тебя всеми возможными способами.

Глава 14

Форестер

ЧЛЕН ФОРЕСТЕРА ПОДЕРГИВАЛСЯ в такт его пульса. Он не мог дождаться, что ввести его в мягкую розовую плоть Эль. Он умирал от желания доставить ей удовольствие. Он знал, что она также доставит ему оргазм и жаждал его.

Откуда же она взялась?

Всю свою жизнь он наблюдал за женщинами, ожидая единственную, свою единственную. Он всегда знал, что тут же узнает ее, как только увидит.

Форестер наклонился к ее киске, зацепил зубами резинку ее трусиков и потянул их вниз к ее лодыжкам. Она взглянула на него и задрожала.

Боялась ли она его?

Должно быть. Он собирался взорваться внутри нее.

Он вернулся к ее лицу и протянул руки к ее спине, расстегнул и снял лифчик. На ней не осталось ничего, что защищало бы ее. Она была совершенно обнаженной, полностью в его власти. Эль была вся его. Он посмотрел вниз на ее тело и издал небольшой вздох. Форестер никогда за всю свою жизнь не видел ничего столь прекрасного, ничего более соблазнительного и сексуального. Она просто умирала от желания быть трахнутой. Он представлял ее в судорогах оргазма, который он собирался ей доставить. Она будет молить о пощаде.

— Теперь ты — моя, ты знаешь, — сказал он.

Она кивнула.

— Ты даже не догадываешься, что я имею в виду, не так ли?

— Э-э-э, — сказала она, — покажи мне.

Форестер улыбнулся и посмотрел на ее киску. Голую, розовую щелку, чувственные страсти губы, ласковый, нежный клитор — все они звали к нему, как цветок призывает медоносную пчелу.

Сначала он опустил свой рот между ее ног и начал упоительно ласкать ее клитор своим языком. Он поцеловал его, делая это так, словно это был рот Эль. Его язык пробежал по складкам кожи, вылизывая каждый миллиметр, делая каждый сантиметр киски мокрой и скользкой и готовой к нему. Он приложил свои губы к губам ее влагища и позволил своему языку проникнуть в нее, как если бы он пытался ее трахнуть. Эль застонала.

Вот так, детка, стони для меня.

Когда он пососал ее клитор, посылая волны удовольствия по ее телу, то почувствовал, как она выгнула тело. Затем, к его удивлению, она опустила руки на его затылок и притянула сильнее к своей голодной киске.

«Непослушная девочка», — подумал он.

Форестер провел языком вниз по ее промежности и дальше к ее анусу. Она испугалась, когда он пошел туда, и попыталась отползти на кровати, но он не позволил. Он обхватил ее бедра и притянул ее тело к своему рту, облизывая языком ее анус. Она застонала и обвила ногами его голову. Он никогда за всю свою жизнь не был так голоден до женщины. *Это было то самое.* Это было то, ради чего он был рожден. Форестер знал это. Как будто ничего не существовало в этом мире, кроме тела этой женщины, ее ног, сжатых вокруг его головы, ее киски, клитора и ануса, корчившихся и борющихся с наслаждением, которое давал его

язык.

Сейчас она была очень мокрой, и он знал, что она была готова к его проникновению. Знал, что может заставить ее умолять, если захочет. Его член был готов для нее, пульсирующий, твердый, как камень, вытянувшийся на полную длину, как хищник, готовый нанести удар своей добычи.

Он в последний раз засунул язык глубоко внутрь влагища Эль. Она извивалась от удовольствия. Его язык входил и выходил, входил и выходил, и он продолжал это делать до тех пор, пока не почувствовал, как мышцы ее тела сжимаются в оргазме.

Это моя девочка.

Она кричала, выкрикивала его имя, снова и снова.

— Форестер, Форестер, Форестер.

Он засунул язык в ее, как кинжал.

Она перестала произносить его имя и просто закричала. Эль кончила. Ее бедра сжались вокруг его головы так крепко, что он не мог дышать, но ему было все равно. Она запрокинула голову и толкнула свою киску навстречу его рту. Оргазм, подобно паводку, прорвавшему плотину, прошел сквозь ее тело.

Когда она кончила, ее тело рухнуло рядом с ним. Он поднялся и посмотрел на нее.

Ее кожа блестела от пота, а щеки были покрасневшими и влажными.

— Надеюсь, ты не устала, детка, ведь я только начал.

— Что?

— Теперь моя очередь, и я собираюсь взять именно то, что хочу от тебя.

— И что это, Форестер?

— О, слишком поздно, чтобы прикидываться скромницей для меня, Эль, — сказал он и подмигнул.

Форестер встал на колени и навис над ней таким образом, что его член оказался прямо перед ее лицом. Она лежала на спине между его ног и не могла сбежать. Он прислонил ее к спинке кровати. Эль посмотрела на его член, как будто это было оружие, направленное на нее.

— Давай, — сказал Форестер. — Попробуй его.

Эль посмотрела на член, словно ангел удовольствия, она заглянула в его глаза и открыла рот. Прилив желания пульсировал через него. Форестер был уверен, что никогда не видел ничего эротичнее, чем выражение на ее лице.

Он толкнул свой инструмент вперед, и как только тот проскользнул сквозь губы Эль в самую глубину ее горла, Форестер закрыл глаза и подумал о всех тех вещах, которые привели его к этому моменту. Он всегда жил настороже, всегда оглядывался через плечо, убеждаясь, что за ним никто не следовал. Его детство привело к такому результату. Он был жестким человеком, но при этом напряженным. Форестер боялся, что люди, которым он доверял больше всего, могут ранить его, а те, кто должен его любить, могут предать.

А будет ли все по-другому с этой девушкой?

Она провела языком по нижней стороне его члена, а затем позволила ему входить и выходить из ее рта, скользя по ее восхитительному языку. Когда он находился внутри ее рта, она сосала его, как леденец. Когда он был на ее губах, она облизывала его, вода языком вокруг головки. Результат был мучительным.

Форестер хотел сдерживать себя. Он желал кончить в нее, мечтал придти к оргазму, находясь глубоко внутри нее. Но пока ее язык продолжал играть с его членом, он

совершенно забыл о своих намерениях. Форестер почувствовал, как первый всплеск предоргазмического удовольствия устремился от его основания, через длину к головке пениса. Форестер попытался вытащить его, так как не хотел кончать ей в рот.

Но она обвила руками его ягодицы и потянула его обратно в рот. Она хотела его.

Осознание того, что Эль желала, чтобы он кончил ей в рот, что она хотела попробовать его, толкнуло его через край. Никто и никогда не хотел его так раньше.

Оргазм вырвалась из него. Он инстинктивно дернулся вперед, тараня горло Эль, и излился ей в горло. Форестер закрыл глаза. Он не мог поверить, что только что проделал с ней. Но ее руки сжимали его так крепко, что он не сомневался, она тоже хотела его. Она бы не позволила ему выйти. Эль хотела каждую его каплю. Он не мог поверить своим глазам. По мере того как удовольствие от оргазма растекалось по его жилам, словно наркотик, в процессе оно смешивалось с чем-то еще более сильным.

То, с чем оно смешивалось, было чувством *любви*. Эта девушка хотела выпить его. Она не просто хотела, чтобы он кончил, она желала попробовать каждую каплю его удовольствия. Это было больше, чем секс. Он не был уверен, как это можно было назвать, но это точно было больше чем просто *секс*. Это была *любовь*.

Кто бы мог подумать?

Мальчик, который был заперт с питбулями. Мальчик, чей отец ненавидел его, и девочка, такая прекрасная, которая смогла показать ему так много любви.

Его член продолжал изливаться в рот Эль, и она глотала каждую каплю, что он ей отдавал. Она не издала ни звука, просто глядя на него снизу вверх, поймав его взгляд в ловушку своих глаз, и проглотила самую интимную жидкость, которая могла когда-либо соединить двух людей.

Как только он кончил, Форестер вытащил его у нее изо рта.

— Боже мой, — произнес он.

Он вскочил с кровати и схватил свои джинсы. В заднем кармане находился презерватив, и, сорвав обертку, он надел резинку на головку своего члена, который по-прежнему был твердым и пульсировал от желания оказаться в ней.

— Ты все еще хочешь большего? — спросила она, ошеломленная, что ему не понадобился перерыв после того, что она только что с ним сделала.

Форестер рассмеялся.

— Я никогда не смогу насытиться тобой, Эль.

Глава 15

Эль

ФОРЕСТЕР ТОЛКНУЛ ЕЕ ОБРАТНО на кровать и посмотрел ей в глаза с такой любовью, что она подумала, будто сейчас расплачется. На нее никогда и никто так не смотрел. К ней никто не относился с такой большой привязанностью, и, возможно, даже с любовью, как это происходило сейчас.

Эль знала, что у нее проблемы. Проблемы с доверием. С эмоциями. Мать бросила ее. Она никому не была нужна. Грис слишком сильно нравилось тыкать ей в лицо, используя слабость, которая была у нее в сердце по отношению к нему. Она знала, что у нее были опасения, что в один прекрасный день ей придется столкнуться и преодолеть это. Избегание проблем не решает их.

После того, что ей пришлось пережить, она не думала, что когда-либо перестанет переживать по этому поводу. Хотя она много работала, будучи сильным человеком, однако частичка ее всегда оставалась уязвимой.

Что если никто не хотел бы ее?

Что если она не заслуживает любви?

Что если ее мать была права, что бросила ее? Что если она действительно ничего не стоит?

Все эти вещи люди использовали против Эль всю ее жизнь. И сейчас, глядя на красивые и глубокие глаза Форестера, она молилась, чтобы они не обернулись против нее и не встали на пути любого потенциального счастья, которое она могла бы иметь с ним.

Потому что она знала, что с этим человеком она может обрести счастье. За то короткое время, что они были вместе, она получила так много. Они не просто совместимы, они были связаны чем-то более глубоким.

Форестер сказал, что наблюдал за ней, он заметил, что они подходят друг другу, и она знала, что он был прав. И в глубине души она осознавала, что у него, должно быть, имелись некоторые из тех же проблем, которые она пыталась решить. Услышав историю о том, что его отец с ним сделал, она мгновенно смогла понять его. Ее собственная история была не столь драматична, но то, что от нее отказались в столь юном возрасте, оставило в ней неизгладимый след, она никогда не сможет полностью оставить это позади.

А затем Форестер вошел в нее.

— О, Боже, — простонала она.

Его член скользил внутрь нее все глубже и глубже, и это продолжалось так долго, что она подумала, будто это никогда не прекратится. Ее глаза расширились все больше с каждым новым сантиметром вторжения в нее. Она даже не знала, что в нее можно так глубоко поместиться.

— Ты ощущаешься как рай, Эль — сказал он.

— Я? — прошептала Эль.

— Да, ты.

Он вошел в нее, толкаясь на всю длину своего члена в глубину ее тела. Затем он выскользнул, вызывая волну наслаждения и необыкновенного ощущения прохождения через все ее тело. Не успев выйти до конца, он снова толкнулся, войдя в нее полностью.

Форестер делал это снова и снова, быстрее и сильнее, толкаясь все мощнее и

энергичнее. Он начал потеть, начал тяжело дышать от напряжения, но продолжал держать глаза открытым, глядя прямо на нее.

— Я собираюсь кончить, — произнес он, задыхаясь.

— Я тоже, — простонала она.

В следующий момент она почувствовала биение его оргазм. Он сжал ее талию своими могучими руками и притянул ее тело к своему, как будто она была куклой. Его огромный член пронзал ее, и она была крепко прижата к нему. Она была полностью в его власти.

— Эль, — выдохнул он, в то время, когда струя его спермы хлынула в презерватив.

Она почувствовала, как резинка расширяется внутри нее, и мысль о том, что он делает с ней, привела к ее собственному оргазму. Она вцепилась ногтями в его спину, в тело, которое было настолько травмировано, что даже татуировки не могли скрыть ожоги от сигарет. Ей хотелось плакать от этого. Она хотела любить его и быть им любимой. Она хотела держаться за него и никогда не отпускать.

Эль кончила так сильно, что ее зрение помутилось. Удовольствие бушевало в ней, как лесной пожар.

Форестер сжимал ее так крепко, его член входил в нее в заключительных толчках удовольствия, его сперма пульсировала в презервативе внутри нее. Ей казалось, это ощущалось так, словно он не использовал презерватив, словно его семя свободно вливалось в нее. Эта мысль заставила ее задрожать от желания.

Когда они закончили, то рухнули друг на друга, усталые и истощенные.

— Это было невероятно, — сказал Форестер, задыхаясь.

— Я не могу в это поверить, — ответила она.

— Ничего, серьезно, ничего в моей жизни до этого момента и близко не было таким прекрасным, — произнес он.

Форестер лежал на ней, а потом перевернулся на бок, притянув ее к себе. Она чувствовала себя в безопасности в его объятиях. Он натянул одеяло на свое обнаженное тело.

— Я буду защищать тебя, — сказал он. — Чтобы ты хорошо спала сегодня, детка. Моя работа заключается в том, чтобы убедиться, что ты чувствуешь себя в безопасности, защищенной и тебе уютно в моих руках.

Эль улыбнулась. Он был милым.

— Надеюсь, — ответила она, и ее глаза уже закрывались от усталости.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО ЭЛЬ ПРОСНУЛАСЬ, чувствуя себя счастливой, какой она была уже в течение довольно длительного времени. То, что с ней сотворил Форестер оказалось очень расслабляющий эффект на ее тело. Она чувствовала себя так, словно побывала на продолжительном массаже в СПА-салоне накануне. Каждая мышца была наполнена негой и готова к действиям нового дня.

Она потихоньку соскользнула с постели, стараясь не потревожить Форестера, который крепко спал.

На другой стороне комнаты находился стол, и она села в красивое старинное кресло, включив кофемашину. Пока кофе лилось в ее чашку, она смотрела на Форестера.

Татуировки на его руках и теле были сложными и красивыми, и, казалось, словно рассказывали историю. Конечно, здесь были и питбули, те вещи, которые отец сотворил с ним в детстве, и о которых она знала. Но было также изображено и что-то радостное. Восход солнца над океаном, горы, как казалось, виноградники, растущие на них, и красивый дом с сараем за их пределами. Если они были продолжением той же истории, что и питбули, то можно было сказать, что Форестеру удалось найти немного счастья для себя. Однако на теле были и татуировки, изображавшие вскрытый сейф, логотип «Харлей Дэвидсон». Эль не знала, что все это могло означать. Может быть, Форестер был каким-то преступником? Это объясняет, почему он остановился в люксе для молодоженов на, должно быть, одном из самых дорогих горнолыжных курортов в мире. Она вздохнула, глядя на него.

Он был таким удивительным, что она едва могла поверить, что он был ее. *Если бы он был ее.* Она слишком хорошо знала, что человеческая страсть ночью на утро может исчезнуть без следа.

Произошло ли это здесь?

Эль старалась не беспокоиться об этом. Она знала, что ее неуверенность иногда заставляла ее сомневаться в людях, желавших ей добра. Она не могла позволить, чтобы ее собственные демоны выползли наружу и испортили отношения с Форестером.

Но что если он играл со мной?

Что если все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Почему-то чувствовалось это таким образом. Кто она такая, чтобы заслужить столько любви и внимания со стороны самого горячего парня в городе? Фил и его друзья, как она могла заметить, уделяли ей внимание, но они представляли собой тот вид мерзавцев, к которым она привыкла. А Форестер был *другим*, на порядок выше. Он прожил жизнь хуже обычной. Эль могла сказать, что намного хуже.

Пока готовилось кофе, она начала волноваться, что вела себя, как дура. Форестер был добр к ней, он был хорошим и щедрым любовником, но ведь он не мог по-настоящему влюбиться в нее так, как она влюбилась в него. Однозначно не мог. Жизнь не сказка. В конце концов, она была той, кого бросила родная мать. Люди не любили Эль. Она им нравилась, но до любви дело никогда не доходило. Она того не стоила.

Эль закусила губу, пока смотрела, как спящий Форестер тихо дышит.

А, может быть, он полюбил ее? Ей хотелось пробраться в его голову и узнать это. Играл ли он с ней или она ему действительно понравилась? Она не могла позволить себе

рисковать.

В первую очередь, она была бойцом. Она ни за что не будет терять бдительность. Ни из-за матери, ни из-за Гриси, и даже из-за этого великолепного мужчины, с которым поделила постель.

Если она ему понравилась, если он хотел, чтобы она ему доверяла, то должен показать ей это. Ему придется преодолеть оборону, которую она выстроила вокруг себя.

Молча, с тяжелым сердцем, она подобрала свою одежду и надела на себя. Затем, она тихо открыла дверь спальни. Она ушла прежде, чем доварился кофе.

Глава 17

Форестер

ФОРЕСТЕР ВЗДРОГНУЛ И ПРОСНУЛСЯ. Дверь комнаты только что закрылась. Он полуха услышал во сне, но не знал, правда ли это.

— Эль, — позвал он негромко. — Эль, ты здесь?

Ответа не последовало. Он улыбнулся про себя.

Ушла.

Такое было впервые. Форестер множество раз покидал спальни девушек, но это было в первый раз, когда девушка покинула его. Она оказалась не такой легкой добычей, как он думал. Он был готов поклясться, что после ночи секса она будет есть у него с руки. Форестер был готов дать руку на отсечение, что она никогда прежде не кончала так сильно и так часто. Его не волновало, с кем она была раньше, он знал, что обладает редким даром, когда дело доходило до ублажения женских тел, и они *всегда* возвращались вновь.

Может быть, он встретил равного себе противника.

Чашка кофе стояла в кофемашине, и он встал с постели, чтобы взять ее. Кофе был горячим. Должно быть, она только недавно приготовила его. Эль собиралась сама выпить его? Передумала ли она оставаться в номере отеля с таким парнем как он? Он посмотрел вниз на свое обнаженное тело и, несмотря на мышцы и татуировки, все, что он увидел, были сигаретные ожоги и шрамы.

Форестер верил, что был уверенным в себе человеком. Он точно знал, каково это быть отвергнутым. Отвергла ли его Эль? У него было смутное подозрение, что это так. Защищала ли она себя от него, чтобы он не смог отвергнуть ее?

Возможно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В одном он точно был уверен. Она засела у него в голове, и он не смог бы ее забыть. Он не думал, что когда-либо девушка смогла бы забраться ему под кожу, как это сделала Эль. Он мысленно представил выражение ее лица, когда она кончила ночью перед тем, как прикусила губу и простонала его имя. Его член стал твердым только от мыслей о ней.

Если бы она осталась, он бы вкусил ее на завтрак.

Он подумал о ее мягкой, упругой груди, о вкусе ее сосков под его языком, о мягких губках ее киски, и о том, как она жаждала его члена. Ее рот был похож на частицу рая. Он так сильно кончил внутри нее, но он хотел большего.

А теперь в комнате без нее стало так пусто.

Он обратил внимание, что кресло было выдвинуто. Вот где она, должно быть, сидела, пока готовился кофе. О чем она думала, пока находилась там? Она беспокоилась о том, что он думал о ней? Форестер надеялся на это, думая, что у нее была причина уйти.

Он вдруг почувствовал себя одиноким. Он провел пальцами по креслу, где сидела ее попа.

— Эль, — прошептал он.

Он поднял трубку телефона на столе. У него не было ее номера, по которому он бы мог связаться с ней, поэтому Форестер сделал лучшее из того, что мог, набрав номер Лейси. Лейси была единственным человеком в мире, который всегда был готов поддержать его. Он

всегда мог обратиться к ней. Она была ему как старшая сестра.

— Форестер, как ты, детка? Как прошли похороны?

— Все прошло нормально, Лейси. Настолько хорошо, насколько можно было ожидать, во всяком случае.

— Кто-нибудь пришел? Кто-то из членов семьи?

— Нет, только я и священник.

— Ой, прости, Форестер.

— Все в порядке. Я не думаю, что я бы справился со встречей родственников. Это был лучший вариант.

— Ты говоришь как-то подавленно. Ты расстроен из-за этого?

— Нет, нисколько.

— Что же это тогда?

— Ничего.

— Форестер.

— Правда, все в порядке. Это из-за девушки. Я здесь встретил девушку.

— Девушку? И ты расстроен. Это не похоже на тебя.

— Я знаю, ты права.

— Обычно ты тот, кто разбивает сердца.

— Ну, теперь меня настигла карма, Лейси. Потому что эта девушка действительно может разбить мне сердце.

— Ой, да ладно. Ты просто находишься под эмоциональным гнетом из-за похорон. Ты не мог влюбиться так сильно. Ты уехал всего пару дней назад.

— Знаю, знаю. Может быть, это похороны и все такое, но эта девушка, она другая, Лейси.

— Конечно, она другая.

Форестер рассмеялся.

— Тебе не понять.

— Я понимаю. Ты сражен. Наслаждайся этим. Это прекрасное чувство, если ты сможешь справиться с агонией от него.

— Да, наверное.

— В любом случае, я не могу представить, что там в горах существует девушка, которая не ответила бы на твои чувства. Если она только не занята. Она ведь не в отношениях с другим?

— Нет, вовсе нет. По крайней мере, насколько я могу судить.

— И она тебе отказала?

— Ну, не совсем. Она пришла в мою комнату прошлой ночью.

— О, Форестер, похоже, что все идет прямо по плану.

— Да, за исключением того, что ее уже не было, когда я проснулся.

Настала очередь Лейси смеяться.

— Это не смешно, — возмутился он.

— Ладно, — сказала Лейси, — теперь ты знаешь, каково это испытывать девушкам. Вы, ребята, вываливаете это дерьмо все время.

— Полагаю, что так.

— Да уж.

Форестер откашлялся.

— Почему она ушла? Потому что секс не был хорош?

— Успокойся, Казанова. Не начинай сомневаться в себе сейчас. Ты действительно ничего не знаешь о девушках, не так ли?

— Естественно. Я же парень.

Форестер слышал по голосу Лейси, что та получала удовольствие от разговора.

— Ну, давай я тебе объясню, милый. Девушки не исчезают утром из-за того, что секс не был хорошим. Мы сбегает, потому что боимся, что вы не захотите видеть нас утром.

— Ради всего святого, почему это я не захочу видеть ее, Лейси. К тому же я проснулся со стояком от нее, как ненормальный.

— Тебе не обязательно рассказывать о каждой детали.

— Прости.

— В любом случае, если тебе нужен мой совет, то ты должен усыпить ее бдительность. Девушки не глупы. Они просто не хотят, чтобы было больно, Форестер. Особенно таким парням, как ты.

— Таким парням, как я?

— Да, веришь ты этому или нет, ты точно не являешься среднестатистическим чуваком, который просит у девушки номер телефона. Ты другой. Более серьезный. И если эта девушка похожа на меня, то она будет бояться, что у тебя с ней просто интрижка, и что ты не собираешься вкладываться в отношения с ней. Последнее, что ей нужно, это чувствовать себя идиоткой. Она не собирается ставить себя в положение, при котором будет выглядеть так, словно пытается цепляться за тебя, а ты ее не хочешь. Поверьте мне, это то, что чувствовала бы я, находясь на ее месте.

— Итак, ты говоришь, что если она поймет, как сильно я люблю ее, то прыгнет обратно в мою кровать.

По голосу Лейси он мог сказать, что она покачала головой.

— Все не так просто, Форестер. Но я готова держать пари, что как только она узнает, как ты относишься к ней, она преодолеет свой страх быть отвергнутой намного проще.

— Ладно, спасибо за беседу.

— В любое время, братец. Во всяком случае, когда ты вернешься домой?

— Пока не решу все вопросы с девушкой.

— Привези ее сюда. Мы будем присматривать за ней.

— Знаю. Может, мне удастся ее убедить. Я также должен позаботиться о поместье моего отца, так что, вероятно, это займет несколько дней.

— Хорошо. Ну, позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. И будь с ней добрым. Помни, что самое главное в том, как должен вести себя мужчина по отношению к женщине, — доброта. Если ты добр к ней, остальное встанет на свои места.

Глава 18

Эль

ЭЛЬ ЕДВА ПОСПЕЛА В ЗАКУСОЧНУЮ к ее открытию. Когда она добралась туда Келли и Грейси уже посплетничали и обе смотрели на нее выжидающе.

Келли протянула ей чашку кофе.

— Ну?— спросил Келли. — Как прошло?

— Что прошло?

— Ночь с любовником.

— Да, ладно, — запротестовала Эль, — все не так.

— А, похоже, что так, — пробормотала Келли, улыбаясь Грейс.

Эль вздохнула. Она поняла, как страшно ей было выглядеть идиоткой перед ее новыми подругами

— Это была просто интрижка, — сказала она, молясь про себя, чтобы это была неправда. Больше всего на свете она хотела что-то настоящее с Форестером.

— Просто интрижка? Да ладно, — не поверила ей Келли.

— По правде говоря, пока не услышу обратного, я буду так относиться к этому. Я не знаю, кто такой Форестер, у меня информации, откуда он взялся, понятия не имею ничего о его личной жизни. Пока я не узнаю, то не позволю себе на что-то надеяться.

Грейс откашлялась. На ее лице был сочувственный взгляд, и ее голос был полон доброты.

— Эль, дорогая, мне кажется, что ты чересчур осторожна.

— Нет.

— Скажи мне, что ты не сбежала этим утром от него.

Эль собиралась ответить, но в ее горле образовался ком. Она была застигнута врасплох тем, что Грейс так легко смогла прочесть ее.

— Да, я так и сделала, — сказала она, защищаясь. — Парни делают так постоянно.

— Понимаю, что это заставляет тебя чувствовать себя в безопасности. Чтобы стены вокруг твоего сердца не разрушились, — заметила Грейс. — Но поверь мне, пока ты не позволишь им упасть, ты не сможешь найти свое счастье.

— Нет. Я так не делаю.

Эль вздохнула в отчаянии, не в силах закончить фразу.

— Расслабься, детка. Никто ни в чем тебя не обвиняет. Я просто говорю тебе, что догадываюсь, что ты чувствуешь. Я была на твоём месте. Поверь мне. Мужчины, которых, как я думала, любила, обращались со мной так плохо, что понадобились годы, чтобы научиться снова доверять. Но позволь мне только сказать тебе кое-что. Если ты не откроешь свое сердце из-за опасений, то никогда не сможешь по-настоящему найти свое счастье.

Потом Грей и Келли отправились на кухню.

— Пошли. Дай девушке выпить чашечку кофе в тишине. Ей сегодня предстоит начать работу достаточно скоро.

Келли отправилась на кухню с Грейс, а затем вернулась и села рядом с Эль. Эль заметила, что она больше не говорила о Форестере. Грейс, должно быть, сказала, чтобы та оставила эту тему в покое. Эль знала, что они были правы. Она посещала занятия по психологии и понимала, как это работает. Она была травмирована, и поэтому боялась, что

будет испытывать боль снова. Именно из-за этого она покинула номер Форестера. Ей не надо познать весь мир, чтобы проанализировать это для нее. Эль просто нужно некоторое время, чтобы научиться чувствовать себя в безопасности с Форестером, и с ней все будет хорошо. Сейчас с ней все было в порядке. Это не преступление, быть осторожной со своим сердцем.

Эль была резко выдернута из своей кратковременной задумчивости, когда мужчина сердито с грохотом вошел в дверь закусочной.

О, Боже, первый покупатель и такой мудака.

Но потом Эль замерла как вкопанная. Это был не просто мудака, и даже не один из тех придурков, с которыми она уже столкнулась в Стоун-Пик, Фил и компания.

Это был Грис.

— Я знал, что найду тебя здесь, ты, маленькая сучка, — сказал Грис, вваливаясь в закусочную.

Он был пьяный, небритый, немывтый и очень злой.

— Грис, — выдохнула она. — Что ты здесь делаешь? Как ты меня нашел?

— Ты не захочешь узнать, маленькая стерва. Я собираюсь заставить тебя заплатить за испорченный «Камаро».

— Грис, пожалуйста, не здесь.

— Посмотри на себя. Ты видишь меня и уже через пару минут начинаешь клянчить. Я сказал тебе, что ты никчемная шлюха.

— Грис, ты должен уйти отсюда прямо сейчас. Если нет, то я позвоню в полицию.

— Ой, ты позвонишь в полицию. Возможно, я уже поговорил с ними сам. Может быть, они позвонили мне, чтобы сообщить, что ты здесь. Ты забываешь, что этот кусок дерьма, называемый автомобилем, записан на мое имя.

— Ты можешь забрать его обратно, Грис. Ты можешь оставить его себе.

— Заткнись, сука. Я пришел сюда не за автомобилем. Я отправился сюда за тобой. Ты возвращаешься со мной домой, где твое место, и у тебя больше не будет шанса сбежать, как в этот раз.

— Я не собираюсь возвращаться с тобой Грис ни сейчас, ни когда-либо еще.

Эль не знала, что делать, о чем думать. Она была в ужасе. Она три года страдала от произвола Гриса, и только начала смиряться с тем фактом, что ей, возможно, удалось освободиться от него.

— Давай, садись в мою машину. Твой праздник закончился.

Эль посмотрела на него. Она глядела в холодное, жестокое лицо мужчины, которому она столько времени отдавала всю себя.

— Нет, — произнесла она.

— Нет?

Эль вздрагивала от каждого слова, произнесенного жестким голосом Гриса.

Затем она услышала голос Грейс и вдруг вспомнила, что она больше не одна. У нее теперь были друзья. Они не могли навсегда защитить ее от кого-либо, на подобии Гриса, но они были рядом и прикрыли бы ей спину.

— Точно, тупоголовый, — сказала Грейс. — Дама сказала, нет. А теперь убирайся отсюда, прежде чем я вышибу тебе мозги.

Эль обернулась и увидела, что Грейс нацелила здоровенный дробовик прямо в лицо Гриса. Грис поднял руки в жесте самозащиты.

— Ах, ты, глупая, старая карга. Ты заплатишь за это. Шериф на моей стороне. Эта девушка угнала мою машину, а другую — разбила. Она моя. Она моя чертова собственность.

Грейс просто смотрела на него, ожидая, пока он закончит свою тираду, а потом грозно вскинула дробовик.

Нехотя Грис вышел из закуской.

Когда он ушел, Эль поняла, как она была напугана. Она села на стул у стойки и разрыдалась. Все ее тело дрожало от страха.

— О, мой Бог, — сказал Келли. — Это твой бывший?

— Да, мой бывший, — подтвердила Эль.

— Он еще хуже, чем Фил, — заметила Келли.

Грейс подошла, обхватила руками Эль и обняла ее так крепко, как никто и никогда не обнимал ее.

— О, милая, — сказала Грейс. — Теперь я понимаю, почему ты выстроила такие высокие стены вокруг своего сердца. Послушай меня. Мы позаботимся о твоей безопасности здесь, милая. Мы будем тебя охранять. Теперь мы — твоя семья.

Глава 19

Форестер

ФОРЕСТЕР СИДЕЛ В ПЫЛЬНОМ офисе адвоката и старался не думать о тех причинах по которым он здесь находился. Такие места, как это, заставляли его нервничать. Смерть отца повлияла на то, что он был на взводе. Завещание. Ладно, у него не было опыта разборок с завещанием, но он был уверен, что если бы думал об этом слишком много, то сильно бы занервничал. Его отец был первостатейным мудаком, и существовал шанс, что старый ублюдок мог нанести ему оскорбление с помощью завещания, и Форестеру не улыбалась перспектива узнать, что это могло быть.

— Извините, что заставил вас ждать, — произнес Чепмен, адвокат отца Форестера. Он занял свое место за столом, сев в большое и мягкое кресло, обитое полированной кожей. Кресло, в котором сидел Форестер, было попроще и больше напоминало стул.

— Хочешь выпить кофе, сынок? — спросил Чепмен.

Форестер заметил, что до сих пор каждый, кто был связан со смертью отца, относились к нему, как к сыну, как будто они пытались компенсировать недостатки одного человека, который должен был сообщить ему об этом.

— Нет, спасибо, — ответил Форестер.

Он не собирался резко отвечать, так как ничего не имел лично против Чепмена, который казался совершенно непредвзятым юристом во всех смыслах этого слова. Он просто не хотел быть вовлеченным в процесс чтения завещания старика.

— Хорошо. Тогда, я полагаю, мы должны начать.

— Да, давайте.

Чепмен достал пачку документов, которые включали в себя: старые письма, юридические документы, государственные формы, и, естественно, завещание.

— Я, конечно, прочитал его последнюю волю, — начал Чепмен. — По правде говоря, я написал его для твоего отца, и могу подтвердить тот факт, что он был в здравом уме, когда составлял этот документ.

— Я за него рад, — сказал Форестер.

— Ты должен знать, что имущество твоего отца, его инвестиции и страховка несколько лет назад составляли приличное наследство. По последним подсчетам, его оценили в более чем полмиллиона долларов. Теперь, вероятно, оно будет немного больше, так как недвижимость и цены на акции возросли.

— Оно мне не нужно, — заметил Форестер.

Чепмен выдержал паузу.

— Ну, — произнес он, — дело в том, что как единственному живому родственнику отец оставил все по умолчанию тебе.

— Я просто сказал, что мне оно не нужно.

— Я услышал тебя, — сказал Чепмен, — и, естественно, должен выполнить любое твоё пожелание по поводу денег, в особенности, если они тебе не нужны. Для подобных ситуаций имеются правила. Кроме того, я уверен, что существует огромное количество достойных общественно значимых дел, о которых мы могли бы подумать вместе, и решить, куда сделать пожертвование.

— Меня не волнует, что вы сделаете с ними, — произнес Форестер. — Я не хочу всего

этого.

— Я дам тебе немного времени, чтобы подумать, — сказал Чепмен. — Понимаю, что сейчас тебе очень нелегко.

— Дайте мне столько времени, сколько хотите. Мой ответ не изменится.

— Необходимо ли мне напомнить тебе, что полмиллиона долларов может существенно изменить жизнь человека твоего возраста, сынок. Ты мог бы создать семью, начать бизнес.

— Послушайте. Я ничего не имею против вас. Вы, кажется, хороший адвокат. Но у меня имеется достаточно сильная обида на человека, который должен был быть моим отцом. Я не ожидаю, что вы поймете, сэр, но я говорю вам прямо сейчас, что скорее умру в луже мочи, чем возьму хоть копейку от этого старика.

— Понимаю, — сказал Чепмен. — Лично от себя могу заметить, что я полностью уважаю такое мнение. Я представлял твоего отца по правовым вопросам в течение длительного времени, но я никогда не поддерживал того, что он делал в своей жизни. Как он относился к тебе, и твоей бедной матери.

Форестер не хотел быть грубым, но он прервал Чепмена на середине предложения.

— Избавьтесь от денег. Отдайте их на благотворительность, где поддерживают женщин, оказавшихся в положении, как моя мать. Если вы что-нибудь придумаете, я подпишу. Кроме этого есть еще какие-нибудь причины, по которым мы не можем закончить прямо здесь и сейчас?

— Ну, — начал Чепмен, тняя время, пока думал над тем, что сказать дальше. — Есть еще один маленький вопрос. Деталь, если тебе угодно.

— Деталь?

— Да, мелочь.

— Что это?

Чепмен открыл ящик стола и достал конверт.

— Вот это, — сказал он.

— Что это такое?

— Письмо.

— От моего отца?

— Да, он хотел, чтобы оно было у тебя.

— Оно мне не нужно, — решительно сказал Форестер.

— Просто возьми его, — предложил Чепмен, передвинув его по столу в сторону Форестера. — Не читай его, если не хочешь. Но я обязан убедиться, что ты его получишь. Я не могу выдать тебе средства, или отправить их на благотворительность по твоему выбору, пока не передам тебе это письмо.

— Я действительно не хочу, — сказал Форестер, глядя Чепмену в глаза.

— Ты упростишь мою жизнь, сынок, если просто возьмешь его. Ты даже не представляешь объем бумажной работы, связанной с не востребованным имуществом.

Нехотя Форестер потянулся через стол и схватил конверт. Он сложил и положил его в карман, а потом встал.

— Это все? — спросил он.

— Пока да, — ответил адвокат. — Я подготовлю документы, чтобы передать твое состояние на благотворительность, как ты и просил, и все подготовлю для тебя.

Форестер кивнул и направился к двери. Прежде чем открыть ее, он остановился и повернулся к адвокату.

— Простите, что доставил неудобства. Я знаю, это не ваша вина. Мне просто не удалось найти общий язык со стариком.

Он открыл дверь и вышел прежде, чем Чепмен успел что-либо сказать. Адвокатский кабинет Чепмена располагался на главной улице, и Форестер оставил свой грузовик там же, где он его припарковал, и направился в сторону закусочной. Когда он пересек улицу и оказался на парковке, то увидел мускулистого мужчину с широкими плечами и темной щетиной, выскочившего из ресторанчика. Тот выглядел разъяренным, и когда поравнялся с Форестером, то казалось, был готов начать драку.

— На что ты смотришь, недоумок, — рявкнул парень.

Форестер посмотрел ему в глаза, но ничего не сказал. Жизнь слишком коротка, чтобы вступать в драку с каждым отморожком, который вознамерился причинить неприятности. Он прошел мимо мужчины, который наблюдал за ним, как ястреб. Парень явно слетел с катушек, и Форестер задавался вопросом, почему. Он оглянулся, но никого не увидел. Мужчина только что вышел из закусочной. Там что-то произошло. Все о чем он мог думать, это только об Эль.

— Эй, — сказал парень. — Я говорю с тобой, говнюк.

Форестер вздохнул, остановился и повернулся к мужчине.

— Ты из этого города? — спросил он.

— Это не твое дело, но нет, я не отсюда, — произнес тот.

— Но ты пришел в эту забегаловку, чтобы причинить неприятности?

— Я могу создавать проблемы везде, где захочу.

Форестер сделал шаг по направлению к нему. Парень был размером с него, и он быстро произвел в уме расчеты относительно парня. Тот сделал шаг назад. Форестер был похож на бойца и парень, похоже, решил ретироваться.

— Только не в этом месте, — сказал Форестер. — Я смотрю, ты снова выискиваешь себе неприятности, и так легко на этот раз не уйдешь. Иначе тебя унесут на носилках.

Форестер был не в настроении для разговора с парнем и не желал тратить время.

Он повернулся к нему спиной, не дожидаясь ответа, и вошел в закусочную.

Глава 20

Эль

ЭЛЬ НАХОДИЛАСЬ НА КУХНЕ, приходя в себе, когда к ней бросилась Келли.

— Он здесь. Эль, он здесь.

Эль замерла.

— Что? Грис? Он вернулся?

— Не глупи, не он. Форестер.

Ее желудок сделал сальто.

— О, Боже мой. Форестер здесь?

— Он вернулся за тобой, Эль.

Она сделала глубокий вдох. Это именно то, о чем подумала сама Эль. Она дала Форестеру шанс спастись, дав ему путь к отступлению. Но он вернулся.

Она поправила платье и заправила волосы за уши.

— Как я выгляжу?

— Красавица, — бесцеремонно сказала Грейси — Теперь иди к этому парню, пока другой мужчина не украл тебя у нас.

Эль рассмеялась. Ее жизнь в Стоун Пик усложнилась за очень короткий период времени.

Люди будут сплетничать, а ведь это так на нее непохоже. Она потратила свою жизнь, пытаясь избежать драмы. Но рядом с Грисом было трудно держаться на плаву, так как он имел привычку все испортить.

Она вышла в ресторан, молясь, чтобы она при этом выглядела хорошо. Грис напугал ее, но она не должна показать этого.

— Форестер, — сказала она.

— Эль, — произнес он.

Форестер сидел за стойкой и выглядел даже лучше, чем она помнила. Эль почувствовала слабость в коленях, когда ее память нарисовала, что он с ней делал ночью. Она не могла поверить, что находилась в его постели. Форестер был словно киногерой, такой скульптурный и мускулистый, уверенный в себе, самоуверенный.

— Что ты здесь делаешь? — глупо спросила она.

Было очевидно, что в это время в закуской находились ради одной вещи — завтрака.

Она почувствовала, как на нее накатило удивление от его ответа.

— Я здесь ради тебя, дурочка.

— Меня?

— Да, тебя. Конечно же, тебя. Как будто это не ты провела со мной эту ночь, а потом легко сбежала.

Эль покраснела. Она знала, что Келли и Грейс слушали каждое слово.

— Я думала, что ты уже насытился мной.

— Поэтому ты ушла?

Она кивнула. Эль чувствовала себя сейчас глупо, когда он сидел прямо перед ней, но когда она находилась в номере отеля, то мысль, что он, возможно, не захочет ее больше, была очень даже реальной.

Форестер похлопал по соседнему столу.

— Присядь, — сказал он. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

В помещении никого не было, и она могла позволить себе уйти на перерыв. Осторожно она присела рядом с ним, задаваясь вопросом, что же он должен сказать ей по поводу их отношений. Она уже облажалась?

— Ты не должна спускать все на тормоза со мной, Эль. Тебе не следует выстраивать между нами стены.

— Я не буду.

— Послушай, — сказал Форестер, и он явно говорил со всей искренностью.

Он положил руку на ногу Эль, и она почувствовала, словно поток электричества прошел через нее от его прикосновения. Она хотела, чтобы его рука скользнула вверх под юбку и поласкала ее.

— Слушаю, — произнесла она.

Он посмотрел ей в глаза.

— Понимаю, — сказал он. — Мне необходимо заботиться о тебе. Поверь мне.

И это было правдой. Эль не знала, что в этот самый момент, Форестер рукой в кармане касался конверта, в котором находилось письмо от его отца. До этого момента Форестер еще не определился, но когда он говорил Эль о желании защитить ее, то решил, что не собирается открывать конверт и не планирует прочитать письмо. Это было связано с тем, что в нем могло говориться о чем-то, что поможет ему исцелить раны, полученные в детстве, но, в равной степени, там могло оказаться и то, что способно разбить ему сердце. И это был риск, на который он не мог пойти. Таким образом, Форестер, говоря Эль о защите, фактически вел речь о безопасности и самого себя. Внутренним чутьем он понял ее, и готов был подписаться под каждым произнесенным им словом.

— Я знаю, что значит обмануться, — сказал он. — Я понимаю, что значит разочаровываться, ведь это ощущается так болезненно, словно из тебя вырвали сердце, и ты чувствуешь себя, как сломанная лампочка. Я знаю, что такое боль, Эль. Знаю, что такое страх. Но я говорю сейчас, что не причиню тебе вреда. Я не позволю тебе разочароваться. Так что ты не должна держать меня на расстоянии.

До Эль, наконец, дошли его слова, и она покраснела. Никто и никогда не говорил с ней так раньше. Никто и никогда прежде не читал ее как книгу.

Форестер не был похож на других людей. Он, казалось, распознал ее настолько, что она даже сама не знала про себя. Она хотела быть уверена, желала знать наверняка, что может ему доверять. Эль хотела знать, что он не захочет исчезнуть, как все остальные, кто что-либо значил в ее жизни.

Но что она могла видеть?

Если бы она была в состоянии прочитать мысли Форестера, то чтобы он сказал ей?

Одну вещь. Он снова хотел заняться с ней любовью. На самом деле, он не просто хотел заняться с ней любовью, более того, он хотел сделать это без презерватива. У него не было никаких проблем с презервативами, так как не был одним из тех, кто ненавидел их, но Форестер хотел, чтобы с Эль все было по-другому. Он желал быть внутри ее более глубоко, более интимно, чем он когда-либо был внутри кто-либо. Он хотел посадить свое семя внутри нее. Желал, чтобы их кожа соприкасалась, чтобы их тела сливались. И даже не отдавая себе отчета, он хотел, чтобы она была той, кто подарит ему ребенка. Вот чего он хотел.

Она еще не знала этого.

Все, что она видела сейчас, — это сидящего рядом с ней Форестера, рука которого

успокаивающе лежала на ее колене. Он был самым прекрасным мужчиной, о котором она когда-либо мечтала.

— Ладно, — произнесла она.

— Ладно?

— Я постараюсь. Я попробую не допустить, чтобы мои страхи контролировали меня. Я попытаюсь доверять тебе, Форестер. Ты просто должен пообещать мне одну вещь. Обещай, что никогда не подведешь меня.

— Не подведу.

— Никогда не отпустишь меня.

— Обещаю. Не отпущу.

— Не исчезнешь, как моя мать.

Глава 21

Форестер

ФОРЕСТЕР СИДЕЛ В СВОЕМ ПИКАПЕ с работающим двигателем и ждал Эль которой вот-вот должна была закончиться смена. Она выглядела взволнованной от того, что кто-то ждал ее после работы, и Форестер вдруг подумал, а не было ли это связано с тем парнем, который умел создавать проблемы. Он со всей уверенностью мог сказать, что тот расстроил девушек, когда пришел в закусочную, но Форестер не стал задавать им об этом вопросы. Если бы случилось что-то серьезное, он бы понял это достаточно быстро. Кроме того, на уме у него было нечто гораздо более интересное. Киска Эль.

Ну, не только ее киска. Все ее тело. Он был одержим всеми теми вещами, которые мог с ней сделать, и он думал о миллионе различных способов, которые они могли бы воплотить, вернувшись этим вечером в номер. Он даже попросил у консьержа в отеле купить ему кое-какие секс-игрушки, и служащий был очень любезен с ним. Форестер щедро одарил его наличными и надеялся, что консьержу удастся придумать что-нибудь в кратчайшие сроки.

Другая вещь, которая его удивила, было то, что он не просто хотел трахнуть Эль, он желал заняться с ней любовью. Это была большая разница. И почему-то идея на этот раз не использовать презерватив, крутилась в его мозгу. Форестер никогда в жизни не занимался сексом без презерватива. Он не хотел рисковать и случайно сделать девушку беременной. Он никогда не задумывался о рождении ребенка, но увидев Джексона и Гранта в домашних условиях, увидев то, как они были счастливы с детьми, все это заставило его задуматься. Пока он не встретил Эль, ему даже в голову не приходило серьезно подумать о рождении ребенка. Это было, видимо, связано с тем, что он никогда до сих пор не встречал девушки, от которой бы захотел иметь ребенка.

А сейчас хотел.

Форестер не был уверен, насколько серьезной была эта мысль. Все о чем он думал — это о том, чтобы Эль родила ему ребенка. И эта мысль сделала его счастливым.

— Как прошла остальная часть твоей смены? — спросил он, когда она села в машину.

Боже, она выглядела так мило. Он определенно питал слабость к девушке в форме официантки. Это маленькое платье, белый передник, черные колготки — полный комплект. Это было очень мило. Запах ее духов дурманил мозг.

— Хорошо, — ответила она.

Он взглянул на нее, ожидая узнать, не заведет ли она разговор о своем побеге сегодняшним утром, но она этого не сделала. Это нормально. Либо это не имело ничего общего с ней, либо все-таки что-то было. Если это даже так, то она имеет право на личную жизнь. Он знал, что если бы ей понадобилась какая-либо помощь, то она попросила бы его о ней только в том случае, если бы доверяла ему.

— Ты хочешь вернуться к себе, чтобы переодеться к ужину? — спросил он.

— Хорошая попытка, умник. У меня такое ощущение, что если мы заедем ко мне домой, то останемся там до утра.

Форестер рассмеялся.

— Ты видишь меня насквозь, не так ли?

— Я знаю твой тип мужчин, — сказала она игриво.

— Отлично. Я понимаю, о чем ты говоришь. Я должен накормить тебя для начала.

Эль кивнула.

— Да, точно. Только ничего особенного.

— Ты не хочешь поехать в отель? У них там ресторан. Очень хороший, видимо.

— Я бы предпочла пойти к Гарри, если тебе все равно.

Форестер посмотрел на нее и кивнул. Его это потрясло. Слишком часто он сходил с девушками, которые были больше заинтересованы в дорогих вещах, которые он мог бы им купить, чем в том, чтобы хорошо провести с ним время вместе. Эль была другой. Она просто хотела разделить с ним трапезу.

В заведение Гарри они сели за столик возле барной стойки, достаточно близко, чтобы можно было поговорить с Гарри, но достаточно уединенно, чтобы их оставили в покое, который они так желали. Гарри подошел к их столу с ошеломленным выражением на лице.

— Я сразу понял, как только увидел вас двоих вместе прошлым вечером, — сказал он.

— Понял что? — спросила Эль.

— Это свидание, не так ли?

— Да, точно, — с гордостью ответил Форестер, и сам удивился тому, что сорвалось у него с языка. — Так что, думаю, я могу назвать Эль своей девушкой.

Форестер посмотрел на Эль. Хоть она и была смущена, но при этом улыбалась.

— Это ей решать, — сказал Гарри.

Он посмотрел на нее, смущая ее тем самым, но она слегка кивнула.

Форестер ударил по столу.

— Что ж, давайте закончим, — сказал он. — Это надо отметить.

— Это не предложение руки и сердца, — запротестовала Эль.

— Это лучше, чем ничего, — заметил Форестер, — и такой парень, как я, черт возьми, буду заботиться о тебе до последнего. Гарри, в этом прекрасном заведении найдется ли шампанское?

Глаза Гарри загорелись при упоминании о шампанском.

— Ты удивишься, сынок. У меня имеются превосходные бутылки.

— Ну, тогда принеси нам самого лучшего.

— Ты выглядишь довольным, — сказала Эль, как только Гарри отошел от них, чтобы сходить за шампанским.

Форестер не ответил. Он знал, что на его губах играла большая, глупая улыбка, но все, о чем он мог сейчас думать — совместное будущее с Эль.

Мир вдруг наполнился массой возможностей. Он подумал о Лейси и Фэйт, о том, как счастливы они были во время беременности, как рады были рождению ребенка, и как они любили своих мужчин. Он хотел видеть Эль на их месте, если, конечно, и она этого хотела.

Он потянулся к ней через стол, и она протянула ему руку навстречу.

— Ты на самом деле нечто, Эль. Ты знаешь это?

Она покачала головой.

— Если бы ты знал меня лучше, то не говорил бы так.

— Нет, сказал бы.

— Я не знаю, Форестер. Ты кажешься чертовски уверенным во мне.

— Я знаю, что мне нравится, Эль.

— Но ты не знаешь и половине багажа, который тянется за мной.

— Ты говоришь о том придурке, который был в кафе сегодня утром, не так ли?

— Откуда ты знаешь о нем? — спросила Эль, и ее глаза расширились.

— Я видел, как он выходил из закуской. У нас с ним состоялся разговор на стоянке.

Очаровательный парень.

— Да, очень обаятельный, — сказала Эль.

— Он твой бывший, да?

Эль медленно кивнула.

— Я не знаю, как он выследил меня. Я пыталась оставить его позади, но он каким-то образом нашел меня.

— Такой человек, как он, уж если решил разыскать тебя, то найдет способ, как сделать это. У меня есть друг, хороший друг, практически брат, и ему потребовалось десять лет, чтобы избавиться от кое-кого, кто хотел причинить вред его женщине и его ребенку.

— Десять лет? — переспросила Эль, вздрогнув.

— Десять лет. Это, конечно, не совсем твоя ситуация. У него были проблемы с преступной группировкой в штате Невада. Но он знал, что не мог вернуться домой, пока не нейтрализует угрозу. Он понимал, что такие люди разыщут его, даже если он предпримет все от него зависящее, чтобы его не нашли.

— Так что он сделал?

— Он позаботился о них.

— Позаботился?

— Давай не будем вдаваться в подробности, — сказал Форестер.

— Хорошо, — произнесла Эль, — но ты знаешь, это звучит довольно загадочно, не так ли?

— Мои братья — таинственные ребята, Эль. Это то, что мне следует объяснить тебе в ближайшее время, если ты захочешь быть со мной.

— Если я захочу остаться с тобой? — спросила Эль.

— Ну, это не я убегаю тайком по утрам.

Эль рассмеялась. Она собиралась объясниться, и Форестеру было любопытно, о чем же она собиралась рассказать, но в этот момент к ним подошел Гарри с шампанским.

— Это лучшая бутылка, — сказал он Форестеру. — Уверю вас.

— Рад слышать.

— Оно недешевое.

Форестер кивнул.

— Гарри, на другое я и не рассчитывал.

Как только он начал наливать вино по бокалам, двери распахнулись, и порыв ветра ворвался в бар. Вместе со снегом в помещение вошли пять молодых мужчин. Эль сидела спиной к ним и не обернулась, но Форестер хорошо видел их, замечая каждую деталь. Вместе с четверьмя придурками, с которыми у него накануне произошла ссора, появился новый мудака в городе — бывший Эль.

— Лучше налей-ка нам побыстрее пару бокалов, Гарри, — сказал Форестер. — Что-то подсказывает мне, что нас собираются прервать.

Гарри увидел вошедших парней, но кажется, он уже не боялся их как раньше. Теперь, когда Форестер был в городе, то, похоже, ситуация уже не казалась такой безнадежной. Он продолжал разливать шампанское, как будто ничего необычного не произошло, и Форестер чокнулся с Эль, сделав глоток бодрящего, охлажденного вина.

Грис уже шел к нему. Форестер вздохнул. Он бы хотел избежать еще одного боя и сохранить атмосферу романтики с Эль. Все шло так хорошо, и она казалась такой

счастливой и расслабленной. Последнее, что он хотел, это противостояние с ее бывшим.

— Эй, недоумок, — сказал Грис. — Ты знаешь, что ты пьешь вино с девушкой другого человека?

Форестер встал.

— Прошу извинить меня, я на несколько минут, — сказал он Эль. — Я должен позаботиться о кое-какой дряни.

К его удивлению, Эль подмигнула ему, прежде чем он вышел. Она не была настолько беспомощной и боящейся, как он думал. Эль оказалась довольно смелой. Этот парень определенно был достаточно большим, и мог нанести кое-какие серьезные повреждения такой девушки, как Эль. Форестер не сомневался, что тот мог причинить ей боль в прошлом, и, тем не менее, она хладнокровно вела себя, по крайней мере, как могла. Когда она подмигивала ему, он заметил, что ее руки дрожали.

— Слушай, приятель, — начал Форестер. — Твои маленькие друзья здесь могут рассказать тебе, что я боец. Твою мать. Я люблю драться. Удар моего кулака в твою физиономию доставит мне удовольствие. Но я сейчас на свидании. Так что, если ты хочешь сохранить себя целым и невредимым, то я буду рад увидеть, как ты уходишь.

— Я не уйду, пидар.

— Пидар? — спросил Форестер.

— Да, я так назвал тебя, *пидар*. У тебя с этим проблемы?

— У меня нет ни с чем проблем, — сказал Форестер. — Вы, парни, просто ведите себя хорошо и оставьте в покое меня и мою девушку. И все будет замечательно.

— *Твою* девушку. О, черт возьми, нет. Эль, маленькая шлюха, я создам тебе кучу проблем. Она моя шлюха, пидор. Всегда была. Всегда будет.

Форестер был готов сделать довольно много, чтобы избежать драки с этим парнем, у него не было желания отправить его в больницу, но одну вещь он не собирался позволять себе — стоять в стороне и позволить тому оскорблять Эль.

— Что ты сказал? — спросил Форестер с низким рыком.

— Я сказал, что она маленькая шлюшка, — ответил Грис и оглянулся через плечо на своих четырех прихвостней за моральной поддержкой.

Это произошло. Форестер стиснул зубы. Грис пересек черту. Оставаясь совершенно спокойным, Форестер оценил ситуацию. Он не знал, каким образом Грис пересекся с четверьмя местными смутьянами. Судя по внешнему виду, они были немного более осторожными, в отличие от Грис. Они уже видели Форестера в действии. Двое из них даже испытали это на себе. Форестер криво ухмыльнулся. Он, возможно, не выбрал эту работу, но он был хорош в этом, и знал, что он силен.

— Пойдем, выйдем, — сказал он.

ЭЛЬ НЕ МОГЛА ПОВЕРИТЬ в происходящее. Форестер направился из бара прямо к стойке, а Грис и четверо его друзей отправились за ним следом. Эль в отчаянии взглянула на Гарри, прежде чем броситься к двери. Она должна была увидеть, что произойдет.

Она была удивлена, как спокойно она себя при этом чувствовала. Обычно, Грис обладал способностью напугать ее до смерти, особенно, когда был пьян, а сейчас он явно был пьян. Но не только это беспокоило ее. Грис был с ребятами, которые являлись причиной неприятностей в закусочной с момента ее прибытия, Фил и его друзья — идиоты. Мало того, что они являлись проблемой для нее и Келли, их отцы имели возможность закрыть закусочную Грейси и бар Гарри одним росчерком пера.

Страха было много. Пять парней против одного. Грис, угрожая забрать ее домой и пресекая ее попытку вырваться на свободу и новую жизнь. Она должна была быть в ужасе.

Но нет, она была спокойна, так как знала, что она больше не одна. Форестер назвал ее *своей* девушкой. Он настаивал на том, что она была его. Он убедил ее, и она знала, что он не шутил. Она чувствовала это. Он был не абы каким парнем, пытавшимся подцепить ее. Это было что-то настоящее.

И это заставило ее чувствовать себя в безопасности. Безопаснее, чем она когда-либо испытывала в своей жизни.

Даже с ним, находящимся лицом к лицу с пятью большими, значительными придурками, Эль ощущала себя в большей безопасности, чем когда-либо. Именно такой эффект оказывал на нее настоящий мужчина.

Она видела, как Форестер хотел избежать всего этого. Он не хотел драться. Но когда Грис назвал ее шлюхой, вот тогда-то все изменилось для Форестера. После этого он решил принять соответствующие меры.

Она стояла у двери и наблюдала. Несмотря на ее обретенную уверенность в своем месте в этом мире, в ней начал расти страх, когда она увидела пятерых парней, окруживших человека, которого она полюбила.

Она молилась, чтобы он не пострадал, но когда она взглянула на его лицо, то заметила, что его эта ситуация только забавляла.

— Итак, — начал Форестер, — кто из вас хочет нанести первый удар?

— Пошел ты, — ответил Фил, и бросился на него.

Тот легко увернулся и использовал собственный вес Фила против него самого, заставляя его врезаться в одного из своих друзей. Еще один из местных парней бросился вперед. Форестер остановил его ударом кулака в живот, и тот согнулся пополам. Потом Форестер ударил его коленом по лицу.

Эль скривилась, когда кровь хлынула изо рта мальчишки. Когда тот упал, Форестер потянулся за четвертым парнем и, схватив его, притянул ближе и нанес удар по лицу. Затем повернулся туда, где стоял ошеломленный Фил. Фил попытался нерешительно нанести удар, от которого Форестер увернулся, нанеся ответный удар.

В то, что казалось всего лишь мгновением, Форестер умудрился нейтрализовать четверых местных парней. Эль была уверена, что некоторое время они не будут причинять много хлопот.

Грис наблюдал за происходящим со смесью ужаса и ярости. Он догадывался, что Форестер — грозный боец, но не рассчитывал на то, что тот вырубит всех четверых мальчишек с такой легкостью.

В отчаянии он отступил назад к пикапу, который был припаркован на стоянке, и вытащил железный прут размером с бейсбольную битку, спрятав его сзади. Он замахнулся угрожающе. Эль тут же поняла, что одного удара будет достаточно, чтобы причинить серьезный вред тому, кого он ударит. Она видела, что Грис потерял самообладание, и поняла, что сейчас тот способен убить кого-то.

Форестер, казалось, не замечал этой опасности. Он сделал шаг по направлению к Грису, обходя разбросанные по земле тела местных мальчишек.

— Думаю, что самое время, чтобы ты извинился перед Эль за то, что ты такой идиот, — сказал он.

— Я никогда не буду извиняться перед этой стервой, — заявил Грис. — Ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Ладно, — сказал Форестер, — Будь по-твоему.

С этими словами он бросился на Грису. Грис встал в стойку, как в бейсболе, замахнувшись железным прутком, готовый ударить Форестера насмерть. Эль не могла смотреть на это. Она закрыла глаза, затем снова открыла их, когда Форестер уже был в пределах досягаемости оружия Грису. Тот замахнулся, вложив в удар всю свою силу. В это же время Форестер упал на колени и проскользнул под прутком, нанеся удар по ногам Грису. Грис тут же упал, а Форестер, вскочив на ноги, ударил его со всей силы. Грис выронил железный прут из руки, который пролетел достаточно далеко и упал в снег.

Форестер посмотрел на Грису, а затем придавил своими коленями его грудь.

— Ты, слушай меня, и очень внимательно, — сказал Форестер. — Эль, когда-то, возможно, и была твоей девушкой, но она покинула твою жалкую задницу. Это ее право. Она сейчас со мной. Тебе здесь нечего искать. Ты уберешься из этого города, прежде чем случится что-то, что ни один из нас не сможет изменить. Ты меня слышишь?

Грис сплюнул и закашлялся.

— Ты меня слышишь? — спросил Форестер громче.

Грис колебался, но как только Форестер сильнее надавил коленом на грудь Грису, тот подал голос.

— Я слышу тебя, — ответил он.

— Уверен?

— Да.

— Ты собираешься уехать из города и не создавать проблем?

— Да.

— Оставляешь девушку в покое?

— Да.

Форестер кивнул.

— Хорошо, — произнес он.

И с этими словами он поднялся с Грису, не причинив ему больше никаких травм. Эль не могла поверить в это. Она даже не глядела на Грису и других мальчишек. Она не могла отвести глаз от Форестера. По крайней мере, она была заинтересована, он был сплошным божеством.

Глава 23

Эль

ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ СПУСТЯ она уже лежала на спине в постели Форестера.

— Я так сильно хочу тебя, желаю испробовать тебя на вкус, — сказал он.

— Ты хочешь меня? — спросила она, думая о том, как сильно ее киска хотела бы почувствовать его длинный, твердый член.

— Я изголодался по тебе, Эль. А теперь избавься от всего этого тряпья.

Эль нервно посмотрела на него. Его рубашка была в пятнах от пота и крови. Конец его кожаного ремня заманчиво болтался внизу перед его промежностью. Она могла сказать, что его тело все еще было полно адреналина от боя. Он выглядел свирепым, почти устрашающим. Его глаза горели страстью.

— Давай, — сказал он. — Я хочу посмотреть, как ты раздеваешься.

Эль прочистила горло. Она почувствовала вдруг неуверенность в себе. Искусственное освещение в комнате было намного ярче, чем ей бы хотелось. Она не привыкла обнажаться перед такими сексуальными мужчины, как Форестер.

— С чего я должна начать? — спросила она.

— Начни с обуви.

Она скинула туфли, и они полетели через всю комнату.

— Хорошо, — приободрил ее Форестер, — а теперь колготки.

Она послушно нагнулась и стянула колготки сначала с одной ноги, потом с другой, в то же время соблюдая осторожность, чтобы не позволить Форестеру увидеть, что у нее под платьем.

— Очень хорошо, — сказал Форестер. — Клянусь Богом, я никогда не видел таких гладких и соблазнительных ног, как у тебя, Эль.

— Они тебе действительно нравятся?

— Не просто нравятся, Эль. Я люблю их. Я люблю твои изгибы. Я люблю тебя такой, какая ты есть. Ты самое лучшее, что я когда-либо видел в своей жизни. Теперь перестань болтать и сними эти маленькие трусики.

— Мои трусики?

— Ты меня слышала.

Эль колебалась всего лишь мгновение, пока увеличивающаяся выпуклость в джинсах Форестера не завершила ее в том, что ему нравится все, что он видит. Затем она спустила трусики вниз по лодыжкам, и они упали за кровать.

— Хорошо, — повторил Форестер, — очень хорошо.

Эль задрожала, испытывая настороженность и одновременно застенчивость. Она никогда не чувствовала себя такой незащищенной, никогда не ощущала так сильно мужской голод. Она могла точно сказать, что Форестер оттягивает момент своего удовольствия, дразня себя, и наслаждаясь при этом каждой секундой ее представления. Эль заводило то, каким возбужденным он был.

— Теперь, раскройся мне, — сказал Форестер, — во-вторых.

— Раскрыться тебе?

Форестер кивнул. Он знал, что она поняла, что он хотел от нее. Он все еще находился в конце кровати, и его глаза, как она заметила, жадно пожирали все больше и больше

обнажаемого тела.

Она села на кровать, приподняла колени, а затем развела их, открывая вид на ее бедра и то, что находилось под платьем. Форестер втянул воздух от удовольствия. Он начал медленно расстегивать ремень, выпуклость в штанах была настолько велика, что должна была доставлять ему дискомфорт.

— Раскройся пошире, — сказал он.

Она подчинилась, а потом затаила дыхание, в то время как Форестер забрался на кровать между ее ног и скрылся под платьем.

— О, Боже, — прошептала она, когда его губы коснулись ее киски.

Он начал нежно ласкать ее половые губы своим языком, посылая волны предвкушения и удовольствия по всему телу. Она чувствовала, что становилась влажнее и влажнее, пока он сосал ее клитор и толкнул свой язык в ее влагалище. Затем Форестер остановился и слез с кровати.

— Продолжай, — сказал он, как будто ничего только что не происходило.

Очень робко Эль потянула свое платье вверх, снимая его через голову, а потто избавилась от лифчика. Форестер зорко следил за каждым ее шагом. Когда он заговорил, его голос издавал рык, как будто он превращался в хищного зверя.

— Я сделал заказ консьержу, чтобы он достал кое-какие игрушки, — сказал он. — Надеюсь, ты не возражаешь?

Эль не произнесла ни слова. Она молча лежала, пока Форестер открыл упаковку какой-то штуки, которую консьерж купил по его просьбе. Она ахнула, когда увидела золотые цепочки с атласными ограничителями на концах.

— Что ты собираешься делать со мной? — спросила она нервно.

— Никаких вопросов, — ответил Форестер.

Потом сел на кровать, обернул и закрепил их вокруг щиколоток и запястий Эль. Они были твердыми и прочно удерживали ее, но при этом были удобными и хорошо сделанными. Каждый ограничитель был сцеплен золотой цепочкой, которую Форестер обернул вокруг из четырех углов каркаса кровати. Когда он закончил, Эль была прикована, растянута и раскрыта на кровати, находясь полностью в его власти.

— Форестер, — прошептала она, — что ты собираешься со мной делать?

— Я планирую трахать тебя, милая, долго, сильно и медленно.

У нее перехватило дыхание.

— Но есть кое-что больше, чем только это, — продолжил Форестер.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть кое-что еще, что я хочу сделать для тебя.

— Что еще можно делать кроме этого? — спросила Эль, вытягивая свои конечности в удерживающих устройствах, пытаюсь проверить их.

— Ну, — сказал Форестер, — я собираюсь трахнуть тебя без презерватива.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты подарила мне ребенка, Эль.

— Что? Форестер? О чем ты говоришь?

— Я знаю, что это безумие, — начал он. — Мы только что встретились. Ты не знаешь меня.

— Это — безумие, — сказала Эль, в ее голове крутился миллион мыслей.

Она не готова стать матерью. Она не замужем. У нее нет дома, нет денег, она даже не

владеет своей машиной. Нет. Она была едва в состоянии позаботиться о себе. Как она сможет заботиться о ребенке и дать ему жизнь, которую тот заслуживает?

— Забудь об этом, — сказал Форестер, взбираясь на кровать.

Эль видела, что сейчас он был полностью обнажен, а его огромный член, указывал на ее влагалище и был готов, как ракета перед стартом.

Она представила себе, каково это будет, когда его член без защиты будет скользить во влагалище, и когда он изольет свое липкое семя внутрь ее тела. Одна только мысль об этом заставила ее сердце бешено билось.

— Подожди, — сказала она, удивляясь сама себе, что это вырвалось из нее.

— Что?

— Ты уверен? — спросила она, глядя ему в глаза.

Его восставшее естество нежно коснулось губ ее киски. Она выгнулась в попытке добраться до него. Она хотела его внутри себя.

— Я никогда не был так уверен. Никогда в своей жизни, Эль. Я хочу ребенка, и хочу этого с тобой. Дашь ли ты мне его? Сделаешь ли ты мне такой подарок?

Эль с трудом верилось в то, что она слышала. Что, честно говоря, происходит? Неужели такой человек, как Форестер, может говорить девушкам, что хотел бы дать им ребенка?

«А почему бы и нет», — подумала она, ведь он был прямо над ней, его член касался и играл с ее половыми губами.

— Все в порядке, — сказала она. — Если ты поклянешься, что никогда не оставишь меня, если обещаешь, что всегда будешь со мной и ребенком, то мы можем попробовать.

Глаза Форестера загорелись, словно ему сообщили самую лучшую новость в мире.

— Правда? — прошептал он.

— Да, Форестер. Давай сделаем это.

Губы Форестера начали покрывать ее все более страстными поцелуями. Его губы пили ее. Его глаза были устремлены на нее, взгляд пронзал насквозь. И как только он опустил большой вес своего мощного тела на нее, его петух начал скользить в ее ожидающую его киску. Он двигался в ней с таким голодом и страстью, что это даже пугало. Это был Форестер, человек, собирающийся сделать одну вещь, которая станет самой значимой в его жизни. Он планировал попробовать стать отцом.

Она закрыла глаза и сосредоточилась каждой частицей мозга на своих ощущениях. Эль никогда еще не оказывалась в такой ситуации. Она никогда еще не была такой беззащитной, такой уязвимой, полностью отдавшей во власть мужчины. Никогда, за все годы, проведенные с Грисом, они не занимались любовью без презерватива. Это была та вещь, на которой настаивал Грис. Он не хотел, чтобы она забеременела.

Форестер был другим. Он действительно хотел ребенка, и желал, чтобы он был от нее. В других обстоятельствах, то, о чем Форестер попросил, отпугнуло бы ее. Она это знала, у нее в голове сработали бы всевозможные сигналы тревоги. Но с ним этого не произошло. Он вселял уверенность, так как понимал, чего хочет. Форестер знал, к чему лежали его сердце и душа. На уровне инстинкта она осознавала, что если он сказал, что хочет, чтобы она стала матерью его ребенка, то именно это он и имел в виду. Значит, у него были веские причины спрашивать об этом у нее.

— Я люблю тебя, Эль, — прошептал он, и от этих слов через ее тело словно прошел разряд электричества.

Доставляемое ей удовольствие нарастало глубоко в самой сердцевине ее тела, и оно

росло и росло, пока она боролась с цепями, которые Форестер использовал, чтобы привязать ее. Она чувствовала, как теряет контроль. Удовольствие было настолько сильным, что она хотела закричать.

Она была во власти Форестера, и он, толкался в нее глубоко, затем выходил, прежде чем повторить движение. Это оказало настолько сильный эффект на Эль, что она боялась, что упадет в обморок.

— Возьми меня, — застонала она. — Трахни меня, Форестер.

— Вбери каждый дюйм меня, — прохрипел Форестер, пока он снова и снова наносил удары в ее незащищенное тело.

Она открыла глаза и увидела взгляд мучительного удовольствия на его лице. Его лоб был скользким от пота, глаза закрыты, губы поджаты в экстазе оргазма.

— О, Боже, — воскликнул он, и она почувствовала, как потоки спермы хлынули в нее.

Она знала, что в этот самый момент ее жизнь никогда больше не будет прежней. Начиная с этого момента, чтобы ни случилось, она будет связана и привязана к Форестеру. Их судьбы переплетены. Она по-настоящему с этого момента собирается быть его, а он ее.

Независимо от того приведет ли незащищенный секс к рождению ребенка или нет, это оказалась самой интимной вещью, о которой она только могла подумать, и этот факт наполнял ее сердце радостью и любовью из-за того, что она поделила этот момент с Форестером. Такое было впервые, что мужская сперма оказалась внутри нее, и все, о чем она могла думать в этот момент, это то, что она хотела большего. Она желала всего, что он мог ей только дать, и она хотела, чтобы это оставило след. Эль хотела, чтобы внутри нее начал расти ребенок.

Она не была религиозным человеком, редко ходила в церковь, но она знала, что это был духовный момент. Бог был частью этого.

В то время как сперма Форестера вливалась в нее, наслаждение переполнило ее, и, наконец, оргазм, что копился внутри нее с того момента, как она вошла в номер, начал освобождать все ее чувства.

Эль закричала. Ее мышцы сжались. Она попыталась выдернуть руки и обернуть их вокруг его мощного мужского торса, но не смогла. Он продолжал вбиваться в нее так глубоко, что она подумала, что он может повредить ее, но не было никакой боли, только одно удовольствие. Форестер входил и входил, не отрываясь от нее, и когда, наконец, кончил, то рухнул вниз на ее тело. Его кожа была липкая от пота.

— Спасибо, Боже, — прошептала она, когда все было кончено.

Глава 24

Форестер

ФОРЕСТЕР НЕ МОГ поверить в то, что он делает.

Откуда же взялось это желание?

До этого момента он не осознавал, как сильно хотел ребенка, и насколько он был уверен, что Эль именно та женщина, которая дала бы ему его. Это был момент просветления, почти нечто мистическое.

Пока его член находился внутри нее, а его сперма изливалась в ее вкусную, нежную киску, он осознал, что с этого времени вся его жизнь изменится. Он знал, что в жизни мужчины случаются разные вещи, которые в итоге оборачиваются ничем. Это был не тот случай.

Это был один из тех моментов, который менял его.

Он умирал и просил у Бога прощения за всю свою жизнь. И это, пожалуй, был единственный бесценный момент. Именно он. Это было то, что Форестер Сноу собирался сделать со своей жизнью.

Он это знал, и это знание давало ему огромное чувство благодарности и любви. Он покорился. Он вцепился в красивое, мягкое, гладкое тело и испытал интенсивное чувство — чистую любовь его жизни.

Именно так он ответит на преступления отца. Преодолением. Созданием своей собственной жизни.

— О, Эль, — воскликнул он.

Удовольствие по-прежнему пульсировало в его члене, в то время как он рухнул на ее тело. Он боялся, что может раздавить ее, так как она была такой маленькой по сравнению с ним. Форестер не должен был опускать свой вес на нее. Его сперма все еще капала в нее, а член, находившийся внутри нее, все еще тверд. И все, что он хотел в данный момент, это чтобы ничего не изменилось, чтобы они остались переплетены с женщиной, которую он полюбил на веки вечные.

— Это, должно быть, рай, — вздохнул он.

— Я тоже так думаю, — сказала Эль, и он, заглянув в ее глубокие, красивые глаза, понял, что это правда.

— Спасибо, — прошептал он.

Она улыбнулась.

— Правда, — продолжил он, — спасибо, Эль. То, что сейчас было у нас, я не сомневаюсь ни секунды, было настолько важным, настолько знаменательным. Я знаю, что нет никакой гарантии, но все же есть шанс, вполне реальный шанс, что мы только что создали новую жизнь вместе. Есть шанс, что мы станем родителями, ты и я, а это значит, что мы собираемся посвятить каждую частицу души друг другу на всю оставшуюся жизнь.

— Ты действительно это имеешь ввиду? — спросила Эль, и ее голос звучал обеспокоенно.

Видимо, она боялась, что доверилась не тому человеку с этим самым интимным, интенсивным даром, который женщина когда-либо могла дать.

— Я готов подписаться под каждым словом, Эль. Готов отдать каждую часть души. Клянусь тебе, я сейчас весь твой. Я твой, а ты моя. Ничто и никогда не сможет изменить это.

Даже смерть.

А потом он поцеловал ее, его язык проник в ее восхитительный, ожидающий рот. Форестер знал, что он только что пересек черту и превратился в настоящего мужчину. С этого момента он стал мужчиной, и то, что сделал с ним его отец, больше не имело значения.

Он сделал это.

Он преодолел свое прошлое

Глава 25

Эль

ЭЛЬ ПРОСНУЛАСЬ ОТ СВЕТА, льющегося из окна номера и наполняющего теплом светом постель. Она полежала еще минуту, позволяя своему телу впитать в себя эту негу. Она чувствовала, как жизнь наполняет ее.

Это было ощущение счастья. Впервые в своей жизни, она, наконец-то, поняла, на что это чувство похоже.

Она обернулась и посмотрела на Форестера. Эль думала, что он спит, но как только она посмотрела на него, на его спокойном лице расплылась улыбка.

— Ты так прекрасен, — сказала она.

Он открыл глаза.

— Я так тебя люблю, Эль.

Ее сердце екнуло, бабочки запорхали в животе.

— Ты действительно в этом уверен, Форестер? — спросила она. — Я не могу влюбиться в тебя, а потом потерять.

— Уверен, — ответил он, а затем поцеловал ее в лоб и выбрался из постели.

Он подошел к кофемашине и поставил в нее две чашки. Эль наблюдала за тем, как он ходит по комнате во всей своей неприкрытой красе. Ее глаза наслаждались впечатляющим зрелищем. Она все еще не могла поверить в то, насколько счастливой была сейчас. Форестер выглядел, как модель нижнего белья. Она почувствовала дрожь желания между своих ног.

Эль знала, что она нравится ему, но считала, что он только думает, будто любит ее, но на данный момент и этого было достаточно. Она не маленькая девочка. Эль знала, что настоящая, истинная любовь требует времени, и она также осознавала, что некоторые люди могли ждать любовь всю свою жизнь, а потом вдруг влюблялись с одного взгляда в свою женщину и при том сильно. Видимо, Форестер был одной из тех страстных душ. Если он сказал, что влюблен в нее, то этого достаточно для нее. Она не стала бы сомневаться в нем. Он был импульсивным, но не лжецом. Он был убежден, что Эль была женщиной, созданной для него. О чем она еще могла просить?

— Будешь молоко или сливки? — спросил Форестер.

Эль выскользнула из-под простыни и поднялась с постели. Ограничители до сих пор свисали с кровати, но Форестер снял их с нее, прежде чем они заснули. Эль не знала, откуда у нее взялось мужество при свете дня продемонстрировать свое абсолютно обнаженное тело, но она опустила на колени на ковровое покрытие и начала ползти в его сторону.

Когда он увидел, что она делает, его член немедленно напрягся.

— Ты знаешь, мне нравится крем, — произнесла Эль с развратными интонациями в голосе, и когда добралась до него, то встала на колени таким образом, чтобы ее лицо оказалось на одном уровне с его толстым членом. Она взяла его в руку и посмотрела на него в первый раз при дневном свете. Он представлял собой прекрасно сформированный образец. Она не могла себе представить что-то более эротичное или красивое во всем белом свете. Вдоль нижней части пульсировали толстые вены. На кончике более темная кожа сменялась нежно-розовой, и член чем-то напоминал заснеженные пики гор за окном.

Она открыла рот и закрыла глаза. Прежде чем она успела коснуться его, Форестер застонал от предвкушения.

Эль обхватила губами головку, и ее язычок поласкал его кончик. Это было восхитительно, и ей так не терпелось взять ее в рот. Она чувствовала биение его сердца через пульсацию удовольствия его ствола. Она целиком и полностью ощутила единение с ним.

Кто бы мог подумать, что им будет так комфортно друг с другом за такой короткий промежуток времени.

— Интересно, беременны ли мы, — прохрипел Форестер, в то время как удовольствие растекалось по его телу.

Услышав эти слова, Эль вспомнила о том, как далеко он готов был зайти. Она позволила его члену скользнуть далеко в заднюю часть ее горла, и единственное, о чем она думала в этот момент, это то, как доставить ему удовольствие. Теперь она была его. Эль желала порадовать его. Она хотела доставить ему такой незабываемый оргазм, чтобы он запомнил это утро на всю жизнь.

Она сосала его кончик, любовно лаская его языком, и с каждым стоном, срывавшимся с его губ, она чувствовала соответствующую пульсацию удовольствия в его члене. Она принимала его все глубже и глубже в заднюю часть горла, чувствуя, как он увеличивается в размерах, и с каждым толчком все ближе и ближе приближаясь к оргазму. Она позволила своим мягким, влажным губам скользить по всей длине его ствола, а ее язык беспощадно играл с его головкой.

Взяв в руку его яички, она мягко и нежно поласкала их пальцами.

«Кончи для меня», — подумала она. — *«Кончи мне в рот, малыш».*

У нее была власть и контроль. Одним движением языка она могла послать дрожь удовольствия в каждую клеточку его тела. Если она делала такие вещи с ним, то он бы никогда не смог посмотреть на другую женщину, пока был жив.

— О боже, Эль, — простонал Форестер.

Она стала сосать его сильнее, ощущая солоноватый вкус его предэякулята. Она хотела всего, желала заставить его кончить ей в рот. Пока ее язык играл с его головкой, она почувствовала первый прилив его оргазма. Его член запульсировал, а затем излился ей в рот.

Форестер схватил ее голову и сильнее толкнулся ей в горло. Она закрыла глаза и позволила ему скользнуть в нее во всю длину. Он изливался в нее с такими стонами удовольствия, что она знала, он запомнит этот момент навсегда.

— Эль, — простонал Форестер, когда все закончилось.

Эль проглотила все, что он ей подарил. Ее не заботило ничего, кроме чувства удовлетворения, которое она доставила своему мужчине. Она улыбнулась ему так невинно и сладко, как только могла.

— Тебе понравилось? — спросила она.

Форестер рассмеялся, потом подхватил ее под руки и, перекинув через плечо, понес ее через всю комнату и бросил на кровать. В следующее мгновение он навис над ней, целуя ее в шею, облизывая ее грудь и посасывая ее соски. Он, казалось, потерял контроль над собой. Перед тем как она осознала это, его рот оказался на ее киске, сосал ее клитор и восхитительные губы, вводя язык внутрь нее.

— Форестер, — простонала она.

Он сосал и лизал минуту за минутой, пока оргазм не помчался по ее телу, как волна, обрушившаяся на пляж. Она сжала его голову между своих ног так плотно, что он не смог бы дышать. Она ничего не могла с этим поделать. Это чувствовалось так хорошо. Рот,

попадающий ее, ощущался так потрясающе. Испытывать такое необыкновенное чувство — знать, что любима им, думать, что уже, возможно, носишь его ребенка.

Когда все было кончено, она лежала на кровати, тяжело дыша. Форестер поцеловал ее в губы, ни в малейшей степени не обеспокоенный тем, что они попробовали друг друга. На самом деле, судя по его поцелую, он хотел, чтобы она попробовала себя на его губах.

Затем он закончил с приготовлением кофе и принес его в постель.

— Спасибо, — сказала Эль и рассмеялась.

— Спасибо, — произнес Форестер. — Мне это доставляет удовольствие.

Они вместе потягивали кофе, и Эль следила за временем. Она помылась в великолепной ванной комнате номера, и, когда вышла, Форестер держал в руках ее форму. Она была выстирана, высушена и поглажена.

— Как тебе это удалось? — спросила Эль, натягивая на себя чистую одежду.

— Я оставил ее для горничной за дверью прошлым вечером.

— Ты такой предусмотрительный.

Форестер рассмеялся.

— После того, что ты обещала мне подарить, Эль, это меньшее, что я мог сделать.

Они страстно поцеловались, прежде чем она ушла. Ей было жаль, что она не могла остаться подольше в номере и получить удовольствие от завтрака, и, возможно, больше любви, но она знала, что Келли и Грейс рассчитывают на нее.

— Я приду к тебе чуть позже, — сказал Форестер. — Я должен подписать кое-какие документы с адвокатом, а потом я приеду прямо в закулочную.

— Хорошо, любимый, — сказала Эль, и эти слова так приятно было ощутить на своих губах, что она, в прямом смысле этого слова, хихикнула в лифте от счастья.

Глава 26

Форестер

ФОРЕСТЕР НЕ МОГ ПОВЕРИТЬ в происходящее. Он вернулся в Стоун-Пик, чтоб похоронить отца, а теперь начал чувствовать, как будто старика не существовало вовсе. Все это ощущалось так, словно смерть его отца рассеяла облако, висевшее над ним всю его жизнь.

Он испытывал счастье, о котором даже не думал, что оно вообще возможно. Он, по правде сказать, был так счастлив, что даже напевал что-то в душе. Он не помнил ни имени певца, ни название песни, просто что-то звучавшее по радио, но отложившееся в его голове.

Он попросил Эль заметить с ним ребенка.

Он просто не мог поверить. Откуда это взялось? Был ли он уверен, что готов завести семью? У него не было идей на этот счет. Все что он знал сейчас — это то, что он счастлив и любит, и не хотел ничего большего, чем просыпаться каждым утром и первое, что видеть, это красивое лицо Эль.

Он надел последнюю чистую рубашку и нижнее белье и оставил записку для консьержа, чтобы тот прислал ему новую одежду. Форестер изначально не планировал задерживаться здесь, когда собирался приехать сюда. Теперь у него не было ни малейшего намерения уезжать отсюда. Он собирался быть вместе с Эль. Он оставил пару сотен долларов консьержу в качестве благодарности за покупку удерживающих устройств для нее. Они отлично сыграли свою роль. По правде говоря, он дал себе небольшое обещание, что если Эль забеременела прошлой ночью, он вернется и подпишет чек на тысячу долларов для консьержа.

Когда Форестер надел пиджак, то почувствовал в кармане скомканный конверт с письмом отца. Он собирался достать его из кармана и бросить в мусор, но что-то остановило его. Может быть, это было связано с тем, что он до сих пор думал, будто сможет прочитать его, а, возможно, что он просто не хотел выбрасывать его в мусор в своем номере, так как он мог его видеть и внутренне ощущать, что оно находится рядом с ним.

Форестер, как никто другой знал, что иногда такие мелкие решения могут повлиять на всю твою жизнь, но при этом нельзя предположить, насколько важным решением оно окажется. Если бы он просто бросил письмо в корзину, то в течение часа горничная пришла бы, чтобы очистить ее и выбросить со всем остальным мусором в контейнер, который опустошался в обеденное время. Форестер никогда бы его так и не прочел. Но он оставил его в кармане, как память о прошлом, когда он начал строить будущее для себя, и это, оказалось, изменило все.

Камердинер подогнал его машину ко входу, и Форестер поехал вниз по улице в юридическую контору Чепмена.

Он поприветствовал секретаря, который сообщил ему, что его ждут.

— Доброе утро, сынок, — сказал Чепмен.

— Доброе утро, сэр, — произнес Форестер.

— Ты не передумал насчет поместья отца? — спросил адвокат.

Форестер занял место напротив Чепмена.

— Нет, сэр. Я не изменил своего мнения. И не собираюсь этого делать. Насколько я могу судить, все, что связано с моим отцом, закончено, и я просто хочу избавиться от этого.

— Таким образом, ты все еще хочешь, чтобы все деньги пошли на благотворительные цели.

— Да, сэр. Вы нашли что-нибудь подходящее?

— Да, — ответил Чепмен, доставая какие-то бумаги из файла. — Этот благотворительный фонд работает в штате Монтана на протяжении более десяти лет. Он помогает женщинам, пострадавшим от домашнего насилия. Фонд предоставляет им и их детям безопасное место проживания, в то время пока правоохранительные органы ведут дело по их случаю. Это очень важная работа. Без этого некоторым женщинам было бы трудно вырваться из оков жестокого обращения, особенно если у них есть дети, и им некуда идти.

— Похоже, это именно то, о чем я и просил, — сказал Форестер.

— Да. Это то, что могло помочь твоей матери.

— Так, где мне расписаться?

— Ну, если ты действительно уверен, что тебе не нужны эти деньги.

— Мне не нужно ни цента.

— Хорошо, тогда положения документа здесь. Ознакомься с ними.

Форестер просмотрел документ, который занимал около пятнадцати страниц. Все, вроде, было в порядке. Он взял ручку и нацарапал свое имя и на дату в указанных строках.

— А что насчет юридических сборов и налогов? — спросил Чепмен. — Если ты хочешь, я могу взять их из имущества, прежде чем переведу деньги.

— Нет, — сказал Форестер. — Не делайте этого. Я оплачу сборы. Пусть ваш секретарь отправит счет на мой адрес в Калифорнии. Вероятно, благотворительная организация могла бы с пользой использовать все деньги, которые получит.

Форестер встал, Чепмен также поднялся. Они наклонились над столом, и пожали друг другу руки.

— Я сожалею, что эта ситуация была такой непростой для тебя, — сказал Чепмен.

Форестер кивнул.

— Это не ваша вина, — произнес он.

— Я не должен спрашивать тебя об этом, но ты прочитал письмо?

Форестер интуитивно опустил руку в карман и нащупал мятый конверт.

— Нет, — ответил он.

Чепмен кивнул.

— Я думал об этом, когда отдал тебе его. Наверное, мне следовало просто сделать тебе одолжение и уничтожить его, но юристы должны исполнять свои обязательства.

— Все хорошо, — сказал Форестер.

Чепмен кивнул.

— Во всяком случае, я собирался сказать, что тебе лучше было бы просто выбросить его в мусорное ведро. Твой отец был злым человеком, и к концу своей жизни он стал еще хуже.

Форестер кивнул. Это в значительной степени решило проблему для него. В его душе все же теплилась надежда, что старик изменился перед лицом смерти. Он, конечно, догадывался, что шансы были равны нулю. Но теперь он знал, что это была несбыточная мечта.

Форестер покинул адвокатскую контору, вернулся в свою машину и поехал в закусочную. Когда он остановился снаружи, то почувствовал, как его сердце ожило от волнения. Прошел едва ли час с того момента, как он видел Эль, а уже соскучился по ней.

Он заглянул в закусочную с того места, где сидел в машине, и мог видеть, что она была погружена в работу, обслуживая каких-то парней у стойки. Она его не видела.

Была ли она уже беременна?

Носила ли она уже его ребенка?

Он почувствовал, как его член запульсировал только от одной мысли об этом. Ни одна женщина никогда не оказывала такого влияние на него, как Эль.

— К черту, — сказал он вслух.

Если он действительно собирается двигаться дальше от своего прошлого, если он действительно хочет преодолеть насилие, нанесенное ему отцом, то почему он должен опасаться этого письма?

Он вытащил его из кармана и, не давая себе время, чтобы изменить решение, вскрыл конверт. Он держал страницу перед собой и прочел его за один присест.

*

Форестер Сноу.

Один звук твоего имени до сих пор вызывает у меня несварение желудка. Ты мразь, мальчишка. Ты противный кусок дерьма, сукин сын. Ты убил свою мать, и знаешь это.

Люди говорят, якобы ты не виноват. Ты не знал, что сделал. Ты был просто ребенком.

Я скажу, это прекрасно. Ты был ребенком. Ты не виноват в том, что родился. Но ты все равно убил ее, и за это я всегда буду ненавидеть тебя. Ты не более виновен, чем пуля, оставляющая отпечаток после себя. Пуля не знает, что она делает, но она все равно убивает свою цель.

Это ты, Форестер Сноу. Ты убил свою мать, убил мою жену, и я проклинаю тот день, когда ты был зачат. Если бы я мог все вернуть назад и не трахать твою мать в день, когда сделал ее беременной, я бы сделал это. Я бы стер само твое существование.

Я никогда не был идеальным мужем, но я любил эту женщину больше, чем я когда-либо мог любить тебя.

Ты для меня пустое место. Ты был бы бесполезен и для нее, если бы она пережила твое рождение. Никто бы не смог любить тебя, когда ты родился. По правде говоря, я не хотел воспитывать тебя. Я пытался сдать тебя государству, старался избавиться от тебя, но они тебя не взяли. Никто не хотел тебя.

Ты поистине родился одиноким, Форестер. Ты был рожден в одиночку, и помни мои слова, умрешь в одиночестве. Слова умирающего человека должны чего-то стоить. Проклятие умирающего человека должно чего-то значить.

Так услышать это, ибо это мое проклятие. Никто не полюбит тебя, ты маленький кусок дерьма. Ты уничтожишь того, кого ты попытаешь любить. Ты не найдешь счастья, а принесешь одни несчастья. Даже если ты думаешь, что когда-нибудь найдешь девушку, которая завоюет твое сердце, то ты сбежишь. Ты убежишь от нее так далеко и так быстро, как сможешь.

Потому что если ты этого не сделаешь, то уничтожишь ее, как ты уничтожил свою собственную мать. Проклинаю тебя.

Авраам Сноу.

*

Форестер поморщился и покачал головой. Он сказал себе, что письмо ничего не значит. Он смял его и выбросил в окно. Он не хотел иметь ничего общего с этим. Сквозь слезы,

которые заполнили его глаза, он посмотрел через лобовое стекло своего грузовика в закусную. Там была она. Женщина, которую он любил.

Что изменилось?

Отравило ли письмо отца его любовь?

Форестер не знал ответа, все, что он чувствовал прямо сейчас, что он не мог пойти туда. Он был эмоционально разбит и не хотел выглядеть дураком. Не желал расстраивать Эль. Не было никакой причины беспокоить ее. Он хотел вернуться в свой номер в гостинице и взять себя в руки. Затем он бы вернулся и позавтракал бы с девушкой, которую полюбил.

Письмо отца ничего не изменило. Ему просто нужно привести мысли в порядок после прочтения, прежде чем он войдет в закусную, чтобы увидеться с Эль.

Конверт все еще лежал на его коленях, и он понял, что в нем было что-то еще. Что-то маленькое и круглое. Кольцо. Обручальное кольцо его матери. Он видел его раньше, когда отец держал его в ящике с прикормом для рыбалки в подвале. Форестер нашел его в то время, когда был заперт внизу с собаками. Собаками, которые должны были напасть на него, но с которыми он подружился с ними, и в итоге нашел кольцо. В моменты тьмы и ужаса внизу в подвале, что сопровождали все те ночи, он даже носил кольцо. Оно идеально подходило для руки ребенка. Он носил его и по сей день был убежден, что это была та вещь, которая защищала его, пока он находился там. И он смотрел на нее сейчас. Почему его отец поместил его в письмо. Чтобы поиздеваться над ним? Посыпать соль на рану? Кольцо было красивым, с одиночным чистой воды бриллиантом на полоске золота. Он положил его в карман, включил зажигание и отъехал со стоянки. Форестер направился по дороге в сторону гостиницы.

В это же время Эль посмотрела в окно и увидела, как он уезжает.

Глава 27

Эль

—СТРАННО,— сказала Эль Келли. — Это был Форестер.

— Разве он не собирался прийти сюда и встретиться с тобой?

— Вообще-то, да, — протянула Эль. — Планировалось так. Вчера вечером все прошло на отлично, да и сегодня утром. Он собирался приехать сюда позавтракать.

— Должно быть, он что-то забыл, — предположила Келли. — Он скоро вернется.

Эль кивнула. Она на мгновение испытала страх при виде задних фар уезжающей машины Форестера, хотя дело еще не дошло до паники.

«Он скоро вернется»,— сказала она себе.

Он скоро вернется.

Но он не вернулся. Прошло полчаса. Затем час. До сих пор Форестера так и не появился. Она смотрела в окно, наверное, тысячу раз в надежде увидеть его машину на парковке.

Где он? Что изменилось? Все было прекрасно.

Он сказал, что любит ее. Он обещал.

Один час превратился в два, два в три, а Форестер до сих пор так и не появился.

— Эль, детка, ты бледная, — сказала Грейс, когда закончился обеденный поток посетителей.

Эль посмотрела на часы. Было два часа.

Он не придет.

— Что случилось? — спросила она растерянно у Грейс и Келли, как только они присели, присоединившись к ней у стойки.

В заведении было еще много клиентов, поэтому она не могла дожидаться ответа. Она должна была взять себя в руки и продолжать делать свою работу. Эль не могла себе позволить показать свое волнение. Что-то задержало Форестера, но она может позвонить ему в отель. Она подошла к телефону за кухней и набрала номер.

— Форестера Сноу, пожалуйста,— произнесла она.

— Извините, мадам, но у нас нет гостя с таким именем.

— Что?

— Нет гостя с таким именем.

— Он выехал?

— К сожалению, я не имею права обсуждать действия наших гостей, мадам. Все, что я могу сказать, что сейчас здесь нет никого с таким именем.

— А прошлым вечером?

— Это конфиденциальный вопрос, мадам.

— Конфиденциальный? Я была с ним всю ночь? Кто остановился в пентхаусе?

— Пентхаус пуст, мадам.

Он не появился и восемь часов спустя, после того, как последние поздно ужинавшие посетители покинули заведение. Теперь Эль, наконец, могла позволить себе выпустить наружу накопившиеся болезненные эмоции. На улице было темно. Она вспомнила момент, когда заметила машину Форестера.

Был ли этот последний раз, когда она видела его?

Она присела за стойку, практически рухнув на барный стул. Ее тело было полностью

обессилено.

— Что-то должно было произойти, — предположила Келли.

Эль хотелось верить ей, но когда она посмотрела на Грейс, та лишь покачала головой.

— Не принимай это слишком близко к сердцу, — сказала Грейс. — Он был яркой вспышкой, вот и все. Он находился здесь в течение несколько дней, оживил твою жизнь, и, возможно, вернется снова, а может, и не вернется. В любом случае, для тебя нет никакого смысла том, что он мог бросить тебя, детка. Старайся думать о том хорошем, что у тебя было с ним.

— О приятно проведенном времени с ним?

— Как об интрижке, детка.

— Это не было интрижкой, — сказала Эль, слезы душили ее.

— Я не говорю, что это именно так, — заметила Грейс. — Может быть, он скоро вернется. Я просто предполагаю, что если он не появится, то постарайся не дать этому разбить твое сердце.

Эль покачала головой и взглянула на Келли. И когда она увидела сострадание в глазах Келли, то поняла. Они утешали ее. Они пытались утешить ее и сделать это наилучшим образом. Они думали, что Форестер не вернется.

И они, вероятно, были правы.

— Он сказал, что любит меня, — сказала Эль, чувствуя себя жалкой.

— Мужчины часто говорят такие вещи, даже не понимая, что это значит, — произнесла Грейс.

— Он сказал, что хочет будущего со мной.

Келли и Грейс обняли ее, слезы полились по ее щекам. Она была убита горем.

Независимо от того, что Грейс пыталась сказать ей, что надо быть сильной и не позволять эмоциям выйти из-под контроля, ее сердце было разбито. Если Форестер не вернется, она умрет. Вот что она сейчас чувствовала и во что верила.

— Он был прямо снаружи, — сказала Эль, ее голос напоминал пронзительный вопль.

— Был, но ушел, — сказала Грейс.

— Почему? Почему он передумал? Почему изменил свое мнение обо мне? Что я сделала не так?

— Ты не сделала ничего плохого, детка.

— Он сказал, что хочет ребенка, — произнесла Эль, ее голос был наполнен такой тоской, что почти не был слышен. — Он сказал, что хотел от меня ребенка, и мы занимались любовью без защиты, — продолжила Эль. — Я понимаю, что это было очень скоро, знаю, что мы только встретились, но я действительно чувствовала связь с ним. Я думала, что это по-настоящему. Я хотела родить ему ребенка.

— Тише, — сказала Грейс успокаивающим тоном.

Эль ничего не соображала из-за горя. Она не могла нормально думать. Все на что она сейчас была способна, это сидеть и плакать, ее маленькое тело сотрясалось от мук. Она не могла быть более расстроенной, даже если бы кто-то умер. Для нее это было равнозначно смерти. Боль была такой сильной, как при смерти.

— Я была душой, — сказала она, и даже не осознавала, верит ли она своим собственным словам или нет.

Форестер сказал, что вернется. Она слишком остро реагирует. Он не сказал, что будет к завтраку. Было уже почти одиннадцать часов вечера. День подошел к концу. Он выписался

из гостиницы и даже не попрощался.

Она посмотрела на Грейс и Келли и решила рассказать им то, то она не говорила никому.

— Моя собственная мать не любила меня, — сказала она.

— Что? — спросила Грейс, а Келли раскрыла рот от удивления.

— Никто и никогда не полюбит меня. Это мое проклятие. Я знаю, что это правда. Я стараюсь не поддаваться своим страхам, пытаюсь оставаться позитивной и быть смелой. Стараюсь не жалеть себя, но иногда, по правде сказать, я боюсь, что проклята, и никто меня не полюбит. Мои собственные родители никогда не любили меня. С какой стати, черт возьми, такой удивительный парень, как Форестер, мог полюбить меня?

Глава 28

Форестер

КОГДА ФОРЕСТЕР ВЫЕХАЛ С ПАРКОВКИ закуской эти утром, его единственно намерением было вернуться в отель и прийти в себя. Он хотел очистить свое сознание, собрать себе по кусочкам и вернуться в закусочную, чтобы встретиться там с Эль, как и обещал.

Но Форестеру не удалось добраться до гостиницы. Он выехал на улицу. Несмотря на то, что было сказано в письме, он как никогда был уверен в Эль. Он желал ее, хотел создать с ней семью. Его не волновало, что говорилось в письме старика. Конечно, это больно, но в настоящее время он был мужчиной и выше этого.

Вот о чем он думал, когда остановился на перекрестке, на котором не было никакого движения. Он ждал, когда загорится зеленый, и заметил группу парней, идущих по тротуару, признав в них Филя и его приспешников, нарушителей спокойствия, с которыми ему пришлось столкнуться не единожды. Затем в зеркале заднего вида он увидел черный «Камаро», ехавший к нему по улице. Автомобиль двигался с превышением скорости. Слишком быстро. Форестер следил за машиной глазами, ожидая, что она замедлится. Но нет.

Форестер знал достаточно, чтобы понять, что сейчас должно произойти. Автомобиль собирался протаранить заднюю часть его машины. Он поставил ногу на газ и выехал на красный свет, потом набрал скорость, направившись по улице к своей гостинице. Примерно на полпути «Камаро» врезался в заднюю часть его машины. Удар заставил пикап потерять управление и врезаться в пожарный гидрант.

— Какого хрена? — спросил Форестер сам себя, когда машина остановилась.

У него кружилась голова, в ушах стоял звон.

Он вытер кровь со лба, разбив его, ударившись об руль в попытке затормозить. Двое мужчин вышли из «Камаро». Один из них был в штатском, а второй одет в форму шерифа.

Инстинктивно он потянулся к бардачку, но в этот момент целый отряд полицейских со своими мигалками и завыванием сирен со всех сторон окружили его машину.

— Выйдите из машины с поднятыми руками, — услышал он голос полицейского через громкоговоритель.

«Какого черта происходит?» — подумал он.

А потом пуля прошла через заднюю часть пикапа, разбив окно.

Твою мать.

Форестер вышел из машины и сразу же четыре смутьяна, сыновья самых влиятельных политиков в местном обществе, набросились на него сверху. Они били его, пинали его, лежащего на земле, наносили удары тем оружием, которое держали в руках, и, в конце, один из них ударил его по лицу сапогом, и от этого удара Форестер потерял сознание.

Когда он очнулся, то уже находился в камере предварительно заключения полицейского участка Стоун-Пика. Он являлся единственным заключенным, и, сидя на скамейке по другую сторону решетки, на него взирал шериф. Это был лысеющий мужчина, около пятидесяти, с усами. Форестер догадался, что он, должно быть, отец Филя.

Форестер попытался приподняться, но два его ребра были сломаны. Он поморщился от боли.

— Чувствуешь себя не слишком хорошо, не так ли? — спросил шериф.

Форестер не ответил. Он не понимал, что это такое было, но не собирался говорить что-либо, пока не разобрался в ситуации.

— Знаешь, — продолжил шериф, — Я всегда знал, что ты в итоге окажешься плохим человеком. Выйдя из такой женщины как твоя мать, и твоего отца, сукина сына, у тебя действительно не было шанса стать настоящим человеком.

Во рту Форестер ощущал металлический привкус крови, он сплюнул.

— Животное. Вот каким ты стал. Меня ни капли это не удивляет, Форестер Сноу.

— Рад слышать, что не подвел вас, — сказал Форестер.

Шериф рассмеялся.

— Знаешь, я знал твоего отца в прежние времена. Он всегда был сукиным сыном.

— Вам не следует говорить мне это.

— Я тоже знал твою маму.

Форестер посмотрел на него. Он не возражал, чтобы кто-то ругал его отца, но мать — другое дело. Он ждал, что же шериф собирался сказать.

— Не волнуйся, — продолжил шериф. — Не собираюсь говорить какие-либо гадости, хотя и должен.

— Я был бы признателен, если бы вы этого не делали, — заметил Форестер сухо.

У него болела голова. Грис и мальчишки действительно получили возможность взять над ним реванш.

— Я хорошо ее знал, — произнес шериф. — Она была хорошей женщиной. Могла быть для кого-то хорошей женой. Я сам просил ее об этом.

— Вы делали предложение моей матери?

— Сделал, но слишком поздно. Твой отец уже запустил свои когти в нее. После этого у нее не было шанса. В те времена все было совсем по-другому для женщин. Это был позор. Он убил ее. Я хочу сказать, мы ничего не смогли предьявить ему. В глазах закона ее убило рождение ребенка, но я знал, что он мог хоть что-то предпринять, чтобы помочь ей. Он мог бы вызвать врача, мог бы лучше к ней относиться, когда она была беременна тобой.

— Мой отец всегда говорил, что это я убил ее, — сказал Форестер.

Шериф долго и упорно смотрел на него.

— Может быть, и так. Вероятно, вы оба сделали это: твой отец и ты.

Форестер снова сплюнул.

— Возможно, — сказал он.

— По своему опыту могу сказать, что яблоко от яблони недалеко падает. Все то зло, которое было заключено в твоём отце, я уверен, вся эта гнильца есть и внутри тебя.

— А может, то хорошее, что было в моей матери, передалось мне? — спросил Форестер.

Шериф улыбнулся.

— Может быть, — сказал он. — Я думаю, мы подождём и посмотрим.

Шериф встал. Форестер коснулся ребра и дернулся от боли.

— Мне кажется, нужно обратиться ко врачу, — произнес Форестер.

— С тобой все будет в порядке. Несколько дней в каталажке ничего не изменят.

Форестер пожал плечами. Он переживал вещи и похуже, чем несколько ночей в тюрьме. Он не думал, что в таком городе, как Стоун-Пик, его могут продержат без причины слишком долго. Эль будет искать его. В отеле сообщат об этом, если он не появится. Плюс

ко всему, у него всегда были братья, которые страховали его. Они не сразу бы заметили его исчезновение, но в течение нескольких дней Лейси и Фэйт обязательно обратят на это внимание, если не услышат от него вестей.

— Мне нужно сделать телефонный звонок, — заявил Форестер.

— Этого не произойдет, сынок.

— Что? У меня есть права.

— Нет, если ты в бессознательном состоянии, то не можешь.

— Но я в сознании.

— Уверен, что ты в бессознательном состоянии.

— Что? Пожалуйста. Мне просто нужно сделать один звонок. Это не законно. Мне нужно позвонить девушке. Я должен дать ей знать, где нахожусь. Она будет искать меня.

— Ты должен был думать об этом прежде, чем смущать моего сына и его друзей.

— Вы не можете это сделать, — сказал Форестер, пытаясь подняться на ноги. Он не мог встать. Боль пронзила его ребра слишком сильно. — Просто скажите ей, где я, шериф. Это важно.

Шериф пожал плечами.

— Она подумает, что ты сбежал из города, сынок. Мы взяли на себя труд и выписали тебя из отеля, изъяли твой автомобиль. Все будет выглядеть так, словно тебя здесь никогда и не было. К тому времени, как ты выйдешь, она уже будет двигаться дальше.

— Вы не можете поступить так, — завопил он, но шериф уже вышел. Форестер закричал ему вслед, но это ничего не дало.

«Твою мать, — подумал он. — Как долго Эль будет ждать, прежде чем подумает, что я сбежал от нее?»

Эта мысль была ему невыносима. Он знал, что она была чувствительной натурой и ощутила бы себя брошенной.

Форестер знал, что она была настороже. Он был единственным, кто сказал ей, чтобы она доверилась ему.

А сейчас бросил ее. Единственное, что он обещал никогда не делать. А после этого попросил родить ему ребенка.

Он был так зол, что хотел ударить по стене. Он запер сам себя. Форестер слышал, как шериф разговаривает с кем-то в передней части полицейского участка, и он пытался услышать то, о чем могла идти речь. Он не мог разобрать слов, но вскоре узнал достаточно. Это был Грис.

Тот вошел в дверь и сел на скамейку, где ранее сидел шериф.

— Ну и ну, — сказал Грис, — мы снова встретились, пидор.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Форестер.

— О, я хотел, чтобы ты знал, что ты один против всех.

— Сдается мне, что я против всего города.

— Ну, ты должен был подумать об этом прежде, чем нажил себе врагов. Такие как ты, приезжают из больших городов и думают, что здесь, в горах, действуют те же правила. Теперь ты видишь, что это не так. Здесь все совершенно по-другому.

— Просто скажи, зачем ты пришел, или убирайся с моих глаз долой, — произнес Форестер.

— До сих пор хочешь драться, не так ли? По-прежнему готов идти.

— Отвали.

Грис кивнул в сторону двери, и Форестер поднял голову, увидев, что там стоял шериф. Шериф нажал кнопку, и замок на решетке камеры открылся. Грис двинулся в его сторону и вошел внутрь.

— Я всегда знал, что ты относишься к тому типу людей, что бьют лежачего, — сказал Форестер, и в это время кулак Гриса опустился на его лицо.

Форестер повернул голову в сторону, и кулак пролетел рядом с его лицом. Затем Форестер схватил руку Гриса и вывернул ее. Грис отреагировал, подняв свою ногу и ударив Форестера по уже травмированным ребрам. Форестер взвыл от боли, и отпустил руку Гриса.

— Хочешь еще? — спросил Грис. — Я бы мог бить по ребрам весь день.

— Делай, что хочешь, — ответил Форестер. — Я найду тебя, когда все это закончится, и заставлю заплатить за все твои попытки.

Форестер был не в том положении, чтобы угрожать, но этого оказалось достаточно, чтобы Грис сделал паузу.

— Я тебе здесь уже достаточно сказал, — произнес Грис, — ты потеряешь Эль.

— Какого черта ты знаешь об этом?

— Я знаю достаточно. Она была моей девушкой в течение трех лет. За такое время много узнаешь нового о подруге.

— Неужели?

— Ага. Позволь мне рассказать тебе о девушке, которую, как ты думаешь, хочешь. Она была не нужна собственной матери.

— Я не тот человек, который бы использовал это против нее, — заметил Форестер.

— Возможно, ты и не такой, — сказал Грис с насмешкой на лице, что привело Форестера в ярость, — но она такая.

— Что это значит?

— Она корит сама себя сильнее, чем кто-либо другой. Она убеждена, что никто и никогда не полюбит ее. Я уверен, что когда вы были вместе, ты дал ей повод думать по-другому, но только на несколько дней, а сейчас она поймет, что все это обман. Ты ушел, как и все остальные, а я единственный, кто останется. Когда ты выйдешь отсюда, она будет целиком моей.

— Зачем ты говоришь мне все это? — спросил Форестер. — Ты знаешь, что как только я выберусь отсюда, я найду ее.

— Не найдешь.

— Почему это?

Потому что ты ей больше навредишь, если сделаешь это. Тебе не кажется, что ты уже достаточно причинил ей боли?

— Я сделаю ей больно, если не вернусь к ней.

— Ты уверен в этом? — спросил Грис. — Позволь мне рассказать тебе небольшую историю. Когда Эль родилась, ее мать была совсем не ангел. Отец бросил ее давно, и мать Эл осталась одинокой. Она не знала, что делать. У нее не было денег, поддержки, никаких вариантов.

— Так как же она поступила?

— Она сделала единственное, что могла. Она точно не была шлюхой, но она выкинула парочку фортелей в свое время и была полна решимости никогда не возвращаться к той жизни, но, к сожалению, задолжала своим старым сутенерам деньги.

— И?

— И она предложила им единственное, что могла дать. Она предложила им своего ребенка.

— Что?

— Да, оказалось, что эти ребята, которые поимели ее, были единственной организацией во всей Неваде, кто готов был принять ребенка в качестве оплаты за ее долги. Она думала, что решает сразу две проблемы, глупая сука. Она избавлялась от своего долга и нашла место для ребенка.

— Так она продала свою девочку сутенерам? Не могу в это поверить, — сказал Форестер.

— Давай, пидор. Ты знаешь, как устроен мир. Не только ромашки и единороги встречаются в мире. Есть еще и плохие люди. Чистое зло. Группировку, в которую продали Эль, называлась Лос Лобос.

— Лос Лобос, — ахнул Форестер, вспышка узнавания послышалась в его голосе.

— Ты слышал о них?

— Да, слышал, — сказал Форестер угрюмо.

— Тогда ты понимаешь, что о чем я говорю, имеет смысл. Эти люди покупали и продавали женщин, как будто те являлись скотиной. Для них не было ничего лучшего, чем продать маленькую девочку в сексуальное рабство.

— Как же Эль удалось уйти?

— Ну, это самое смешное. Просто, прежде чем они начали заставлять ее заниматься проституцией, прежде чем они превратили ее в малолетнюю шлюху, членов Лос Лобос начали убивать по одному.

Форестер кивнул. Он знал об этом. Это был его брат, Джексон, который убил членов Лос Лобос, чтобы обезопасить свою девушку, Фэйт и их сын Сэма. Оказалось, Джексон, возможно, спас Эль от судьбы еще худшей.

— Какое отношение это имеет ко мне, заточенному здесь? — спросил Форестер.

— Ладно, посмотри на это с точки зрения Эль. Она была брошена и подверглась насилию со стороны тех, кого она когда-либо знала. У нее серьезные проблемы с доверием. Это чудо, что она не сошла с ума от всего того дерьма, которое пережила. Она воспитывалась в преступной группировке, которая хотела превратить ее в малолетнюю проститутку. Задумайся об этом на мгновенье.

Форестер думал об этом. Он подумал, что если бы члены Лос Лобос не избежали гнева Джексона, то он убил бы их сам. Он сожалел лишь об одном, что все они были уже мертвы.

— А сейчас подумай об этом. Единственным человеком, кому Эль способна доверять — я. Я единственное, что она знала. Мы слегка повздорили, и она нырнула к тебе в постель. Это понятно. Я не собираюсь использовать это против нее.

— Она порвала с тобой, приятель, — сказал Форестер.

— Брось думать только о себе, мудака. Она подумает, что ты ее бросил. Эль посчитает, что ты солгал ей. Она решит, что ты ничем не лучше всех остальных мужчин в мире, которые хотели попользоваться ей и причинить боль.

— Я не бросал ее. Я здесь.

— Для нее это все равно. Ты знаешь, что правильно, пидор. Я планирую забрать свою девушку и доставить ее в целости и сохранности в ту жизнь, которую она вела. Ты разбил ей сердце. Будем надеяться, что это будут все повреждения, которые ты нанес ей. Я здесь, чтобы сообщить тебе, что когда ты выйдешь отсюда, а это не произойдет в ближайшем

будущем, то, нахрен, держись от нее подальше. Ради нее, не для меня. Ты сделаешь то, что лучше для нее, в ее непрестом душевном состоянии, в котором она пребывает. Позволь ей жить своей жизнью. Ты нанес ей достаточно ущерба, такого как этот.

Как бы подчеркивая свои доводы, Грис нанес еще один мощный удар по сломанным ребрам Форестера. Затем он покинул клетку и сделал знак шерифу, чтобы тот запер ее.

Потом он ушел.

И Форестер остался думать о том, что может твориться в голове Эль, в то время пока он заперт здесь, не в силах ничего с этим поделать.

Глава 29

Эль

ЭЛЬ ЖДАЛА В ЗАКУСОЧНОЙ до тех пор, пока все остальные не покинули заведение. Келли и Грейс хотели остаться с ней, но она настояла, чтобы они ушли. Они очень устали за рабочий день, и им необходимо немного поспать. Кроме того, Келли должна действительно вернуться домой к младшему брату и провести с ним немного времени. Он был довольно самостоятельный для своего возраста, но до сих пор нуждался в сестре. Эль не могла заставить себя уйти. Она была уверена, что Форестер не бросил ее, поэтому она собиралась остаться и дать ему больше времени. Что бы ни случилось, она знала, что у него была причина не появляться.

Она сидела за стойкой и потягивала кофе, время уже перевалило за полночь. Каждый раз, когда автомобиль проезжал мимо по улице, она вскакивала, чтобы проверить, он ли это. Но это был не он. Примерно в два часа ночи она начала дремать. Когда поняла, что начала засыпать, то решила закругляться.

Она не плакала с тех пор, как попрощалась с Келли и Грейс, и хотя Эль была на грани того, чтобы разрыдаться сейчас, она все равно отказывалась снова плакать.

Из-за чего бы ей рыдать?

Он вернется за ней. Она знала, что вернется.

Она сменила обувь и надела зимние ботинки и пальто Келли, которые та ей одолжила. Затем открыла дверь, и морозный воздух ворвался с ней в помещение. Она почувствовала себе хорошо. Эль вышла на стоянку, ветер дул несильно. Она повернулась и посмотрела на улицу, где заметила какие-то огни на расстоянии. Она решила подождать приближающийся автомобиль.

Затем она увидела, что это был пикап. Когда он приблизился, она почувствовала, что ее сердце начинает парить от облегчения и счастья, но в последнюю минуту машина свернула на перекрестке, и она поняла, что это не Форестер.

Эль покачала головой, но не заплакала. Она стала думать о том, что видела ранее днем.

Машина Форестера стояла прямо здесь на стоянке, а потом он уехал. Она взглянула на то место, где он припарковался, и кое-что ей бросилось в глаза. Было плохо видно, что-то белое застряло в белом снегу, это что-то трепал ветер, но она смогла разглядеть, что это был скомканный лист бумаги. Каким-то образом, она представила себе Форестера, оставившего бумагу там. Она бросилась за ней, наполовину покрытую снегом, и сжала в руке, словно сокровище.

Бумажка была мокрой и испачканной, Эль осторожно развернула ее. На ней еще можно было разобрать слова. Она стала читать ее в красном свете, падавшем от горящего знака закусочной. Она вчитывалась в каждое слово, а потом, когда закончила, перечитала вновь, как будто в письме содержались секретные ответы на глубинные вопросы, которые она искала всю свою жизнь.

Форестер Сноу.

Один звук твоего имени до сих пор вызывает у меня несварение желудка. Ты мразь, мальчишка. Ты противный кусок дерьма, сукин сын. Ты убил свою мать, и знаешь это.

Люди говорят, якобы ты не виноват. Ты не знал, что сделал. Ты был просто ребенком.

Я скажу, это прекрасно. Ты был ребенком. Ты не виноват в том, что родился. Но ты все равно убил ее, и за это я всегда буду ненавидеть тебя. Ты не более виновен, чем пуля, оставляющая отпечаток после себя. Пуля не знает, что она делает, но она все равно убивает свою цель.

Это ты, Форестер Сноу. Ты убил свою мать, убил мою жену, и я проклинаю тот день, когда ты был зачат. Если бы я мог все вернуть назад и не трогать твою мать в день, когда сделал ее беременной, я бы сделал это. Я бы стер само твое существование.

Я никогда не был идеальным мужем, но я любил эту женщину больше, чем я когда-либо мог любить тебя.

Ты для меня пустое место. Ты был бы бесполезен и для нее, если бы она пережила твое рождение. Никто бы не смог любить тебя, когда ты родился. По правде говоря, я не хотел воспитывать тебя. Я пытался сдать тебя государству, старался избавиться от тебя, но они тебя не взяли. Никто не хотел тебя.

Ты поистине родился одиноким, Форестер. Ты был рожден в одиночку, и помни мои слова, умрешь в одиночестве. Слова умирающего человека должны чего-то стоить. Проклятие умирающего человека должно чего-то значить.

Так услышать это, ибо это мое проклятие. Никто не полюбит тебя, ты маленький кусок дерьма. Ты уничтожишь того, кого ты попытаешься любить. Ты не найдешь счастья, а принесешь одни несчастья. Даже если ты думаешь, что когда-нибудь найдешь девушку, которая завоюет твое сердце, то ты сбежишь. Ты убежишь от нее так далеко и так быстро, как сможешь.

Потому что если ты этого не сделаешь, то уничтожишь ее, как ты уничтожил свою собственную мать. Проклинаю тебя.

Авраам Сноу.

Она заплакала. Она плакала не из-за себя, а из-за Форестера, и из-за того, о чем говорилось в письме. Она слишком хорошо знала, что такое письмо могло сделать с сердцем мужчины. Даже кто-то с наилучшими намерениями не смог бы думать и правильно действовать после получения чего-то подобного от родителей. Она знала, что она бы не смогла бы этого вынести.

Являлось ли это той причиной, по которой Форестер сбежал?

Если это так, то она простила бы его. Эль не забудет его, не захотела бы забыть то, что они делали вместе, она не смогла бы ненавидеть его. Он сделал то, что должен был сделать. Если это будет означать ее разбитое сердце, то так тому и быть.

Пока слезы катились по щекам, она поняла, что произошло. Форестер был сломлен. Он был разрушен своим собственным отцом.

Кто мог закончить с девушкой после прочтения письма от его собственного отца, с девушкой, которую просил родить ему сына.

Он ушел. Ушел навсегда.

Она шла по улице и плакала. Эль плакала из-за Форестера, плакала, потому что ее сердце было разбито, и худшим было то, что она ничего не могла с этим поделать. Она даже не могла сказать Форестеру, что она его простила, что все еще любит его, и что он не должен участвовать в жестоких играх своего покойного отца.

ЭЛЬ В ТИШИНЕ ОТПРАВИЛАСЬ СПАТЬ. Она старалась не плакать, но чувствовала, что капающие слезы намочили подушку. Она лежала неподвижно, как будто умерла, а потом вдруг ударила кулаком по матрасу.

— Черт возьми, — закричала она.

Она была зла и не понимала, из-за чего, собственно говоря, злилась. Эль была в ярости из-за исчезновения Форестера? Или на себя за то, что позволила влюбиться в него?

Нет. Она злилась на жизнь. Эль была зла на весь мир. Она злилась на Бога.

Почему она навсегда проклята, проводить жизнь в одиночку? Почему, что бы она ни делала, как бы ни старалась, ничего не выходило. Она думала, что нашла свою любовь с Грисом. Она говорила себе, что если она продолжит любить его, если продолжит относиться к нему лучше, чем он к ней, то Бог позаботится об остальном. Бог принесет ей любовь. Бог будет заботиться о ней.

Но этого не произошло. Ни с Грисом, ни тогда, когда была ребенком.

Она снова ударила по матрасу. Кто она такая, чтобы надеяться на лучшее? Ее собственная мать продала ее в рабство. Большинство людей даже не верят, что подобное возможно. Она на самом деле пережила такое.

Если бы не эта странная череда убийств, уничтоживших всю группировку Лос Лобос, когда она была маленькой девочкой, то сейчас Эль оказалась бы в каком-нибудь грязном борделе, вынужденная доставлять удовольствие мужчинам за деньги.

Она всегда думала, что Бог спас ее от ада банды Лос Лобос. Внезапно банда была уничтожена, а члены группировки даже не знали, кто это сделал. Это ощущалось, как божественное вмешательство.

Но с тех пор ее вера была поколеблена и снова и снова подвергалась испытаниям. Ничего не давалось легко. Ничего не шло по плану. Она работала не покладая рук, отдавала все человеку, которого, как она думала, любила, и все, что получила в ответ — жестокое обращение.

А потом появился Форестер, ее рыцарь в сверкающих доспехах, и на мгновение Эль подумала, что все изменится. Что все будет по-другому.

А потом он ушел, исчезнув от нее так же быстро, как и появился.

Она погрузилась в сон без сновидений, и когда проснулась утром, то почувствовала себя обессиленной, словно вообще не спала. Честно говоря, она должна была проверить свои часы, чтобы убедиться, что утро действительно наступило, потому что за окном было еще темно.

Она собралась как можно быстрее, и единственное хорошее, что с ней произошло, что из душа текла горячая вода. Денни сдержал свое слово, и она получила тепло и горячую воду. Эль пыталась настроить себя на позитивный лад. Она могла быть одинока, но, по крайней мере, ее жизнь в Стоун-Пике была комфортной. Ее квартира — уютной. У нее имелись хорошие друзья — Келли и Грейс.

«Я могу сделать это», — внушала она себе.

Она схватила свое пальто и направилась под падающим легким снежком в закусочную.

— Эль, — сказала Келли, увидев ее. — С тобой все в порядке?

Эль пожала плечами.

— Какой у меня выбор? Жизнь продолжается.

— Вот это настрой, — заметила Грейси сзади с кухни. — А сейчас позволь мне сделать тебе блинчиков перед началом смены. Держу пари, тебе не мешало бы подкрепиться.

Посетителей не было, и Келли, Эль и Грейси сидели за стойкой вместе, наслаждаясь блинчиками с беконом и настоящим кленовым сиропом.

— Спасибо, — сказала Эль обеим одновременно.

Они посмотрели на нее и улыбались.

— Мы в этом вместе, Эль, — произнесла Келли. — Что бы ни случилось, мы все поможем друг другу.

— Тебе лучше поверить в это, — вмешалась Грейси в разговор. — Ты пройдешь через все это, Эль. И не беспокойся также о том мерзавце, твоём бывшем парне. Мы прикроем твою спину.

Эль обняла их обеих, изо всех сил пытаясь сдержать подступившие слезы.

— Вы обе будете думать, что я настоящая плакса, если я снова расплачусь.

Они обнимали ее так крепко, что она почувствовала в первый раз в жизни, что она может быть частью чего-то. У нее были друзья. Она имела поддержку. Эль только сейчас начала понимать, как много это значит для нее.

Она только на мгновение позволила себе подумать о Форестере. Она представила его лицо, его красивые глаза, губы, сильные руки, и как она себя чувствовала, когда он погрузился в нее. Эль заставила себя остановиться. С ней все в порядке. Она сможет пройти через это.

Глава 31

Форестер

У ФОРЕСТЕРА БОЛЕЛО ВСЕ. Тюремный матрас был толщиной не более двух или трех дюймов. Он задрал рубашку и осмотрел свои ребра. На них выступили фиолетовые синяки. Он попытался сесть и поморщился.

Форестер позвал.

— Охрана? Шериф?

Дверь, ведущая в полицейский участок, открылась, и появился шериф. Он выглядел так, словно хорошо выспался в собственной постели, принял душ и побрился. В руках у него была кружка свежего кофе.

— Что такое, Сноу?

Форестер посмотрел на мужчину. Его форма казалась совсем новой, видимо, он серьезно относился к своей работе. Форестер мог бы уважать его, даже если ему ненавистен тот факт, что он заперт тут без уважительных причин.

— Парни, что вы собираетесь делать со мной?

Шериф пожал плечами.

— Этого не должно было быть из-за того, что у меня возникли разногласия с вашим сыном и его приятелями. Вы знаете, что это они начали.

Шериф посмотрел Форестеру в глаза, а потом кивнул.

— Я знаю, какой ребенок мой сын, — сказал шериф.

— Уверен, он повзрослеет, — сказал Форестер.

— Надеюсь, это окажется так, ради него же самого.

— Вы не можешь запереть меня здесь, чтобы защитить себя. Вы, по крайней мере, должны предъявить мне хоть какое-то обвинение. Позвольте мне встретиться с адвокатом, сделать телефонный звонок.

Шериф оглянулся и посмотрел на свой стол, где стоял телефон.

— И кому ты позвонишь? — спросил он.

— Моей девушке Эль.

Шериф кивнул.

— Я так и думал, что ты это скажешь.

— Я должен позвонить ей. Она проходит через ад, думая, что я уехал из города без нее.

— Я знаю, сынок, — сказал шериф, и Форестер услышал сочувствие в его голосе.

— Так вы позволите мне позвонить ей?

Шериф сел на скамейку напротив Форестера.

— Знаешь, — начал он, — ты считаешь, что не очень похож на своего старика.

— Я приму это как комплимент, — сказал Форестер.

— Хорошо. Это то, что я и хотел сказать. Ты мне больше напоминаешь свою мать.

Форестер смотрел на него.

— Что произошло между вами и ей?

Шериф вздохнул и указал на обручальное кольцо на пальце.

— Я давно женат, сынок. Это давняя история.

— Но что это была за история? И что произошло?

— Как ты думаешь? Мы были влюблены. Мы оба. Не только я.

— Каким же образом она оказалось с отцом, а не с вами?

— Хороший вопрос, — сказал шериф, в его голосе явно слышалось сожаление. — Полагаю, что позволил ему взять верх надо мной. Я знал, что твоя мать хотела быть со мной. Я знал, что мог бы дать ей хорошую жизнь. Мы были счастливы, она и я.

— Но мой отец.

— Твой отец положил конец всему этому. Я так никогда и не узнал, что именно он сделал, но он шантажировал твою мать и ее родителей. Он фактически заставил их выдать ее за него замуж. Она не хотела делать это, и не зря. Все знали, что твой отец собирался провести ее через ад.

— И они позволили этому случиться?

— Да.

— Они должны были остановить его. Вы должны были остановить его.

— Не думай, что я не вспоминаю об этом каждый день, сынок.

— В мире существуют люди, которые пытаются взять женщин против их воли, — сказал Форестер.

— Как люди, которые взяли Эль, когда она была ребенком?

Форестер поднял голову.

— Откуда вы знаете об этом?

— Ее друг, Грис, рассказал нам всю историю.

— И что он еще сказал?

— Он сказал, что ты работаешь на них. Он сообщил, что ты последний живой член банды Лос Лобос.

— Твою мать, — произнес Форестер. — И вы поверили ему?

— Почему бы и нет?

— Лос Лобос канули в историю. Это всем известно. Они все мертвы.

— Грис сказал, что ты ускользнул.

— Я не замешан в этом дерьме. Я знаю, что все члены банды Лос Лобос мертвы. Грис врет.

— Ну, Грис может быть довольно убедительным, — заметил шериф.

— Уверен, что может. Вы знаете, что он тот, кто собирается взять Эль против ее воли, не так ли?

— А что, если знаю? Что я могу поделать с этим?

— Вы могли бы выпустить меня из этой клетки. Я остановлю его. Клянусь Богом, вы сделаете правильную вещь. Я люблю Эль, и она любит меня. Грис собирается взять ее против ее воли, как мой отец взял мою мать. Я знаю это.

— Сынок, даже если бы я поверил, я не мог бы позволить тебе выйти отсюда. Грис подвесил бы меня, как свинью.

— Не совершайте ту же ошибку с Эль, которую вы совершили с моей матерью, — сказал Форестер. — Пойдите за женщину хоть раз в жизни.

— Я боюсь, — беспомощно ответил шериф.

— Вы шериф этого города. Вы не можете позволить Грису указывать, что вам делать. Или можете?

Как будто ответом на вопрос послужил тот факт, что несколько мужчин вошли в полицейский участок и прошли по короткому коридору к камере Форестера. Это был Грис с сыном шерифа и его друзья.

— Что у нас здесь, шериф?

— Ничего, Грис. Я просто разговариваю с заключенным.

— Я думал, что сказал тебе держаться подальше от него.

— Да, сэр, — сказал шериф неуверенно.

Форестер посмотрел на каждого по очереди. Он отлично просчитал ситуацию. Грис появился в городе и запугал шерифа так, что тот стал делать то, что он хотел. Форестер не был уверен, почему Фили и его друзья помогали ему, но догадался, что это происходило не потому, что они были слишком лояльны к нему. Нет. Либо Грис заплатил им, либо угрожал. В любом случае, их было легко обратить против него, если бы можно было переиграть все наоборот.

— Шериф, — произнес Форестер. — Вы не должны бояться этого человека. Я позабочусь о нем.

Шериф выглядел напуганным, услышав слова Форестера. Последнее, что он хотел, это стоять прямо перед Грисом.

— Ты позаботишься обо мне? — сказал Грис. — Не думаю, мразь.

— Всем известно, какой ты мерзавец, Грис. Я знаю это, шериф знает, и твои друзья тоже это понимают.

— Они не знают, черт, — сказал Грис.

Форестер окинул взглядом всех мужчин сразу. Он не мог сказать, предадут ли сейчас молодые ребята Гриса, противостоявшему ему. Он должен был это выяснить.

— Эй, Грис, — начал он, пытаясь спровоцировать его. — Когда я выберусь отсюда, то сделаю с тобой такое, что ты пожалеешь, что родился.

Грис засмеялся.

— Разве это так, пидор? И когда же ты выйдешь отсюда?

— Раньше, чем ты думаешь.

Грис снова засмеялся. Он подошел к шерифу и взял у него ключ. Он вставил его в панель управления, расположенную на стене, и нажал не зеленую кнопку разблокировки камеры. Форестер услышал, как дверь камеры с лязгом открылась.

— О, смотри, — сказал Грис насмешливо. — Ты свободен, мразь.

Форестер заставил себя сесть на кровать. Боль в ребрах была невыносимой, но он подавил ее, отказываясь позволить себе поморщиться.

— О, ты чувствуешь себя лучше? — спросил Грис.

Форестер опустил ноги по бокам кровати. Он попытался встать, но не смог. Он сел на кровать и постарался выглядеть максимально уверенно и твердо, как только мог. Он не был уверен в том, заметил ли Грис, что он не смог встать.

Грис ухмылялся, возвышаясь над ним в крошечной камере.

— Я собираюсь забрать Эль обратно, где она и должна быть, — сказал Грис.

— Если ты только прикоснешься к ней, то будешь сожалеть об этом до конца своей жизни, — произнес Форестер.

— И кто мне мешает? Ты?

— Совершенно верно, я, — ответил Форестер.

В этот момент Грис нанес удар. Форестер увернулся, откинувшись назад, его ребра обожгло болью. Кулак Гриса пролетел перед его лицом, безобидно рассекая воздух. Форестер схватил его и дернул запястье назад. Грис крикнул от боли и сделал выпад в сторону Форестера. Форестер попытался подняться и уйти из-под удара, но его тело

отказывалось повиноваться. Требовалось время, чтобы залечить трещины в ребрах. Он откинулся назад, но Грис приземлился на него весьма болезненно. Он ударил два раза Гриса в лицо, но как только колено Гриса опустилось на его сломанные ребра, он понял, что бой закончен. Он чуть не потерял сознание от боли.

Грис заметил это и использовал свое преимущество, нанося на уже поврежденную грудную клетку Форестера шквал мощных ударов. Каждый удар еще больше вредил сломанным ребрам, вызывая агонию в каждом нерве тела Форестера.

Грис встал на ноги и посмотрел на Форестера. Форестеру пришлось бороться только для того, чтобы оставаться в сознании.

— Я поимею тебя так сильно, что ты даже не вспомнишь свое имя, — заявил Грис, а потом каблуком сапога ударил его по ребрам.

Форестер попытался схватиться за них, но потерял контроль над своими мышцами. Он посмотрел вверх и увидел ячейки с лампочками над ним. Затем лицо Гриса. Потом все почернело.

Хоть он не мог видеть, но еще не полностью потерял сознание. Грис пнул его ногой несколько раз, в бок, в грудь, в лицо. Форестер был бессилён защитить себя.

Сквозь туман боли он услышал голос шерифа.

— Достаточно, Грис. Ты убьешь его.

— Я хочу убить его.

— Не в моей тюрьме, ты этого не сделаешь.

— Ну, тогда, по крайней мере, позволь мне убедиться, что он не последует за мной.

— Последует за тобой?

— Я забираю суку домой, где она и должна находиться, и мне нужно знать, что никто не придет за ней.

Форестер почувствовал беспощадный удар Гриса ботинком в лицо, а затем он отключился по-настоящему. Возможно, пройдут дни, прежде чем он придет в сознание.

ТОЛЬКО НАЧАЛО ТЕМНЕТЬ, когда Эль заметила свет фар машины, въехавшей на парковку закусочной. Она сразу же узнала машину Гриса. Она очень хорошо была знакома с этим светом фар. Эль смотрела на них в отчаянии каждый вечер в течение последних нескольких лет, когда машина въезжала на подъездную дорожку их с Грисом дома. Он явно не стал терять время на ремонт машины.

— Он здесь, — произнесла она.

Келли и Грейс остановились, оторвавшись от того, чем они занимались, и посмотрели на нее. Посетителей в зале не было.

— Не волнуйся, — сказала Грейс. — Он ничего не может сделать с тобой. Пока мы с тобой.

— Ты не одна, — добавила Келли. — Мы прикроем твою спину, Эль.

Эль нервно кивнула. Она молилась, чтобы ее подруги оказались правы. Они не знали Гриса так, как знала его она. Они не знали, на какое насилие он способен. Эль боялась даже не за себя. Грис был ее проблемой, и она знала, с чем ей предстоит иметь дело. Она больше всего боялась того, что втянет Келли и Грейс в свой мир, и что, в конце концов, они пострадают. Она не могла позволить этому случиться. Грейс была уже в годах, а Келли присматривала за своим братом.

Грис был один. Он распахнул дверь и решительно вошел внутрь. Три женщины наблюдали за ним из кухни, как он шел и занял место у стойки.

Келли собиралась выйти обслужить его, но Эль остановила ее.

— Нет, — произнесла она. — Оставь это мне. Это мое бремя.

— Ни черта, — сказала Келли. — Ты бросила его. Он не имеет ничего общего с тобой.

Эль улыбнулась, но она не могла позволить Келли принять на себя удар.

— Я пойду, — настаивала она, — но я безгранично тебе благодарна.

Эль подошла к стойке как можно увереннее.

— Чем я могу помочь? — спросила она, как будто никогда ранее не встречала Гриса.

Грис просто улыбнулся ей.

— Приятно видеть тебя, дорогая.

— Не называй меня так, — сказала Эль.

— Несколько дней назад ты говорила совсем иное. Давай, детка. Не обращай так со мной.

— Либо заказывай, либо уходи, — процедила Эль. — Я не твоя дорогая.

— Хорошо, я выпью кофе, — сказал Грис.

Эль поставила перед ним кружку и налила кофе. На минуту в ее голове всплыло воспоминание о том дне, когда она наливала кофе Форестеру, когда он протянул руку и коснулся ее. Это было по-настоящему, что-то истинное, идущее от сердца. Здесь же не было ничего подобного.

— Итак, — продолжил Грис, его голос царапал по нервам Эль. — Когда ты собираешься заканчивать этот фарс и вернуться домой туда, где ты должна находиться?

Эль покачала головой.

— Ты не понимаешь, Грис? Сейчас не Средневековье. Я не вернусь домой с тобой, и ты

не можешь заставить меня.

Грис только улыбнулся.

— Средневековье? — переспросил он. — Весьма забавно слышать это от такого человека, как ты. Я хочу сказать, что ты единственная, от кого я когда-либо слышал о том, что он был реально *продан* другому человеку.

Щеки Эль покраснелись. Грис знал, что у Эль эти воспоминания были самые чувствительные и наиболее болезненные.

— Не делай того, о чем будешь сожалеть, — сказала Эль. — Если со мной что-нибудь случится, Грейси и Келли пойдут прямо в полицию.

— В полицию? Полиция в этом городе — одна насмешка. Я провел их вокруг пальца.

— Что ты имеешь в виду?

Грис махнул рукой, словно отмахиваясь от ее вопроса. Он выглядел раздосадованным на самого себя. Он явно совершил ошибку. Ему не следовало упоминать про полицию. Эль сделала пометку в уме, чтобы пойти и разузнать о Форестере там. Может быть, они что-то знали, чего не знала она.

— Послушай, — сказал он. — Мне плевать на твоих маленьких друзей, Эль. Ты возвращаешься домой со мной, нравится тебе это или нет. Так или иначе, это произойдет. Сейчас ты можешь сделать это легко и добровольно, или же ты можешь выбрать другой вариант и все усложнить. В любом случае мне все равно.

— Грис я никогда не вернусь домой с тобой.

Грис окинул ее взглядом. Он оглядел ее всю, и мурашки поползли по коже Эль.

— Почему нет? Последние три года это было достаточно хорошо для тебя.

— Это больше не достаточно хорошо, Грис.

— Да что ты говоришь? Тебя не было только несколько дней.

— Многого произошло за эти дни, Грис. Я больше не тот человек, которым была с тобой. Теперь я другая. Столько всего случилось за столь короткое время, — Эль вздохнула. — Тебе не понять.

— Испытай меня, — произнес Грис решительно.

— Ну, я встретила кое-кого хорошего. Я узнала, что существуют мужчины лучше, чем ты. Мужчины, которые не заставляют меня чувствовать себя дерьмом. Мужчины, которые все время не пытаются сделать меня слабее. Я знаю, что у меня есть выбор, Грис.

— Какой выбор? Ты же не говоришь про того уродца, который, как я видел, околачивался вокруг весь день, не так ли?

— Ты о ком?

— Ты же знаешь, кого я имею в виду? Симпатичный парень с татуировками, этот кусок дерьма на грузовом пикапе.

— Что ты о нем знаешь, Грис?

— Ничего.

— Не лги мне. Ты что-то знаешь.

Грис потягивал свой кофе. На его лице появилась ухмылка, адресованная Эль.

— Я знаю, что он не вернется за тобой, Эль. Ты ему уже надоела.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю тебя, маленькая шлюшка. Я знаю, что ты ничего не стоишь. Я знаю, ты недостойна любви. Ты отвратительна, Эль. Ни один человек в здравом уме не захочет ничего больше, чем только перепихнуться с тобой. Тебя никогда не любили, и

никогда не будут любить. Этот парень является доказательством моих слов. Если он так сильно любил тебя, то где же он? Почему, черт возьми, он покинул город без тебя?

Эль почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она пыталась успокоиться, старалась не показывать эмоции, но она знала, что уже позволила Грису добраться до нее, и знала, что он может сказать. Она никогда не умела скрывать своих чувств. Она хотела кричать, разрыдаться от отчаяния. Грис мог читать ее лицо, как книгу.

— Ты знаешь, что это правда, Эль. Даже твоя мать отдала тебя. И она не просто не позаботилась о тебе, как нормальный человек, она даже не сдала тебя в социальные службы. Нет. Она продала тебя сутенерам, которые хотели сделать из тебя секс-рабыню. Если это не ненависть, тогда я даже не знаю, как это назвать, Эль. Ненависть. Это то, что мир предлагает для тебя. Не любовь. Так что высуну голову из облаков и перестань быть кем-то другим. Ты больная маленькая сучка. Никчемная шлюха. Никто и никогда не любил тебя и не полюбит. Даже твой новый парень бросил тебя.

Только сейчас Эль сообразила, что Грейс и Келли стояли рядом с ней.

— Я думаю, что вам достаточно кофе, мистер, — сказала Грейс.

— Я согласна, — подтвердила Келли.

— А теперь убирайся отсюда, пока я тебя не вышвырнула.

Грис рассмеялся. Он не боялся их. Эль поняла, что он уже говорил с полицией. Вот почему он был так самоуверен. Она видела, как он уже проворачивал такие вещи раньше. Он был очень умелым манипулятором и шантажистом, заставляющим людей выполнять свои приказы. Тем не менее, он встал со своего места. Он сказал, что пришел поговорить.

Эль подождала, пока дверь захлопнулась за ним, прежде чем осела на пол.

— Эль, — закричала Келли. — С тобой все в порядке?

Эль лежала на кафельном полу в закуской. Она не знала, как оказалась там.

— Давай, детка, — сказала Грейс. — Ты тут немножко растянулась. Упала в обморок. Давай отправим тебя домой поспать.

ТОЛЬКО НАЧАЛО ТЕМНЕТЬ, когда Эль заметила свет фар машины, въехавшей на парковку закусочной. Она сразу же узнала машину Гриса. Она очень хорошо была знакома с этим светом фар. Эль смотрела на них в отчаянии каждый вечер в течение последних нескольких лет, когда машина въезжала на подъездную дорожку их с Грисом дома. Он явно не стал терять время на ремонт машины.

— Он здесь, — произнесла она.

Келли и Грейс остановились, оторвавшись от того, чем они занимались, и посмотрели на нее. Посетителей в зале не было.

— Не волнуйся, — сказала Грейс. — Он ничего не может сделать с тобой. Пока мы с тобой.

— Ты не одна, — добавила Келли. — Мы прикроем твою спину, Эль.

Эль нервно кивнула. Она молилась, чтобы ее подруги оказались правы. Они не знали Гриса так, как знала его она. Они не знали, на какое насилие он способен. Эль боялась даже не за себя. Грис был ее проблемой, и она знала, с чем ей предстоит иметь дело. Она больше всего боялась того, что втянет Келли и Грейс в свой мир, и что, в конце концов, они пострадают. Она не могла позволить этому случиться. Грейс была уже в годах, а Келли присматривала за своим братом.

Грис был один. Он распахнул дверь и решительно вошел внутрь. Три женщины наблюдали за ним из кухни, как он шел и занял место у стойки.

Келли собиралась выйти обслужить его, но Эль остановила ее.

— Нет, — произнесла она. — Оставь это мне. Это мое бремя.

— Ни черта, — сказала Келли. — Ты бросила его. Он не имеет ничего общего с тобой.

Эль улыбнулась, но она не могла позволить Келли принять на себя удар.

— Я пойду, — настаивала она, — но я безгранично тебе благодарна.

Эль подошла к стойке как можно увереннее.

— Чем я могу помочь? — спросила она, как будто никогда ранее не встречала Гриса.

Грис просто улыбнулся ей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Приятно видеть тебя, дорогая.

— Не называй меня так, — сказала Эль.

— Несколько дней назад ты говорила совсем иное. Давай, детка. Не обращай так со мной.

— Либо заказывай, либо уходи, — процедила Эль. — Я не твоя дорогая.

— Хорошо, я выпью кофе, — сказал Грис.

Эль поставила перед ним кружку и налила кофе. На минуту в ее голове всплыло воспоминание о том дне, когда она наливала кофе Форестеру, когда он протянул руку и коснулся ее. Это было по-настоящему, что-то истинное, идущее от сердца. Здесь же не было ничего подобного.

— Итак, — продолжил Грис, его голос царапал по нервам Эль. — Когда ты собираешься заканчивать этот фарс и вернуться домой туда, где ты должна находиться?

Эль покачала головой.

— Ты не понимаешь, Грис? Сейчас не Средневековье. Я не вернусь домой с тобой, и ты не можешь заставить меня.

Грис только улыбнулся.

— Средневековье? — переспросил он. — Весьма забавно слышать это от такого человека, как ты. Я хочу сказать, что ты единственная, от кого я когда-либо слышал о том, что он был реально *продан* другому человеку.

Щеки Эль покраснелись. Грис знал, что у Эль эти воспоминания были самые чувствительные и наиболее болезненные.

— Не делай того, о чем будешь сожалеть, — сказала Эль. — Если со мной что-нибудь случится, Грейси и Келли пойдут прямо в полицию.

— В полицию? Полиция в этом городе — одна насмешка. Я провел их вокруг пальца.

— Что ты имеешь в виду?

Грис махнул рукой, словно отмахиваясь от ее вопроса. Он выглядел раздосадованным на самого себя. Он явно совершил ошибку. Ему не следовало упоминать про полицию. Эль сделала пометку в уме, чтобы пойти и разузнать о Форестере там. Может быть, они что-то знали, чего не знала она.

— Послушай, — сказал он. — Мне плевать на твоих маленьких друзей, Эль. Ты возвращаешься домой со мной, нравится тебе это или нет. Так или иначе, это произойдет. Сейчас ты можешь сделать это легко и добровольно, или же ты можешь выбрать другой вариант и все усложнить. В любом случае мне все равно.

— Грис я никогда не вернусь домой с тобой.

Грис окинул ее взглядом. Он оглядел ее всю, и мурашки поползли по коже Эль.

— Почему нет? Последние три года это было достаточно хорошо для тебя.

— Это больше не достаточно хорошо, Грис.

— Да что ты говоришь? Тебя не было только несколько дней.

— Многое произошло за эти дни, Грис. Я больше не тот человек, которым была с тобой. Теперь я другая. Столько всего случилось за столь короткое время, — Эль вздохнула. — Тебе не понять.

— Испытай меня, — произнес Грис решительно.

— Ну, я встретила кое-кого хорошего. Я узнала, что существуют мужчины лучше, чем ты. Мужчины, которые не заставляют меня чувствовать себя дерьмом. Мужчины, которые все время не пытаются сделать меня слабее. Я знаю, что у меня есть выбор, Грис.

— Какой выбор? Ты же не говоришь про того уродца, который, как я видел, околачивался вокруг весь день, не так ли?

— Ты о ком?

— Ты же знаешь, кого я имею в виду? Симпатичный парень с татуировками, этот кусок дерьма на грузовом пикапе.

— Что ты о нем знаешь, Грис?

— Ничего.

— Не лги мне. Ты что-то знаешь.

Грис потягивал свой кофе. На его лице появилась ухмылка, адресованная Эль.

— Я знаю, что он не вернется за тобой, Эль. Ты ему уже надоела.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю тебя, маленькая шлюшка. Я знаю, что ты ничего не стоишь. Я

знаю, ты недостойна любви. Ты отвратительна, Эль. Ни один человек в здравом уме не захочет ничего больше, чем только перепихнуться с тобой. Тебя никогда не любили, и никогда не будут любить. Этот парень является доказательством моих слов. Если он так сильно любил тебя, то где же он? Почему, черт возьми, он покинул город без тебя?

Эль почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она пыталась успокоиться, старалась не показывать эмоции, но она знала, что уже позволила Грису добраться до нее, и знала, что он может сказать. Она никогда не умела скрывать своих чувств. Она хотела кричать, разрыдаться от отчаяния. Грис мог читать ее лицо, как книгу.

— Ты знаешь, что это правда, Эль. Даже твоя мать отдала тебя. И она не просто не позаботилась о тебе, как нормальный человек, она даже не сдала тебя в социальные службы. Нет. Она продала тебя сутенерам, которые хотели сделать из тебя секс-рабыню. Если это не ненависть, тогда я даже не знаю, как это назвать, Эль. Ненависть. Это то, что мир предлагает для тебя. Не любовь. Так что высуну голову из облаков и перестань быть кем-то другим. Ты больная маленькая сучка. Никчемная шлюха. Никто и никогда не любил тебя и не полюбит. Даже твой новый парень бросил тебя.

Только сейчас Эль сообразила, что Грейс и Келли стояли рядом с ней.

— Я думаю, что вам достаточно кофе, мистер, — сказала Грейс.

— Я согласна, — подтвердила Келли.

— А теперь убирайся отсюда, пока я тебя не вышвырнула.

Грис рассмеялся. Он не боялся их. Эль поняла, что он уже говорил с полицией. Вот почему он был так самоуверен. Она видела, как он уже проворачивал такие вещи раньше. Он был очень умелым манипулятором и шантажистом, заставляющим людей выполнять свои приказы. Тем не менее, он встал со своего места. Он сказал, что пришел поговорить.

Эль подождала, пока дверь захлопнулась за ним, прежде чем осела на пол.

— Эль, — закричала Келли. — С тобой все в порядке?

Эль лежала на кафельном полу в закускойной. Она не знала, как оказалась там.

— Давай, детка, — сказала Грейс. — Ты тут немножко растянулась. Упала в обморок. Давай отправим тебя домой поспать.

Глава 34

Эль

Эль поклялась, что с ней все в порядке, но Келли и Грейс настояли на том, чтобы отвезти ее домой.

— Я не знаю, что буду делать, если с тобой что-нибудь случится сегодня вечером, — высказалась Грейс.

— И я тоже, — поддакнула Келли. — Насколько нам известно, Грис не знает о твоей квартире. Я буду чувствовать себя лучше после того, так ты окажешься там в безопасности.

— Я, правда, не хочу, чтобы вы суетились вокруг меня, — запротестовала Эль.

— Это не суета. Этот придурок практически угрожал похитить тебя. Нам следовало бы обратиться в полицию, — завила Келли.

Они уже говорили об этом, и Грейс согласилась с Эль. Не было смысла звонить в полицию, если Грис уже добрался до них. Лучше всего было затаиться и держаться подальше от него, надеясь, что он переключит внимание на что-то еще, когда поймет, что Эль не была заинтересована в возвращении с ним.

Грейс подъехала к маленькой квартирке Эль.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я переночевала с тобой? — спросила Келли.

— Уверена, Келли. Ты сделала достаточно. Вы обе. Я в состоянии позаботиться о себе.

Они кивнули, хотя Келли, казалось, сомневалась. Эль поспешила выйти из машины и, проскользнув в дверь своей квартиры, плотно закрыла ее за собой. Она заперла ее и поднялась наверх. В квартире было тепло. Денни позаботился об этом, и Эль мысленно поблагодарила его.

Она присела на кровать и взглянула на пустой камин. Рядом лежали дрова, и она бросила парочку в камин. Затем немного полила их лежавшей около дров жидкостью для розжига, и бросила в камин зажженную спичку. Через несколько минут, пламя сильно полыхало. Она нуждалась в комфорте.

Она поклялась самой себе, что будет сильной и не позволит Грису добраться до нее, но его слова резали ее как нож. Он точно знал, что говорить. Ее прошлое было как черная метка на ее душе, примерно так она себя и ощущала. Независимо от того, как бы сильно Эль ни старалась, она, казалось, не могла избавиться от этого пятна. Что если Грис прав? Что если она не достойна любви? Что если Форестер действительно изменил свое мнение о ней?

Эль покачала головой. Ее дневник лежал на кровати рядом с ней, и она взяла его в руки. И вновь прочитала цитату.

*

Пусть лучше ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься.

*

Она не хотела, чтобы ее ненавидели, но Эль определенно не хотела, чтобы ее любили за то, кем она не являлась. В глубине души она знала, уж если кто-то полюбит ее, то должен любить ее такую, какая она есть. Все то, что сделало ее такой. Все несовершенства, шрамы и сложности, которые она пережила. Все то, что сделало ее Эль. Те вещи, которыми она больше всего гордилась, а не стыдилась.

Что там Грис говорил о полиции? Что он обвел их вокруг пальца?

Вот где он прокололся. Эль должна была проверить. Она, может, и не являлась

идеальной девушкой, возможно, у нее не было идеальной жизни и прекрасного воспитания, но она заслуживала, чтобы ее любили. Она знала это. Ей следовало верить в это. И она должна верить в то, что Форестер не сбежал от нее. Он не бросил ее. Грис что-то организовал с шерифом. Вот почему она не видела Форестера. Она выглянула в окно. В этот раз снег уже не шел. Она надела пальто и спустилась вниз по лестнице. Если Форестер находился где-то рядом, то она собиралась выяснить это. Если ему нужна ее помощь, то она найдет способ выручить его. Она не тот человек, кто откажется от любимого, несмотря на то, что она ужасно боялась нарваться на Грису.

Оказавшись на улице, она внимательно посмотрела во все стороны. Эль знала, что собой представляет Грис. Она знала, каким человеком он был. Она представляла, как легко ему было схватить ее, запихнуть в машину и увезти. Но она не могла позволить ему добраться до нее сейчас. Она поспешила к перекрестку у закусочной и повернула в сторону полицейского участка. Эль поспешно шла, ее обувь оставляла следы на снегу, как у полярного исследователя. Улицы были совершенно безлюдны.

Когда она добралась до полицейского участка, то не знала, должна ли она испытывать облегчение или страх. С одной стороны, полицейские должны были защитить ее, но, с другой стороны, она знала, что Грис подкупил их. Сквозь двери она видела офис шерифа, а за ним камеры. Не похоже, чтобы кто-то дежурил в главном офисе, но она понимала, что кто-то все же должен был работать там. На освещенной стоянке перед зданием находилось несколько машин.

И тогда она увидела его. Это был автомобиль Грису.

Что Грис делает у офиса шерифа?

Ее чуть не стошнило. Она знала, что что-то не так. У него не было здесь никаких дел.

Могло ли это быть причиной, по которой Форестер исчез так неожиданно?

Пока она стояла на тротуаре, глядя через ограждение на офис шерифа, внутри нее продолжалась битва. Это было сражение между той, кем она была в прошлом, и той, которой хотела стать в будущем.

С одной стороны, в ее голове вертелись слова Грису о том, что никто не будет любить ее. Именно эта часть Эль боялась, что Форестер был здесь и покинул ее, оставив на произвол судьбы. Она знала, что это вполне возможно. Что если Грис или шериф просто рассказали Форестеру о ее прошлом? О жизни, которую она вела, пока была ребенком. Конечно, этого было достаточно, чтобы заставить парня дважды подумать, независимо от того, о чем он думал и что испытывал раньше. Черный автомобиль Грису находился на парковке, словно отправляя ее в дом ужасов. На задней части машины имелись вмятины и повреждения, нанесенные Эль, когда она врезалась в него.

С другой стороны, она могла представить себе лицо Форестера, говорящего ей, что любит ее, что никогда не забудет, что хотел бы от нее ребенка. Как такое не могло быть настоящим? Как она могла позволить себе поверить другому голосу в ее голове? Нет. Она должна добраться до сути.

Эль глубоко вздохнула, выйдя на стоянку у полицейского участка. Она тихо пробиралась от машины к машине весь путь до входа в участок. Она заглянула сквозь стеклянные двери. Внутри все было освещено, дверь была не заперта, но никто не сидел за стойкой регистрации. Так тихо, как только могла, она проскользнула внутрь и оказалась в комнате ожидания. Она обошла рабочий стол в административной зоне и прошла в офис шерифа. Дверь из этого помещения вела к камерам, но она туда не пошла. Все ее внимание было

приковано к пальто, висевшему на крючке возле двери. Это было пальто Гриса. Она бы узнала его в любом месте. Он точно чувствовал себя здесь в отделе полиции Стоун-Пика, как дома.

А затем она заметила кое-что другое. Ключ. На брелке с маленьким металлическим питбулем. Это был ключ от машины Форестера.

У них был его ключ.

Означало ли это, что он тоже находился здесь?

Если он был у них, то где находился? Где они держали его? Она сразу же поняла где.

В тюрьме.

Глава 35

Эль

ЭЛЬ ПОСМОТРЕЛА НА ДВЕРЬ. Она была оранжевой с электронным замком. И уровне глаз было маленькое окошко из армированного стекла. Нерешительно она подошла к окну, потом посмотрела через него. От того, что она увидела, у нее перехватило дыхание.

За дверью был коридор, в конце которого располагалась тюрьма. Грис стоял возле камеры, а за решеткой в луже крови лежал Форестер. У нее перехватило дыхание, и ей пришлось остановить себя, чтобы не издать ни звука. Что они сделали с ним? Что они сделали с ее Форестером? Она убьет их. Она убьет их всех.

Они разговаривали, и она затаила дыхание, чтобы постараться расслышать, о чем они говорили, но это было бесполезно. Эль не смогла услышать ни слова. Она увидела, что в комнате на двери был установлен динамик, и нажала на зеленую кнопку. Тогда она, наконец-то, услышала их.

— Ну, все это будет напрасно, — сказал Грис.

Его голос заставил ее захотеть закричать.

— Она могла бы ждать тебя слишком долго, — продолжил Грис. — Честно говоря, я удивлен. Думал, она сразу прибежит ко мне.

— Она не такая девушка, как ты думаешь, Грис.

Ее сердце застучало в груди от звука голоса Форестера. Она думала, что больше никогда не услышит его.

— Может быть, и нет, — заявил Грис.

Он держал видеокамеру в руках и снимал ей.

— Но будет. Я знаю ее. Знаю, как работать с ней. Я буду стирать ее в порошок, буду ломать ее уверенность и самооценку, пока она не поверит, что она никчемный кусок дерьма, которым, я знаю, она является.

— Зачем? Зачем ты так поступаешь?

— Какая тебе разница, придурок? Ты избавляешься от нее. Я и она уедем вместе. Тебе же никогда не придется снова думать о ней.

— Я никогда не забуду ее.

— Что ж, позволь мне дать тебе небольшой стимул двигаться дальше по своей жизни. Я хочу убедиться, что ты совсем забыл о ней.

— Я никогда не забуду ее.

— Она была шлюхой, Форестер. Прежде чем ты узнал ее, перед тем как я узнал ее, она был шлюхой. Эль была собственностью Лос Лобос. Она принадлежала им, и они делали с ней все, что хотели.

Эль не могла дышать. Она не могла поверить, что была свидетелем этого. Там находился Грис — человек, которому она доверила все, а он рассказывал самые сокровенные, самые темные секреты мужчине, которого она любила. Это изменило бы все. Форестер никогда больше не будет смотреть на нее так, как прежде. Он растеряет всю любовь, что к ней испытывал.

Она смотрела, открыв рот, но Форестер ничего не ответил. Грис только кивал.

— В чем проблема, мразь? Тебе нечего сказать? Проглотил язык?

— Пошел ты, Грис.

— О, ты, кажется, расстроен. Это от того, что я сказал?

Форестер попытался шевельнуться на полу, но был слишком травмирован, чтобы смочь встать на ноги.

— Пошло оно, — сказал он. — Нахрен все это. Наслаждайся жизнью, Грис. Я надеюсь, что больше никогда тебя не увижу снова.

И тут сердце Эль разбилось. Вот и все. Так просто. Форестер перестал любить ее. Он больше не желал ее. Он покончил с ней. Эль полагала, что не должна винить его. Какой мужчина в здравом уме захотел бы девушку с таким прошлым?

Форестер лежал на полу с закрытыми глазами.

Эль ничего не видела, так как глаза застилала слезы. Она не могла мыслить здраво, не могла двигаться.

Она чувствовала себя так, словно ее сердце раздавили ботинком. Ее живот свело. Она хотела выбежать в коридор и сказать Форестеру, чтобы он не переставал любить ее. Она хотела умолять его дать ей шанс. Она была больше, чем ее прошлое. Она была намного больше, чем это. Она была не такой, как он подумал.

Цитата, продолжала крутиться в ее голове.

*

Пусть лучше ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься.

*

А потом дверь распахнулась. Сила удара сбила Эль с ног. Она упала на пол, и когда посмотрела вверх, увидела Грису, стоящего над ней, челюсть которого демонстрировала жесткий оскал. Это был именно тот взгляд, который появлялся у него, прежде чем он начинал бить ее. Она села на колени и закрыла лицо руками, чтобы защитить себя от шквала насилия, как она полагала, обрушится на нее. Но этого не произошло. Грис только рассмеялся. Он закрыл и тщательно запер за собой дверь. Он заметил, что динамик был включен, и это еще больше позабавило его.

— Итак, — сказал он, — ты все слышала.

Эль кивнула.

— Видишь, Эль. Я пытался предупредить тебя. Я знал, что после того, как твой любовничек услышит правду, он больше не будет относиться к тебе, как прежде. Ты видела все своими глазами. Когда я сообщил ему, кто ты на самом деле, это выбило у него почву из-под ног. Это вышибло любовь из его сердца. Сейчас он ничего к тебе не испытывает.

— Это неправда, — сказала Эль, но, несмотря на произнесенные ей слова, она сама расслышала в своем голосе сомнение и страх.

Она уже начала сомневаться в себе, начала сомневаться в любви Форестера.

Ей пришлось пережить столько всего. Она отказалась бросить его. А теперь чувствовала, что вся ее уверенность, все ее доверие испаряется.

Разве мог Форестер полюбить ее? Эль была никчемной. Была продана в рабство ее собственной матерью. Она была никем другим, как шлюхой, и дочерью шлюхи.

— И, кроме того, — продолжил Грис. — Ты видела его. Я выбил из него дерьмо. Если ты не отпустишь его, то он скоро умрет. Вся полиция этого городка на моей стороне. Если ты не поедешь домой со мной, то я скажу им, чтобы они его не выпускали на волю.

— Ты не можешь этого сделать, — прохрипела Эль.

— Легко, и могу сделать намного хуже. Я могу заставить убить его, Эль.

— Полиция ни за что не позволит тебе это сделать.

Грис наклонился к ней и поставил ее на ноги, затем подтолкнул к двери и прижал лицо к окну.

— Посмотри на него, Эль. Он уже почти труп. Они позволили мне все это проделать с ним. Неужели ты думаешь, что они собираются остановить меня сейчас.

Эль покачала головой. Она не могла смотреть на Форестера, который выглядел так, словно на него напала стая волков и оставила его умирать. Она понимала, что он не сможет пережить еще большего насилия со стороны Гриса и его друзей.

— Как насчет этого? — спросил Грис. — Либо ты прямо сейчас садишься в мою машину, и мы едем домой, где ты и должна находиться, или я возвращаюсь в камеру и убиваю твоего любовничка.

— Грис, — зарыдала Эль.

— Я не шучу, маленькая шлюха. Я должен убить его только за то, что он сделал. Он прикоснулся к тебе. А ты — моя.

Эль не могла поверить в происходящее. Она не могла поверить в то, что собиралась сделать, но у нее не было выбора. Форестер был не в состоянии защищаться. Если бы Грис вернулся в камеру, то это означало бы конец для Форестера.

Но что-то внутри нее до сих пор сопротивлялось Грису. Ей претила мысль о том, что она должна вернуться с ним домой. Ей было противно думать о том, чтобы снова оказаться затянутой обратно в ту жизнь, против которой она восстала и старалась избежать. Возвращение с Грисом будет означать смерть для ее сердца. Могла ли она пойти на это? Могла ли она позволить себе отказаться от собственного будущего, чтобы защитить Форестера?

И она знала ответ. Сто раз, да.

Конечно, могла. Она любила Форестера, больше, чем когда-либо. Если Грис вернулся бы в камеру и убил его, то она бы умерла в любом случае. Тело не может жить без сердца.

Грис оттолкнул ее в сторону.

— Тебе нужно время подумать? — рявкнул он. — Позволь мне поработать с физиономией твоего любовничка, пока ты определяешься.

— Нет, — запротестовала Эль. — Мне не нужно время на раздумья. Я поеду с тобой. Только не трогай больше Форестера.

Грис тащил Эль за руку из полицейского участка. Они пересекли заснеженную стоянку, и он толкнул ее на пассажирское сиденье своей машины.

— Ведь нет необходимости тебя связывать?— спросил грозно Грис.

Эль покачала головой.

— Я хочу сказать, если ты попытаешься что-нибудь сделать, я вернусь в тюрьму и убью Форестера. Ты же это понимаешь?

— Знаю, — подтвердила Эль.

— Ладно, хорошо, — сказал Грис.

Он подошел к водительскому месту и сел. Эль глубоко вдохнула. « *Это еще не конец, — пообещала она себе. — Это не конец.*»

Независимо от того, что Грис замыслил с ней сделать, как бы он ни планировал жизнь за нее, она не собиралась спускать ему это с рук. Она зашла слишком далеко, чтобы отказаться от всего из-за такой скотины, как он. Она сбежала от Лос Лобос, ускользнула от него. Она сможет сделать это снова.

Эль наблюдала за тем, как он повернул ключ и завел машину. Она мысленно вернулась в тот вечер, когда находилась рядом с Форестером в его пикапе. Она вспомнила, как выглядели татуировки с битбулями на его руке, как блестели его глаза на свету.

— Куда ты меня везешь? — спросила она Грису.

— Ты, черт побери, прекрасно знаешь, куда я тебя везу. Домой. И не думай, что будет так легко уйти от меня во второй раз. Теперь, когда я вернул тебя, то собираюсь быть чертовски уверенным в том, что удержу тебя. У тебя не будет машины, и ты не будешь работать. Останешься дома, и будешь делать то, что тебе говорят. Ты будешь есть, когда я скажу тебе, говорить, когда я скажу тебе, трахаться, когда я скажу «трахаться». Все ясно?

— Грис, ты не можешь так поступить со мной.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что я не могу сделать это с тобой? Я делаю это для тебя, и никто в мире не остановит меня.

— Мои подруги. Они позвонят в полицию, когда поймут, что я пропала. Они видели, как ты угрожал мне.

— Разве ты не поняла, что произошло там, милая. Полиция у меня в кармане. В этом городишке шериф такой же бесхребетный, как змея. Все, что мне надо было сделать, это поугрожать ему, и он позволил воспользоваться городской тюрьмой.

— Что ты ему сказал?

— Ну, по правде говоря, мне не пришлось много говорить. Он был готов поверить всяким ужасным вещам про твоего маленького дружка, Форестера. Оказывается, он родом из этого города, и все знали, кто он такой.

— Я знаю. Слышала.

— Тогда ты, возможно, знаешь, что его прошлое не так уж сильно отличается от твоего. Родители не любили его.

— Его мама умерла. Я уверена, что она любила бы его, если бы осталась жива.

— Но она мертва. Форестер убил ее, выходя из нее. И отец ненавидел его за это.

— Его отец, должно быть, был болен.

— Называй это как хочешь, сладкая, однако, этот папаша жестоко обращался с Форестором, и, по-моему, это можно считать ненавистью.

Щеки Эль покраснелись. Ей было ненавистно, что Грис так говорит о Форестере, и она ненавидела, когда он называл ее сладкой.

Грис закурил. Город остался позади, и они ехали в темноте по извилистой дороге, которая вела через горы в город. Эль вспомнила тот вечер, когда она приехала. Это было совсем недавно, и все же ощущалось, как будто целую жизнь назад.

Грис продолжил говорить.

— Я догадываюсь, почему тебя влекло к нему, Эль. Я имею в виду, помимо его симпатичной мордашки. Он отброс, подобно тебе. Никто не хотел его так же, как никто не хотел тебя. Ты слышала историю о том, что отец сделал с ним?

При этом Грис искренне захохотал.

— Итак, Эль, послушай. Я тут подумал. Не хочу, чтобы ты снова далеко убежала от меня, поэтому я придумал план. Почему бы мне не надеть тебе кольцо на палец?

— Прости? — спросила Эль.

— Я женюсь на тебе. Таким образом, ты не сможешь от меня куда-либо уйти. Ты будешь моей.

— Грис, — сказала Эль. — Единственная причина, по которой я сейчас нахожусь в этой машине — это потому, что ты сказал, если я не поеду с тобой, то ты сделаешь больно Форестеру. Я не хочу за тебя замуж. Я влюблена в него.

Грис снова рассмеялся.

— Ты не можешь любить того, кто не любит тебя, тупая сука.

— Грис, — начала Эль, но она понятия не имела, что собиралась ему сказать.

Она знала, что она была влюблена в Форестера, но она не была так уверена, был ли он влюблен в нее. Что, если она ошиблась? Что если Грис был прав? Может ли действительно существовать любовь, если другой человек не чувствует ее?

Но она *знала*, что Форестер испытывал к ней любовь. Последний раз, когда она была с ним, она чувствовала его любовь. Эль ощутила это прямо в центре своего естества. Он любил ее так, как бушует пламя, которое никто не может потушить. Она знала, что единственная причина, почему Форестер не появился в тот день в закусочной, это то, что Грис и его приспешники бросили его в тюрьму. Если бы он смог выбраться оттуда, он бы пришел за ней.

— Я никогда не выйду за тебя замуж, — сказала она твердо.

А потом это произошло. То, что она знала, рано или поздно наступит. Грис своей тяжелой рукой пересек пространство машины и нанес удар прямо ей по лицу.

— Не заставляй меня останавливать эту машину и учить тебя хорошим манерам, сука.

— Ты не можешь научить меня ничему, Грис, — вызывающе ответила Эль.

Она пораскинула мозгами. Она позволила Грису удалиться от города, тем самым купив Форестеру некоторое время, чтобы он справился со своими травмами. Она при необходимости останется с Грисом в течение нескольких дней. Но затем она сбежит. Как только она почувствовала бы, что Форестер может быть выпущен из тюрьмы, она сбежала бы и вернулась к нему.

— Знаешь что, — сказал Грис, — мне следует остановить машину и заставить тебя отсосать мой член. Это покажет тебе, чего ты стоишь.

— Я стою гораздо больше, чем это, Грис.

— Это не то, о чем ты привыкла думать. Ты всегда делала то, что я хотел. Ты была моей маленькой шлюхой.

— Не знаю, о чем я могла думать в то время.

— Ты была моей шлюшкой тогда, будешь ей и теперь, Эль.

— Нет, не буду, Грис. Я больше не та личность, как ты считаешь, и теперь осознаю это. Ты не знаешь меня так хорошо, как думаешь. Я не та девушка, какой была с тобой. Я больше не она. Эти несколько ночей с Форестером многому меня научили. Они научили меня уважать себя, научили любить себя. Он показал мне, что я красивая, и что настоящий, любящий, добрый человек может хотеть меня и желать, чтобы я родила ему ребенка.

Грис был зол, но ее это не волновало. Он должен был узнать правду. Ему следовало узнать, что теперь она была слишком сильна для него. Эль не собиралась позволять ему запугивать себя. Она больше не была той робкой девушкой, которую, как он думал, знал.

— Форестер любил меня больше, чем ты когда-либо, Грис. Он относился ко мне хорошо. Он вознес меня на облака и сбил с ног. И он занимался со мной любовью, Грис, а не просто трахал. Мы любили друг друга. Настоящей любовью. И это была самая удивительная вещь, которую я когда-либо испытала за всю свою жизнь. Я не собираюсь забывать об этом, и не позволю тебе это отнять у меня.

Грис снова собирался ударить ее, но в этот раз, когда он замахнулся, она заблокировала его удар. Это произошло впервые, до этого момента она не делала ничего подобного. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, удивляясь, что она дала ему отпор. Этому она никогда не осмеливалась делать раньше. Теперь она обладала большей смелостью.

— Что с тобой случилось? — зарычал Грис.

Эль вызывающе улыбнулась.

— Форестер Сноу. Вот что.

БЫЛО УЖЕ ПОЗДНО, КОГДА Грис заехал на заправку, расположенную на обочине дороги. Эль взглянула на датчик топлива на приборной панели. У них было еще полбака.

— Почему ты остановился? — спросила она.

Он посмотрел на нее, и это был первый раз, когда она видела его настоящего с того момента, как сбежала от него. Она потратила столько лет, любя его и не видя недостатков. Грис был для нее Богом. После детства, которое у нее было, мужчина, который должен был постоять за нее, защищать ее, имел почти непреодолимую привлекательность. Она прощала ему все грехи, недостатки, и заставила себя любить его.

Эль не следовало этого делать. Даже в то время она должна была лучше понимать это. Он не заслуживал ее любви.

Было миллион тревожных сигналов, на которые другая девушка бы обратила внимание. То, каким давящим он был с ней в спальне, это не был тот тип ролевых игр, что мог порадовать ее, это было агрессивно и угрожающе. То, что он никогда не делал для нее маленьких приятных вещей. То, как он терял самообладание и начинал злиться. Эль всегда молилась, чтобы в один прекрасный день у нее появился мужчина, который разбудил бы ее утром перед работой, просто чтобы поцеловать на прощание. Или чтобы он пришел домой с работы вечером с небольшим знаком своей любви — какими-нибудь цветами, пирожным из пекарни, даже историей о том, что произошло с ним за день.

Но ей достался совсем иной тип мужчины. Грис никогда не делал ничего подобного. Никогда. Теперь Эль знала, почему она смирилась с этим. Она где-то прочитала, что люди принимают любовь, которую, как они думают, заслуживают. Когда Эль была моложе, то считала, что это все, чего она была достойна. Это было всего лишь несколько лет назад, но она очень страдала от низкой самооценки и не смела даже верить в то, что заслуживала человека, который бы относился к ней так, как она всегда хотела. Поэтому она приняла то, что Грис мог предложить ей, что в действительности было не так много. Эль пыталась извлечь максимум из того, что он ей давал. В свою очередь, она старалась дать ему столько любви и доброты, чтобы он изменился и полюбил ее. Но это никоим образом не сработало. Вот почему она ушла. Она, наконец, нашла в себе мужество и выбралась из этой ситуации.

Причина, по которой она оставалась с ним, был страх. Она ушла бы гораздо раньше, если бы так не боялась Гриса. Первый раз, когда он ударил ее, она подумала, что ей привиделось. Она считала, что ей вспомнились те времена, когда она была во власти Лос Лобос или одной из приемных семей, где она оказалась после спасения из группировки властями. Но очень быстро насилие и жестокое обращение Гриса стало ее новой реальностью. Вскоре это стало нормой для нее. Она опять же приняла это, потому что считала, что это все, чего она заслуживает.

Она отказалась от поклонения ему, как Богу, потому что боялась его, как дьявола.

Но теперь, когда она смотрела на него, въезжающего на заправочную станцию, когда снежок спокойно падал вокруг них, она уже не видела в нем ни Бога, ни дьявола.

Все, что она замечала — только мужчину. И если можно увидеть в Грисе мужчину, то также можно усмотреть и маленького мальчика, которым он когда-то был.

И именно его Эль видела сейчас. Она могла понять, почему Грис всегда был груб со

всеми, почему он был так жесток к ней. Это не исходило из места, где имелась сила. Это происходило не потому, что он был более мощным, чем она, а потому, что он был слаб.

— Что мы здесь делаем, Грис? — спросила она. — Ты собираешься отпустить меня?

— Конечно, нет, — ответил Грис, слегка усмехнувшись.

— Почему, нет, Грис? Ты знаешь, что получишь в конечном итоге. Ты не можешь удерживать меня навсегда. Не против моей воли.

— Это не будет навсегда против твоей воли, Эль, — произнес он. — Ты изменишь свое мнение. Ты снова будешь любить меня так, как привыкла. Я знаю, что будешь.

— Я никогда не любила тебя, Грис. Я думала, что любила, но это была не любовь.

— Как ты можешь так говорить? — спросил он.

В его голосе слышалась неподдельная печаль, и Эль ощутила приступ сочувствия к нему, несмотря на то, что он творил с ней и что он сделал с Форестором.

— Потому что я не знала, кем была, Грис. А если ты не знаешь, кто ты такой, то не можешь по-настоящему любить другого человека. Во всяком случае, должным образом.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не знаешь, кем ты была?

— Подумай об этом, Грис. Ты знаешь историю моего детства. Ты единственный человек, которому я когда-либо рассказывала про него.

— Да, знаю. И что? У меня самого не было радужного детства.

— Я в курсе, — сказала Эль. — Но это лишь означает, что когда ты встретил меня, когда ты появился в моей жизни, я все еще пыталась осознать основные вещи о своей жизни. Я пыталась разобраться, кто я, чего хочу, каким человеком собираюсь стать. Я не знала, чего хотела, Грис. Я не знала, что заслуживала.

— А теперь ты разобралась?

— Да.

— И ты заслуживаешь что-то большее, чем я, да?

Эль посмотрела на него с сочувствием. Несмотря на отчаянное желание покинуть его, ей все еще было трудно сказать ему об этом. Она не привыкла просить то, чего ей хотелось, или высказывать это вслух.

— Вот именно. Я хочу большего. И я заслуживаю большего.

— Чем тебя не устраивает моя любовь? — спросил Грис, внезапно становясь странно уязвимым.

— Ничем, — ответила Эль. — Что есть, то есть. И надеюсь, ты вырастешь и станешь более любящим человеком в будущем. Если ты это сделаешь, то сможешь в один прекрасный день подарить девушке любовь, которую она заслуживает.

— Но не ты?

— Не я, Грис. Я уже нашла свою любовь, и хочу вернуться в Стоун-Пик. Я хочу быть с ним. Форестер утвердил себя в моем сердце. Я сейчас его, и ничего не сможет изменить это.

Грис кивнул. Он понимал, что Эль говорила правду, но ему все еще трудно было ее принять. Возможно, слишком тяжело. Эль молчала. Все, что она чувствовала сейчас, это то, что она больше не боится Гриса. Она просто надеялась, ради его же блага, что он не причинит неприятностей сам себе и не полезет в драку с Форестером.

Форестер был полной противоположностью Гриса. Форестер обладал настоящей силой. Если дело дойдет до драки, то Форестер мог бы убить Гриса. Если бы ему пришлось, то он сделал бы это. Эль это знала. Но все равно это бы была трагедия для Гриса. Это не его вина, что он появился оттуда, откуда он родом. Это не его вина, что с ним произошли плохие

вещи, когда он был ребенком. Но теперь это была его ответственность преодолеть все это и необходимость стать лучшим человеком, чем его собственный отец. Он был ответственен за то, кем он мог бы стать, так же как и все остальные, и у него все еще имелся шанс когда-нибудь сделать женщину счастливой. Если он примет правильные решения.

Грис заблокировал двери.

— Мы поспим здесь несколько часов. Я не могу ехать в такую погоду без отдыха.

— Мы замерзнем, — сказала Эль

— Двигатель будет работать, и нам будет тепло.

— Что если меня не будет здесь, когда ты проснешься? — спросила Эль.

Грис пожал плечами.

— Ты будешь здесь, Эль. Потому что мы еще не далеко от Стоун-Пика. Если тебя не будет здесь, когда я проснусь, то я вернусь в тюрьму и убью этого человека, в которого, как ты думаешь, влюблена. Ты не влюблена в него. Это влечение, просто и понятно.

Эль вздохнула. Она полагала, что ей удалось достучаться до него.

Она считала, что он сможет отпустить ее. Вероятно, она хотела слишком многого, надеясь, что кто-то за столь короткое время может так сильно измениться. Со временем, Грис может стать хорошим человеком, но не сейчас. Невозможно ждать чудес от людей, особенно после того, как у них была жизнь, похожая на жизнь Гриса.

Глава 38

Форестер

ФОРЕСТЕР ЧУВСТВОВАЛ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ, НО ОН заставил себя подняться ноги. Может быть, это было всего лишь видение, прежде чем он потерял сознание, но он мог поклясться, что видел лицо Эль у окна в конце коридора.

Это не могла быть она.

Он знал это. Но все равно, мысль о ней придала ему сил. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как Грис нокаутировал его, но его это не волновало. Он не мог позволить себе ждать дольше. У него где-то там была девушка, которая ждала его, и он не мог находиться вдали от нее еще даже мгновение.

Свет, льющийся из окна, подсказал ему, что наступил рассвет. Должно быть, он был без сознания всю ночь. Он посмотрел в сторону двери.

«Прямо там, — подумал он. — Вот, где я ее видел».

Он не был уверен, было ли это видение или нет. Он заметил движение в офисе. Шериф был там с четырьмя мальчишками, помогавшими Грису.

— Шериф, — позвал Форестер. — Шериф, я проснулся.

Дверь открылась, и шериф направился к камере, а за ним последовали мальчишки.

— Боже, он похож на кучу дерьма, — сказал Фил.

— Это ваш сын?

Шериф кивнул.

— Это мой мальчик.

Форестер уже сталкивался с ним.

— Как тебя зовут?

— Фил, — ответил паренек.

Форестер помнил, как избил его. Он вспомнил избиение всех четверых более чем один раз.

— Вы напрашивались на это в тот день в баре, — произнес Форестер.

— Мы знаем, — сказал Фил.

— Вот почему я должен был поставить тебя на место.

Фил кивнул. Форестер повернулся к остальным трем.

— Вот почему я должен был поставить вас на место. Вы прямо-таки напрашивались на это, приставая к тем девушкам. Они не хотели этого. Любой настоящий мужчина сделал бы то же самое, что сделал я.

Шериф заговорил.

— Вы слышали, мальчики? Любой *мужчина* сделал бы то же самое, что сделал этот *мужчина*.

— Мы слышим вас, — подтвердили ребята.

Форестер кивнул.

— Тогда, мог бы один из вас отвести меня ко врачу? У меня сломаны ребра.

Фил с мальчиками вышел.

— Вы готовы выпустить меня из этой клетки? — спросил Форестер.

Шериф кивнул. Он вставил ключ в панель управления и нажал на электронный замок. Дверь лязгнула и открылась. Форестер кивнул шерифу.

— Спасибо, — произнес он.

— Я должен извиниться перед тобой, сынок.

— Да уж, — сказал Форестер.

Шериф откашлялся.

— Я недооценил тебя. Правда, когда я узнал, кто ты, чей ты сын, я немедленно составил свое мнение о тебе.

— Вы думали, что я подонок.

— Да, — подтвердил шериф.

Форестер кивнул.

Шериф продолжил.

— И я подумал, что девушка, за которой ты гонялся повсюду, была отбросом общества. Когда Грис сказал мне, кто она, рассказал о ее прошлом и всякое такое. Я думал, что было бы лучше разлучить вас.

— Разлучить нас?

Шериф пожал плечами.

— Грис сказал, что ты — плохие вести. Заявил, что ты похитил его женщину. Я подумал, что правильно делаю, сажая тебя на некоторое время в тюрьму, чтобы дать ему шанс вернуть ее.

— Она сейчас у него? — спросил Форестер, поднимаясь на ноги.

— Подожди, подожди, — сказал шериф, потом зашел в клетку и помог Форестеру сесть на кровать — Пусть врач осмотрит тебя, прежде чем умчишься. Ты не в том состоянии, чтобы пойти искать неприятности.

— Он похитил ее?

— Не знаю, — признался шериф. — Я знаю только, что сегодня утром его здесь не было.

Форестер почувствовал внезапный приступ паники. Это было странное ощущение. Он гордился своим умением сохранять спокойствие в любой ситуации, независимо от того, что происходит, но вдруг мысль о том, что Грис забрал Эль разрушила его больше, чем он мог с этим справиться.

Это и есть то, на что похожа любовь?

Когда ребята вернулись с врачом, Форестер едва мог усидеть на месте.

— Ты позволишь мне перевязать твои ребра или нет? — настаивал доктор, пока Форестер лежал на кровати.

— Просто сделайте все возможное, доктор. Я должен выбраться отсюда и побыстрее.

— Я бы очень хотел отвезти тебя в больницу.

— У меня нет на это времени. Просто забинтуйте их.

Когда доктор перевязывал раненое тело Форестера, боль была невыносимой.

— Я не понимаю, почему ты не позволяешь мне дать тебе что-нибудь от боли, — заметил доктор.

— Не могу, — сказал Форестер сквозь зубы. — Мне нужно быть в полной готовности.

Как только доктор закончил, Форестер поднялся. Он чуть не упал, шерифу и его сыну пришлось поддержать его.

— Я в порядке, в порядке, — произнес Форестер. — Мне нужны ключи от моей машины.

— Куда ты собрался? — спросил шериф.

— Я должен найти Эль, пока это не сделал Грис.

Фил засунул руку в карман и протянул Форестеру ключи от мотоцикла.

— Возьми, — сказал он. — Если тебе придется преследовать их, то так будет быстрее.

Форестер взял ключи.

— Ты уверен?

— Это меньшее, что я могу сделать после того, что мы с тобой сотворили, — сказал

Фил.

Форестер кивнул

— Извинения приняты, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил доктор. — Там же очень холодно. Дорога покрыта снегом. Ты же слаб. Это не совсем идеальные условия для езды на мотоцикле.

Форестер не стал тратить время на ответ. Он взял ключи и поспешил по коридору на выход из тюрьмы. Он должен был найти Эль.

Глава 39

Форестер

ФОРЕСТЕР НАШЕЛ МОТОЦИКЛ ФИЛА ВОЗЛЕ полицейского участка и завел его. Это была мощная машина. В таких условиях было небезопасно ехать на нем, но это был определенно самый быстрый транспорт, а только это и волновало его.

Он резко стартовал и поехал по улице к закусочной, морщась от боли при каждом движении его мышц. Когда остановился и сошел с мотоцикла, он быстро, как только мог, прохромал к двери.

— Форестер, — Келли закричала, увидев его. Ее челюсть, буквально раскрылась от удивления.

— Келли, — сказал Форестер.

— Где, черт возьми, ты был? Где Эль? Мы волновались?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Форестер.

— Она не пришла сегодня утром на работу. Мы вчера вечером отвезли ее домой, подумав, что там она будет в безопасности. Ее бывший, Грис, преследовал ее.

— Ее здесь нет? — задал вопрос Форестер.

— Нет, — ответила Келли.

Грейс вышла из кухни, вытирая руки о передник. Форестер смотрел на нее, пока она направилась к нему и казалась очень злой. Она прошла весь путь до него, остановившись в нескольких сантиметрах от его лица.

— Форестер Сноу, тебе придется многое объяснить, что и где ты делал.

— Знаю, — сказал Форестер, но не дал никаких объяснений.

Какой смысл сейчас оправдываться? Он должен найти Эль.

— Твоей матери было бы стыдно за тебя. Бросить бедную девочку.

— Я никогда не бросал ее, — заявил Форестер. — Я бы в жизни ее не покинул.

Грейс посмотрела на него. Она заметила синяки на его лице, то, как он опирался на прилавок, очевидные раны, от которых он страдал в течение последних нескольких дней.

— Что-то пошло не так, — констатировала Грейс, — Кто-то что-то сделал с тобой.

Форестер пожал плечами.

— Вы знали мою мать?

— Конечно, но сейчас не время говорить об этом. Ты должен найти Эль.

Форестер осмотрел закусочную.

— Я не знаю, с чего начать, — сказал он.

— Я скажу тебе, откуда начать, — произнес Грейс. — С ее квартиры.

Келли дала Форестеру адрес и сведения, как пройти в квартирку на чердак, и объяснила, как получить ключ, чтобы попасть в нее.

Форестер, частично хромя, частично пытаясь бежать, направился к дому Эль. Когда он подошел к нему, то постучался в дверь. Когда ответа не последовало, он стал искать Денни. Он направился в бар, который занимал первый этаж здания.

— Сэр, вы — Денни?

— Это зависит от того, кто спрашивает, — ответил пожилой мужчина.

— Меня зовут Форестер Сноу. Я друг Эль. Вашей соседки сверху.

— Форестер Сноу. Я знаю это имя.

— Да, сэр. Я вырос в этих краях. Вы, наверное, знали моего отца очень хорошо.

Старик скривился.

— Знаком. Он не был моим другом, но я знал его.

— Я приехал сюда, чтобы похоронить его.

— Так ты похоронил, — сказал Денни, кивая. — Похоронил.

— Я не похож на него, если вам это интересно.

Денни кивнул еще раз.

— Уверен, что не похож. Ты — мальчик, которого забрали, не так ли? Ты тот, кто был заперт с питбулями

Форестер кивнул. Денни посмотрел на него внимательно, а затем вздохнул.

— Чем я могу тебе помочь? Ты сказал, что был другом Эль?

— Да, сэр. И мне нужно попасть в ее квартиру.

— Зачем?

— Потому что мне необходимо проверить, все ли с ней в порядке. Ее бывший преследовал ее. Он мог забрать Эль.

— Ты же понимаешь, — начал Денни. — Я не могу никого пустить туда.

— Это вопрос жизни и смерти, — настаивал Форестер.

Денни кивнул.

— Я не знаю обо всем этом, но могу сказать, что ты заслуживаешь доверия, сынок.

Он порылся в кармане, и достал набор ключей.

— Серебряный на конце. Оглядишься, но ничего не трогай.

— Да, сэр, — сказал Форестер, торопясь обратно на улицу.

Он отпер дверь и позвал Эль. Ответа не последовало. Он поднялся по лестнице и все оглядел. Кровать была заправлена, в печке догорал огонек, кофейник располагался над огнем. На столе лежал дневник, и Форестер посмотрел на открытую страницу. Это бы цитата:

*

Пусть лучше ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься.

*

Он всматривался в слова. Форестер не стал забирать дневник, так как решил, что это личное, но он снова и снова перечитывал слова на открытой странице.

«В этом вся она, — подумал он. — Вот кто она. Вся в этом предложении».

Он прекрасно понял значение слов, и чувствовал, что и Эль тоже. Они оба были сделаны из одного теста. Больше всего в мире каждый из них хотел быть любимым. Но только на своих условиях. Единственная любовь, которая имела какую-либо ценность, была истинная любовь к тому, кто знал, кем они действительно были. Ни один из них не хотел скрывать свое прошлое. Ни один из них не хотел извиняться за то, что они пережили в своем детстве. Они хотели, чтобы их любили, действительно любили, за все то, что они представляли собой. Не больше и не меньше.

Он ударил кулаком по столу. Звук потряс его

Она у Гриса.

Он знал это. Грис увез ее с собой. Он хотел поместить ее в коробку. Но Форестер не собирался позволить ему сделать это. Эль имела право самой выбирать свою жизнь. Она имела право быть человеком, которым она хотела быть. Она имела право быть любимой за то, кем она была.

Глава 40

Форестер

ФОРЕСТЕР НАПРАВИЛСЯ К СВОЕЙ МАШИНЕ, прежде чем покинуть город. Все вещи были поспешно свалены на пассажирское сиденье персоналом гостиницы по приказу шерифа. Он надел теплую кожаную куртку, кожаные перчатки и солнечные очки. Это было не так много, чтобы защитить себя от холода в горах, но что делать.

Он снова сел на мотоцикл и выехал, не оглядываясь, из города. Эль была где-то там, и он должен был найти ее. Форестер почти ничего не знал, но не мог позволить себе потерпеть неудачу. Он видел, как автомобиль Гриса протаранил его сзади. Это был черный «Камаро».

Он мчался вниз с горы по единственной дороге, ведущей из города, огибая острые углы гораздо быстрее, чем это было безопасно. Все, о чем он мог думать, только бы догнать Гриса, прежде чем тот добрался бы до границы штата. Если они пересекут границу штата, то ему придется звонить Гранту, Джексону и Грейди. У них имелся доступ ко всем видам данных. Он мог бы дать им имя Эль и Гриса, и они раскопали бы для него адрес. Он бы сделал это, если возникла бы необходимость, но сейчас все, что он мог сделать на данный момент, это продолжить свой путь. С каждой секундой он все больше и больше боялся потерять Эль. Каждое мгновение, что она была вдали от него с Грисом, заставляло его биться в агонии.

Форестер должен был вернуть ее. Он должен обеспечить ей безопасность.

В конце концов, он сказал ей, чтобы она родила ему ребенка.

В сорока милях вниз по горной дороге располагалась автозаправка, и он заехал на нее. Ему нужно было заполнить бензобак. Ему также необходимо было согреться.

Вышел служащий и спросил, что ему нужно.

— Заправиться, — сказал Форестер.

— Разве не слишком холодно, чтобы кататься на мотоцикле?

— Да, — подтвердил Форестер, потирая руки. — У вас есть кофе в магазине?

— Конечно, — ответил тот. — Идите и налейте себе чашку. Я буду рядом.

Форестеру не нужно было дважды повторять. Он пошел в магазин, нашел кофейник и налил себе большую кружку. Затем сел за прилавок, взял упаковку вяленого мяса и начал его есть.

Служащий вернулся и включил заправку.

— Вы спустились вниз из Стоун-Пика? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил Форестер.

— Как погода?

— Вероятно, немного холоднее, чем здесь.

Служащий кивнул, пробил в кассе кофе и мясо и подал счет Форестеру.

Форестер заплатил и продолжил попивать свой кофе.

— Как далеко до границы штата? — спросил он.

— Где-то еще миль тридцать или около того, — ответил служащий.

— У вас есть телефон?

— Конечно, таксофон за углом.

Форестер проверил карманы для размена и попросил служащего разменять ему

пятидолларовую купюру. Затем подошел к телефону и набрал номер дома. Трубку сняла Лейси

— Форестер, где ты был? Я пыталась связаться с тобой.

— Я просто кое во что ввязался, Лейси.

— С тобой все в порядке?

— Со мной всегда все в порядке, — сказал он и дотронулся рукой до перебинтованных ребер. Они чертовски сильно болели.

— Хорошо. Я рада слышать тебя. Джексон и Грант уже собирались отправиться туда завтра, если бы мы не услышали тебя.

— Нет необходимости, Лейси. Я в порядке.

— Ты встретил девушку, не так ли?

— Возможно, и встретил. Но теперь мне необходимо ее найти.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ее бывший заставил ее поехать с ним.

— Ее бывший? Значит, она не хотела ехать с ним?

— Да, но он, видимо, не принимает ответ «нет».

— Ты уверен, что эта девушка не сама решила поехать с ним?

Форестер улыбнулся.

— Уверен, — ответил он. — Все серьезно, Лейси. Эта девушка принадлежит мне.

— Так как ты собираешься найти ее?

— У тебя есть ручка?

— Конечно.

— Запиши. Эль Баркли, двадцати трех лет. И Грис какой-то там. Я не знаю его фамилии. Ему около тридцати.

— Записала.

— Отдай Гранту, чтобы он прогнал через систему. Я перезвоню через пару часиков, и он сможет мне дать адрес.

— Будь осторожен, Форестер.

— Буду Лейси.

— Мы все любим тебя, ты знаешь.

Форестер держал трубку у своего лица, прижав ее на мгновение к своей щеке.

— Знаю, Лейси.

Он повесил трубку и вернулся к служащему.

— Вам тут случайно не довелось видеть черный «Камаро»?

Служащий посмотрел на него.

— По правде говоря, видел. Они припарковались у нас на ночь. Я их заметил там, когда закрывался поздно вечером, и я увидел их там и утром.

— Они спали в машине?

— Насколько я могу судить, да.

— Вы говорили с ними?

— Неа. Я не возражаю, если люди паркуются на ночь. Если вы устали, то должны сойти с дороги. И они не заправлялись. Они уехали некоторое время назад.

— Направились к границе штатов?

— Да, сэр, — подтвердил служащий.

Форестер положил десять долларов на прилавок в качестве благодарности за

информацию и ушел.

Глава 41

Эль

ЭЛЬ НЕ ЗНАЛА, ПОЧЕМУ она продолжала смотреть в зеркало заднего вида. Она надеялась, что Форестер появится? Это было невозможно. Он был заперт, когда они покинули город прошлой ночью. Вероятно сейчас, он по-прежнему находился в заточении.

Но, когда она увидела позади себя мотоцикл, то затаила дыхание. Эль понимала, что это глупо. Не было никакого шанса, что это мог быть Форестер. Но она, как ястреб, следила за ним в зеркале заднего вида, наблюдая за тем, как он медленно приближался и приближался к ним.

— Что этот парень надумал? — спросил Грис, когда заметил мотоциклиста, едущего за ним.

— Он спешит, — предположила Эль, стараясь не показывать своих эмоций.

Затем, когда мотоцикл достиг их машины, она поняла, что оказалась права. Это был Форестер. Он указал рукой, чтобы Грис прижался.

— Какого хрена? — спросил Грис.

— Грис, прижмись. Это за мной.

— Хрен собачий, я буду это делать.

— Это Форестер, Грис, — сказал Эль, и радость, прозвучавшая в ее голосе, была столь очевидной, что ее было невозможно скрыть.

— Он пришел за мной. Правда, он пришел за мной.

Эль была ошеломлена. Форестер действительно приехал за ней. Она посмотрела через лобовое стекло. В настоящий момент Форестер находился перед ними и начал замедляться, заставляя Грису остановиться. Грис попытался объехать, но Форестер заблокировал его. Грис нажал на газ, чтобы протаранить мотоцикл.

— Грис, ты же понимаешь, что должен отпустить меня, не так ли?

Грис покачал головой.

— Я не могу Эль. Я не могу жить без тебя.

— Можешь, Грис.

Грис остановил автомобиль, а затем полез в бардачок, расположенный перед ногами Эль. Он вытащил черный пистолет. Эль ахнула. Она попыталась остановить его, но он схватил ее за горло и начал давить на него.

Эль не могла дышать и ее глаза наполнились слезами. Ее горло было сдавлено так сильно, что она почувствовала, что еще чуть-чуть, и оно раздавится от хватки Гриса. Она попыталась говорить, просить его прекратить, но не могла издать ни звука.

— Если я не могу владеть тобой, то никто не сможет, — рявкнул Грис, и в его глазах была такая ярость, какую она никогда прежде не видела.

А потом раздался оглушительный хлопок. Все лобовое стекло, рассыпавшись на миллион осколков, обрушилось на них. Грис отпустил ее шею, и она попыталась вздохнуть. Затем Эль осознала, что произошло. Форестер поднял мотоцикл, который, должно быть, весил сотню фунтов и швырнул его через лобовое стекло. Через разбитое стекло она видела, как он стоял на обочине дороги, придерживаясь ограждения.

— Вот и все, мразь, — процедил Грис, вылезая из машины через разбитое лобовое

стекло, крепко держа пистолет в руке.

— Ты заплатишь за то, что разрушил мою жизнь. За то, что украл мою девушку. Она была моей девушкой. Она всегда была моей.

— Она никогда не была твоей, Грис. Ты просто думал, что она была твоей.

— Так она твоя что ли? — спросил Грис.

— Она ничья, — ответил Форестер. — Пока она сама не захочет быть чьей-либо. Но я могу сказать тебе об этом. Я — ее. И я не позволю тебе когда-нибудь снова причинить ей боль.

Эль наблюдала за тем, как Форестер двинулся в сторону Гриса, несмотря на то, что у него болели раны, полученные в тюрьме. Грис резко дернулся в его сторону. Когда они встретились, Грис наставил пистолет на лицо Форестера. Форестер тут же заблокировал его и нанес удар по животу Гриса. Тот отступил назад, удивленный тем, что Форестер все еще способен бороться, а затем опустил оружие. Форестер остановился, как вкопанный.

— Что мне прямо сейчас помешает спустить курок? — спросил Грис.

— Нет, — закричала Эль, но мужчины не услышали ее. Ее голос был все еще слаб из-за удушения.

— Нет, — попробовала она снова, но ее голос был едва слышен.

— Ты не спустишь курок, — сказал Форестер.

— Это еще почему? — прорычал Грис.

— Потому что ты знаешь, это не я разрушил твою жизнь. Ты знаешь, что и не Эль это сделала. Я не мог ее украсть у тебя, потому что ты никогда не владел ей. Мужчина не владеет женщиной. Он просто одалживает ее у Бога и заботится о ней по поручению. Бога.

— Откуда ты взял это дерьмо, мразь?

— Ты знаешь, что это правда, Грис.

— Иди к черту.

— Женщина, подобна ангелу в нашей жизни. Без них все холодно, грустно и пусто. Я знаю это. Я это познал в подвале моего отца, когда был ребенком. Ты тоже это знаешь очень хорошо, Грис.

— Пошел ты.

— Она никогда не была твоей. И ты не можешь удерживать ее, когда она хочет уйти. Она была в твоей жизни определенным отрезком времени, и ты должен ценить то время. Тебе следует лелеять память о нем. Потому что, я уверен, она была в миллион раз лучше чем то, что ты заслуживал. Я готов поспорить, что она не принесла ничего, кроме радости и любви в твою жизнь. Я готов биться об заклад, что она подарила тебе счастье, тепло и любовь.

Грис кивал головой. Эль не могла в это поверить. Ей не верилось в слова, слетавшие с уст Форестера. Неужели он на самом деле это чувствовал? Действительно ли он думал так с ней? Что она была ангелом, который пришел в его жизнь, чтобы принести счастье и тепло? Она не знала, что и думать. Эль начала плакать.

— Ты позволишь ей мирно уйти? — спросил Форестер.

Грис бросил пистолет. Только тогда Эль смогла спокойно вздохнуть. Все это время она задерживала дыхание. Форестер наклонился и подобрал пистолет, затем шагнул в сторону Эль. Она пыталась расстегнуть ремень безопасности, но не смогла избавиться от него достаточно быстро. Форестер захромал по направлению к ней, и стало ясно, что ему очень больно. Эль, наконец, смогла отстегнуть ремень безопасности, открыла дверь и вышла из

машины. Она побежала навстречу Форестеру и, не думая, запрыгнула на него. Она не могла поверить в это. Эль не смела даже мечтать, что когда-нибудь познает такое счастье.

Быть с Форестором, а потом думать, что потеряла его. Переживать агонию, думая, что он бросил ее. А теперь, получив его обратно, она не могла справиться со своими чувствами. Она расплакалась, даже когда Форестер рассмеялся. Он держал ее, но она чувствовала, что его тело ослаблено борьбой.

— О, Господи, — воскликнула она. — Тебе больно. Мне так жаль.

Он поставил ее обратно на землю, и она посмотрела в его глубокие, любящие глаза.

— Я боялась, что никогда не увижу тебя снова, Форестер.

— Ты будешь видеть меня каждое утро всю оставшуюся часть своей жизни, Эль. Как только откроешь глаза.

— Ты действительно имел в виду все те вещи, о которых говорил Грису, о женщине — ангеле с небес?

— Каждое слово, солнышко. Я знаю, что ты — сокровище, подарок небес. И я никогда не забуду это.

С этими словами Форестер наклонился вперед, и, когда его губы коснулись ее, она подумала, что сейчас она вся расплавится. Он обнял ее и заставил ее почувствовать себя в безопасности, настолько полной, что у нее чуть голова не закружилась. Она понятия не имела, как до этого момента прожила свою жизнь без него.

Его язык встретился с ее, и она вспомнила все те вещи, которые проделывала с ним, и которые было невозможно забыть, невозможно прожить. Она ощущала внутри себя жар, вспоминая те удовольствия, которые они испытали, и которые хотела почувствовать еще раз. Она хотела его внутри себя. Она желала, чтобы он излился в нее без какой-либо защиты, и чтобы она забеременела его ребенком.

Но Эль остановила саму себя. Они прервали поцелуй и повернулись к Грису.

— Я полагаю, что вам нужен автомобиль, — произнес Грис подавленно.

— Да, но нам будет нормально и на мотоцикле, — сказал Форестер, глядя на него.

Эль посмотрела на Грису. Она знала, что должна попрощаться с ним, и понимала, что на этот раз это будет навсегда. Было трудно покинуть объятия Форестера, но она решилась и подошла к Грису.

— Ты можешь сделать это, — произнесла она ему.

Он выглядел напуганным, как будто не понимал, какое будущее будет ждать его без нее.

— Как же я смогу? — спросил он. — Как же я смогу жить без тебя, Эль?

Эль слегка улыбнулась ему.

— Сам поймешь.

Она повернулась и пошла обратно в сторону Форестера. Голос Грису остановил ее.

— Эль, — произнес он.

— Да? — сказала она, оглядываясь через плечо.

— Мне очень жаль. Прости за все, что я сделал с тобой. За то, что не относился к тебе правильно.

Эль кивнула.

— Знаю, Грис. Впредь не делай тех же ошибок с другой женщиной. Женщины не заслуживают этого, боли и плохого отношения.

— Я постараюсь, — проронил он.

Форестер поднял мотоцикл и поставил его на землю. Эль подбежала к нему и залезла на него сзади, оборачивая руки вокруг груди Форестера, стараясь при этом не задеть его сломанные ребра.

Это чувствовалось так правильно. Как только Форестер запустил двигатель и направил мотоцикл дальше по шоссе, уже ничего не могло ощущаться еще более правильным во всем мире.

Глава 42

Форестер

ФОРЕСТЕР НЕССЯ ПО ШОССЕ, обгоняя машины и проносясь через перекрестки чтобы побыстрее вернуться в горы. Он чувствовал себя так хорошо оттого, что ему удалось вернуть Эль. Казалось, жизнь вернулась в его тело. Они почти не говорили, да им это было и не нужно. Для этого будет время позже. На данный момент для него было достаточно просто ощущать ее позади себя на мотоцикле. Впереди замаячили горы, к которым они с каждой минутой все приближались и приближались. Когда они были уже вблизи от них, то стало заметно холоднее, и Форестер заехал на заправку, на которой останавливался раньше утром.

Он снял свою куртку и протянул ее Эль.

— Я не могу, — сказала она. — Ты замерзнешь.

— Тебе придется меня согреть, солнышко, — произнес он, наблюдая за тем, как она надевала куртку на себя.

Она была ей велика, и Эль, надев ее, выглядела в ней так мило, абсолютно очаровательно.

— Так теплее?— спросил он.

Она кивнула. Они вернулись на дорогу. Прошло немного времени, как они подъехали к Стоун-Пик.

— Я никогда не устану от красоты этого места, — сказал он, когда они миновали широкие просторы Скалистых гор, находившихся теперь ниже их.

— Я тоже, — подтвердила Эль.

— Думаю, что смог бы жить здесь снова.

Она посмотрела на него.

— Правда?

Он улыбнулся.

— С правильным человеком, смог бы.

Когда они достигли закусочной, он въехал на стоянку. Форестер хотел дать Эль возможность успокоить Грейс и Келли, чтобы они убедились, что с ней все хорошо. А то они бы волновались.

Он помог слезть ей с мотоцикла и держал за руку, когда они вошли в закусочную. Глаза Эль блестели, как алмазы. Она была так прекрасна, что он хотел поднять ее и повалить на прилавок. С каждой секундой его член пульсировал все сильнее.

— Эль, — вскрикнула Келли, когда увидела, как Эль вошла в помещение.

Форестер наблюдал, как две девушки обнялись. Было очень приятно видеть облегчение на лице Келли.

— Где же Грейс? — спросила Эль.

— Я здесь, — ответила та, выходя из кухни с фартуком, перекинутым через плечо. — Ты напугала нас, юная леди.

— Верю.

— Но я знала, что с тобой все будет в порядке, когда увидела, кто отправился за тобой, — сказала Грейс, повернув голову к Форестеру.

Форестер положил руки на плечи Эль.

— Она и меня очень напугала, — заметил он.

— Похоже, фраза верна, — сказала Грейс. — Лучше поздно, чем никогда.

Форестер смутился. Он чувствовал себя ужасно из-за того, что Эль волновалась, пока он был заперт.

Он ничего не мог изменить, но все равно, это не было тем, чем он мог гордиться.

— Эль, — начал он. — Насчет этого. Мы должны пойти в более уединенное место, где я смогу объяснить все, что произошло.

На самом деле, у него не было ни малейшего желания ничего объяснять ей. Все, что он хотел сделать, так это сорвать с нее одежду и оказаться глубоко внутри нее, так, чтобы она умоляла его о пощаде. Его член был в стойке, и он не собирался ждать ни минуты.

— Мы могли бы занять столик там, в конце, — сказала Эль, указав на заднюю часть закуской.

Форестер рассмеялся.

— То, что я запланировал, требует чертовски более интимной обстановки, чем это, дорогая. Как насчет того, чтобы отправиться к тебе?

Эль покраснела.

— Правильно, милая, — сказал Форестер, оглядывая ее с ног до головы. — Ты поняла, что я имею в виду.

Грейс и Келли хихикали, пока они покидали помещение. Всего лишь через минуту или две Форестер оказался идущим позади Эль по крошечной лестнице, ведущей в мансарду. Он осмотрелся. Было трудно поверить, что всего несколько часов назад, он был здесь, отчаянно разыскивая Эль, напуганный до смерти из-за того, что с ней могло произойти что-то плохое, или что он мог больше никогда ее не увидеть снова. Теперь она находилась рядом с ним. Прямо здесь, где он и хотел ее видеть.

— Нам необходимо наверстать упущенное время, — сказал он.

Эль вздрогнула, когда посмотрела на него. Он понял, что она замерзла.

— Но сначала позволь мне зажечь огонь.

— Я приготовлю кофе, — произнесла Эль.

Пока Форестер разжигал очаг, в котором разгоралось пламя, и искоса поглядывал на Эль, та приготовила кофе. Она была даже прекраснее, чем он помнил. Ее глаза были большими и яркими, а волосы — блестящими. Ее попа и бедра были еще более соблазнительными и привлекательными. Соски на ее груди манили его. Его плоть была чертовски твердой, но он пытался скрыть это.

Форестер пытался сохранять спокойствие как мог, пока похоть растекалась по его венам.

— Мне очень жаль, что не смог прийти утром, — признался он.

— Все нормально, — ответила Эль, но ее голос дрожал от того, что она нервничала.

— Это ненормально, — сказал он. — Это непростительно. Эль, я бы никогда не оставил тебя, и никогда не сделаю этого.

— Я не возражаю, — заметила она мягко.

Форестер вздохнул.

— Позволишь ли ты мне объяснить, что случилось в тот день?

— Думаю, что догадываюсь.

— Ты не знаешь всей истории, Эль. Ты можешь знать факты, но в реальности ты не

знаешь, что произошло.

— Ладно, — сказала она, протягивая ему чашку кофе. — Расскажи мне.

— Ты хочешь услышать полную или короткую версию? — спросил Форестер.

Он смотрел на нее и мог сказать, что она пострадала от событий последних нескольких дней. Его член был так тверд для нее, но он не хотел вкусить ее, пока она не будет готова к нему. Он задолжал ей объяснение.

— Или, — ответила она.

— Отлично. Я расскажу тебе, что именно произошло. Я вошел в кафе в тот день, и там мне наливал кофе ангел. Именно так. Настоящий ангел, Эль. Девушка моей мечты. Я был так захвачен ею, что протянул руку и прикоснулся к ее руке, пока она обслуживала меня.

Эль улыбнулась при этом воспоминании.

— Но это не конец. Это было трудное для меня время. Я вернулся в город, где родился, чтобы похоронить отца, и память о моем отце — единственное, что меня пугало. Поэтому, когда я понял, что эта девушка заставила меня почувствовать, что боязнь отступила, а когда я увидел, как она повлияла на меня и заставила стать более человечным, сильным, счастливым, более полным жизнью, я просто не мог выбросить ее из головы.

— Ты — чародей, Форестер. Кто-нибудь говорил тебе это?

— Я никого не заколдовываю, Эль. Я объясняю, что случилось. Одна вещь привела к другой, и достаточно скоро, каким-то прекрасным образом, девушка оказалась в моей постели. Обнаженная. Восхитительная. Она была самым прекрасным, что я когда-либо видел. Мы занимались любовью, но мы сделали гораздо больше. Мы кончили вместе, мы заполнили друг друга, и мы даже решили не использовать презерватив.

— Да, мы это сделали, — подтвердила Эль.

— Потому что захотели создать что-то вместе. Обязательства. Что-то, что никогда нельзя будет изменить.

— Точно.

— Эту девушку зовут Эль.

Эль рассмеялась.

— Она позволила обладать ей. Это самый лучший подарок, который мне когда-либо дарили, и после того, как все произошло, это заставило меня понять, что я не должен бояться своего отца, не должен бояться прошлого. Я смог преодолеть все, с чем мне пришлось столкнуться в жизни, и идти в будущее с гордостью.

— Точно тоже ты делаешь со мной, Форестер.

— Пожалуйста, — шутливо сказал Форестер, — не отвлекайся.

Эль шлепнула ему по носу.

— Как будто все, о чем я когда-либо мечтал, соединилось в одно целое, Эль. Я понял, что это девушка создана для меня. Я знал, что она была моей суженой. Я шел на встречу с ней, по правде сказать, я сидел в машине прямо напротив закусочной, когда почувствовал, что в моем кармане лежит письмо.

— Письмо, — повторила Эль, и на ее лице мелькнула вспышка осознания.

— Это было письмо, написанное отцом, которое мне передал адвокат. И все, что тебе действительно нужно знать об этом, что в нем содержались обычные мерзости и ахиня, которые всегда вылетали из уст моего отца. Отец был жестоким человеком, и это было жестокое письмо.

— Это заставило тебя убежать?

— Ты думаешь, что я хотел бросить моего ангела?

— Страх творит странные вещи с сердцем мужчины, — заметила Эль

Форестер кивнул ей. Он всегда поражался глубиной ее восприятия и интуиции. Она была на семь лет моложе, чем он, но Форестер никогда не встречал никого с такой мудростью и эмоциональным пониманием.

— Ни на мгновение, — сказал он. — Оно довело меня до слез, и я подумал, что мне следует вернуться в номер до встречи с тобой и прийти в себя. Я ни секунды не задумывался над тем, чтобы разорвать отношения с моим ангелом.

У Эль на лице появилось выражение явного облегчения.

— Назови своего Ангела именем Эль, — сказала она, ухмыляясь.

Он кивнул.

— Итак, по пути в отель, Грис протаранил мою машину, и шериф арестовал меня. Я ничего не мог сделать, пока избитый и без сознания находился в камере. Я не мог связаться с тобой, Эль, но отчаянно желал. Я не хотел, чтобы ты подумала, будто я забыл о тебе.

В этот момент слезы закапали из глаз Эль, Форестер подошел к ней и стер их.

— Я знала, что ты не покинешь меня, — прошептала Эль.

— Ты заслуживаешь самую большую любовь на свете, Эль. Ты заслуживаешь самое большое счастье. И каждую секунду я молю Бога, что я тот человек, который имеет честь подарить тебе любовь и счастье.

Она обвила руками его шею, их губы встретились, их объятия были такими страстными, что, если бы кто-то наблюдал за ними, то мог бы поклясться, что это любовники, которые не видели друг друга много лет. Форестер скользнул руками вниз по ее спине, ощущая нежные изгибы ее тела и думая, что его член сейчас взорвется от желания прямо в штаны.

Глава 43

Форестер

ОНИ СОРВАЛИ ДРУГ С ДРУГА ОДЕЖДУ, словно горели в огне. Форестер швырнул свои джинсы и рубашку через всю комнату. Одежда Эль была свалена в кучу вокруг ее лодыжек. Полностью обнаженный он впился глазами в ее сладострастное, чувственное, соблазнительное тело. Он не хотел ничего большего, чем испробовать ее.

Она дрожала в ожидании.

— Ты весь перебинтован, — ахнула она.

— Ничего.

— Больно?

Он улыбнулся ей, затем поднял ее, не обращая внимания на боль в травмированных ребрах, и швырнул на кровать. Форестер смотрел на нее сверху вниз. Она глядела на его эрегированный член, словно это было какое-то чудовище, готовое поглотить ее. Так и было.

Когда он подошел, она попятилась от него по матрасу, но он схватил ее за лодыжки и положил плашмя на кровать. Затем медленно пополз между ее ног, пока его рот не оказался в десяти сантиметрах от ее нежной, розовой плоти.

— Я собираюсь съесть тебя, Эль. Я планирую пожирать тебя.

— Делай, — прошептала она.

Форестер не колебался. Очень осторожно прикоснулся губами к складочкам Эль. Он ласкал ее, целовал, как будто это был ее рот, прижимая свой рот к ее розовым половым губам, его язык приоткрыл их, вжимая его так страстно и жадно, доводя тем самым Эль до крика от получаемого удовольствия.

Он сосал ее клитор, играл с ним, пытаясь заставить ее затрепетать. Она откинула голову назад и закрыла глаза, позволив ему делать с ней все, что он хотел. Форестер сосал клитор, глотая ее сок, выпивая ее, как человек, который только что пересек пустыню без воды.

— Я собираюсь сделать тебя матерью моих детей, — прошептал он.

Эти слова прозвучали достаточно громко, чтобы Эль услышала их. Она почувствовала, что ее сердце бьется от радости, любви, и она начала постанывать от удовольствия.

— Форестер, — вскрикнула Эль.

Он продолжал ее лизать, его член становился все тверже и тверже. Он желал погрузиться в нее, но прежде хотел, чтобы она кончила ему на лицо. Когда он посасывал, то чувствовал, что она стала приближаться к моменту кульминации. Ее спина изогнулась, мышцы начали сжиматься и сжиматься.

— Вот так, детка, — сказал он, а затем начал страстно целовать ее клитор, пока она кричала в оргазме.

Он схватил ее за бедра и зафиксировал в положении так, чтобы она не смогла убежать. Она кричала и стонала, а он продолжал целовать, сосать и лизать каждый кусочек ее, выпивая каждую каплю, что она ему даровала.

— Ты такая вкусная, когда кончаешь, — сказал он с нахальной усмешкой.

Она покраснела. Он приподнялся, и провел языком по ее коже от клитора до пупка, потом по ее груди и соскам, а далее проложил путь до ее рта. Он хотел, чтобы она ощутила свой вкус на его губах. Эта мысль завела его.

Когда его член коснулся влажной области между ее ног, он ощутил такую сильную пульсацию его желаний, что почти сразу кончил.

— Боже, ты так меня заводишь, — сказал он.

Она улыбнулась.

Он снова поцеловал ее, опустив свои губы на ее, и почувствовал, как его безумно жесткая плоть проникает в уже ждущее его тело. Ее киска поглотила его длину, а он скользил все глубже и глубже, так далеко, что ему казалось, уже дальше просто невозможно. Он толкался, пытаясь проникнуть все глубже и глубже, как если бы каждый сантиметр приближал его все ближе и ближе к сердцу и душе Эль.

— Я не надел презерватив, — прошептал он.

— Я не хочу, — ответила она. — Не хочу презерватива. Я твоя, Форестер, и желаю, чтобы ты был внутри меня.

После этих слов он начал входить и выходить из нее длинными, плавными движениями. Ему пришлось выйти из нее почти до конца, а потом снова войти в нее полностью, она стонала одновременно от радости и удивления с каждым мощным движением его паха.

— Я собираюсь сильно кончить, — выдохнул он.

— Кончи для меня, Форестер, — прошептала она. — Кончи в меня, детка. Я вся твоя. Кончи внутри меня.

А потом его разум отключился. Его зрение помутилось. Он пришел к кульминации.

Оргазм зародился где-то глубоко, в самом центре его тела, потом перешел к его члену, как будто пытался убежать. Удовольствие было огромным. Он даже больше не чувствовал боли в ребрах. Его мышцы сжались, когда его семя вырвалось наружу, выпуская из него мучительное удовольствие.

Он вскрикнул. Его член пульсировал и пульсировал с каждым выплеском семени глубоко в теле Эль. Только этой мысли было достаточно, чтобы свести его с ума. У него закружилась голова от удовольствия. Когда он рухнул на нее с влажной от пота кожей, накрыв своим телом, он шептал снова и снова:

— Я люблю тебя Эль. Я люблю тебя, Эль.

ЭЛЬ ЗАКРЫЛА ГЛАЗА и позволила ощущениям властвовать над ней. Она чувствовала каждую каплю мощных струй, которые Форестер изливал в нее.

Она прижалась к нему, вцепившись ногтями в его спину. Когда он рухнул на нее, его вес, его рельефное тело прижалось к ней, она не могла испытывать большего счастья.

Он прошептал ее имя, тихо произнес, что любит ее. Эль не могла представить более прекрасного момента. Она была так напугана, что потеряла его. Так боялась, что Грис оказался прав, и она не заслуживает быть любимой. Для нее было слишком узнать, что все это было неправдой, и что Форестер пытался добраться до нее все время.

— Я обожаю тебя Форестер Сноу,— сказала она.

Он улыбнулся. Ее переполняла любовь. Больше всего на свете она хотела сделать его счастливым, принести ему радость и удовольствие. Он через столько прошел из-за нее, и когда еще был ребенком. Для одной жизни это было слишком много.

Она осторожно выскользнула из-под него и перевернула его на спину.

— Лежи спокойно,— сказала она, когда он попытался потянуть ее обратно.

— Что ты делаешь со мной? — спросил он.

— Только то, что ты заслуживаешь, — сказала она. — Закрой глаза.

Он сделал, как ему было велено, и закрыл глаза. Очень осторожно она развернула его бинты. Эль смогла бы перебинтовать его позже, но сейчас она хотела увидеть его во всей его неприкрытой красе. Она должна была усадить его, с все еще закрытыми глазами, с тем, чтобы она могла развернуть его правильным образом. Затем она осмотрела его идеально точеное тело и наслаждалась, что может свободно восхищаться им. Его тело было так прекрасно сложено, словно с картинки из журнала по искусству. Его пресс имел восемь кубиков. Его грудь была отлично сформирована на две грудины почти квадратной формы, и они вели к самым сильным, тщательно татуированным рукам, которые она видела. Татуировки были очень красивыми. На них были изображены питбули, и, зная, что символизировали эти собаки, делало их еще более прекрасными. Она наклонилась к его лицу и нежно лизнула его губы.

Форестер застонал. Она посмотрела вниз на его член и увидела, что он встает. Форестер довольно много потратил сил на свой оргазм, да и она была выжата, как лимон. Эль все еще чувствовала его, словно он был внутри нее. Это было восхитительное ощущение. Она задавалась вопросом, а сможет ли она заставить его кончить снова.

Она прикоснулась к его члену. Он запульсировал и начал твердеть. Она улыбнулась. В этом монстре было еще немного жизни.

Форестер открыл глаза, но она положила руки ему на грудь и уложила его обратно.

— Лежи, — приказала она, — и не открывай глаза. Теперь ты мой.

Он рассмеялся, но сделал так, как ему сказали. Она провела руками по его прекрасным мышцам, татуировкам, и, наконец, направилась к его восхитительному члену. Это было наслаждением прикоснуться к нему, держать его в руке, словно кусок дерева. Она нежно ласкала его пальцами, проводя ими над головкой, вдоль длины, его мошонки. В нем все было идеально. Анатомически, физически, он не мог быть более совершенным для нее. У него

были шрамы, раны и синяки, но он был прекрасен.

— Теперь моя очередь попробовать тебя на вкус, Форестер, — сказала она, дразнясь.

— Пожалуйста, — сказал он, с широкой улыбкой на лице.

— Просто закрой глаза.

— Обещаю, — сказал он.

Она опустилась между его ног, как в свое время он между ее, и посмотрела на розовую головку его члена. Она выглядела восхитительно, и была похожа на спелую вишню. Она захотела заглотить его. Она открыла рот, и позволила самому кончику скользнуть внутрь. Ее теплый, влажный рот произвел волшебный эффект. Мгновенно член Форестера напрягся и увеличился в длине.

— Твой рот создан для меня, — простонал он.

Она провела языком вдоль нижней части головки, тщательно облизывая то место, где его крайняя плоть, переходила в длину. Это действие вынудило Форестера стать диким. Он начал извиваться и стонать.

— Закрой глаза, — приказала она, и он повиновался.

Она глубже взяла его член, заглотив до задней стенки горла, и задержала его там. Эль позволила его члену оставаться там глубоко внутри нее, и она представила себе удовольствие, которое текло по его венам. Ее руки были на его бедрах, и она впиалась пальцами глубже в мышцы. Она скользнула своим ртом до конца длины, потом лизнула его, облизала головку, его член. Она провела языком по его мошонке. Он застонал, когда она сделала это. После этого она взяла его яичко в рот и нежно пососала его. Эль поиграла с ним языком. Форестер застонал. Он положил руки на ее голову, провел пальцами по ее волосам.

Она была его. Это было все, что она хотела. В этот момент Эль просто желала принадлежать ему. Он был настолько сильным, настороже против всего мира. Он был отвергнут отцом, брошен в детский дом, и при этом вышел из всего этого сильной личностью. Он был чужаком, изгоем, куда бы он ни пошел. Она видела это. То, как он боролся с сыном шерифа и его друзьями. Форестеру никогда бы не пришло в голову подружиться с этими парнями. И это не потому, что они не хотели бы иметь с ним ничего общего. А, в первую очередь, потому, что в глубине сердца Форестер знал, что был аутсайдером. Он знал, там нет для него места.

За исключением места рядом с ней. Он позволил себе расслабиться с Эль. Он показал свою мягкую сторону. Он впустил ее в душу. Только ее. Она была единственной, с кем он подружился в Стоун-Пик. Он перестал пристально смотреть на других. На самом деле, он был совершенно холодным и враждебным ко всем остальным. Но с ней с того момента, когда увидел ее, он был необычайно нежен.

И это дало ей такое чувство любви, такой прилив желания, что она взяла его член в рот и постаралась заглотить его, как можно дальше так, пока могла дышать. Она играла с ним и ей это понравилось. Эль смаковала его каждое мгновение. С Грисом она проделывала это, но только потому, что от нее этого ожидали. Она притворялась, что ей это нравится, но всегда доводила дело до конца, как можно быстрее. Здесь же все было наоборот. Ей нравилась ощущать его во рту, играть с ним, поигрывая им, притрагиваться им к лицу. Она хотела больше. Гораздо больше.

Когда, наконец, она почувствовала первую судорогу его оргазма, она опечалилась, что уже скоро ее игра завершится. Она опустила свой рот на его головку, и первая струя спермы хлынула ей на язык. Она проглотила его семя, и тут же последовала вторая волна. Форестер

застонал. Эль хотела его всего до последней капли. До настоящего момента ей никогда не нравилась делать это. Сейчас она просто хотела убедиться, что не потеряла ни единой его капли. Она проглотила то, что он давал ей, а потом, высосав его еще немного, убедилась, что получила все.

— Боже мой, — выдохнул Форестер, когда закончил.

Сейчас Эль чувствовала к нему большую любовь, чем когда либо. Он потянул ее к своим губам и страстно поцеловал. Потом Форестер просто держал ее. Он держал ее так крепко в своих объятиях, что это придавало уверенность в его любви.

Она натянула на них обоих одеяло, и они провалились в глубокий и насыщенный сон.

Глава 45

Форестер

КОГДА ФОРРЕСТЕР ПРОСНУЛСЯ следующим утром, его тело ныло так, словно (попал под поезд. Раны от побоев, которые он получил в тюрьме, заживали, но пройдет еще какое-то время, пока силы полностью вернуться к нему. Эль уже не спала и сидела у окна, держа дневник в руках. Она не заметила, что он проснулся.

Форестер смотрел на нее. Он никогда не видел ничего столь прекрасного в своей жизни. Она сидела в лучах солнца, жаркий огонь горел в очаге у ее ног. Чашка кофе дымилась в ее руке, и запах от него распространился по всей комнате. Ее лицо было спокойным и безмятежным. Эль была так прекрасна, что это почти заставило его прослезиться. Он никогда не испытывал такого прежде. Это было совершенно новое ощущение.

У Форестера было много женщин, гораздо больше, чем у большинства мужчин, но он никогда не был влюблен. Он даже никогда не был близок к понятию «любовь». Для него это все же было чем-то реальным, и он знал, что любовь сидит в глубине его сердца и души.

Он посмотрел на ее живот и задался вопросом, удалось ли ей зачать. Они много любили друг друга без защиты.

Она уже беременна?

Она уже стала матерью его ребенка?

Он понимал, что это возможно, и думал, что это именно та вещь, которая может заставить его любить ее еще сильнее. У него перехватило дыхание от этой мысли. Она уже может быть матерью его ребенка. Форестер просто не мог привести мысли в порядок. Это заставило его сердце стучать, как у скачущей лошади.

Он представил себе, как она держит малыша у своей груди, заботится о нем, кормит его. Его член мгновенно напрягся.

— Иди сюда, — сказал он.

Эль вздрогнула. Она не заметила, что он проснулся. Она взглянула на него, и он сбросил с себя одеяло, обнажая эрегированный член, который стоял, как мачта корабля.

— Форестер, — выдохнула она.

— Иди сюда, — повторил он.

Она робко подошла к нему. Он кивнул на свой эрегированный член.

— Подойди и сядь на него.

— Что?

Он ничего не мог с собой поделать. Его животный инстинкт взял верх над ним. Он схватил ее за руку и притянул к себе. Потом грубо, чему даже сам удивился, плюнул себе на руку и растер слюну по члену. Форестер потянул ее вниз, чтобы она села на него. Эль опустилась на него, словно ее тело было создано исключительно для выполнения этой задачи. Он толкнулся вверх в нее, она застонала и выгнула спину. Он схватил ее за бедра и снова дернулся вверх, толкаясь в нее вновь и вновь. Он вонзился в нее так сильно, что она едва не слетела с него. Ей пришлось вернуть его в себя, и вцепиться в его бедра, чтобы удержаться. Он толкался вверх все более и более мощно, словно бык на родео. Прошло немного времени, прежде чем они оба застонали, задыхаясь от удовольствия. А затем, так же

быстро как начали, они оба кончили.

Форестер достиг кульминации бурно, удовольствие и извержение семени переполнили его, выливаясь в восхитительную, прелестную киску Эль.

— Я люблю тебя, Эль, — сказал он.

Она посмотрела ему в глаза, и он точно мог сказать, что его слова застали ее врасплох.

— Да, я люблю тебя. Я люблю тебя всем сердцем. Люблю тебя за то, кто ты есть.

— А кто я? — спросила она.

Она все еще сидела на нем, словно верхом на лошади, и он посмотрел на ее груди, ее красивое лицо, ее светящиеся волосы.

— Я кое-что увидел в твоём дневнике, — сказал он. — Я не читал его, но он был открыт на странице, где говорилось, что *«Пусть лучше ненавидят за то, кто ты есть, чем любят за то, кем ты не являешься»*.

— Я написала это, чтобы напоминать самой себе, — заметила Эль.

— Ладно, я хочу, чтобы ты поняла, я знаю, что ты собой представляешь, и именно поэтому тебя люблю. Я люблю тебя за то, кто ты есть.

— Ты знаешь всю историю? — спросила она.

— Я слышал ее всю, Эль. Грис рассказал мне ее.

— Я беспокоилась, что это могло заставить тебя плохо думать обо мне. Или вообще не думать.

— Никогда, — сказал Форестер, качая головой.

— Я подумала, это может заставить тебя дважды подумать, чтобы быть со мной.

Форестер рассмеялся.

— Ты знаешь столько же обо мне, сколько и я о тебе, — сказал он. — Ты знаешь, что мой отец позволил моей матери умереть. Она умерла во время моего рождения.

— Знаю, — произнесла она.

Форестер кивнул.

— В небольших городках, как этот, не так много секретов, не так ли?

— Нет.

— Я подозреваю, что ты также знаешь, что мой отец пытался убить меня однажды. Он запер меня в подвале с боевыми собаками.

— Питбули на твоих татуировках.

— Да.

— Я слышала.

— Если ты можешь любить меня за все то, какой я есть, то я чертовски уверен, что могу любить каждую клеточку твоего тела, Эль.

— Правда? — выдохнула она, и он схватил свои джинсы с пола у кровати.

В кармане находилось обручальное кольцо его матери. Он не думал о нем с того момента, как положил его туда. Он вытащил его наружу. Затем, с небольшим трудом из-за травмированных ребер, которые все еще ныли после страстных любовных утех, он вылез из постели и повернулся лицом к Эль. Форестер опустил на колено.

Эль сразу же начала плакать. Слезы катились из ее прекрасных глаз по щекам, и из-за этого Форестер едва удерживал себя от безумного желания покрыть ее лицо поцелуями и выпить эти слезы. Сейчас он знал точно, что готов умереть за эту женщину.

— Эль Баркли, — начал он.

Она заплакала сильнее. Он посмотрел на нее, и ему в голову снова пришла мысль, что она, возможно, уже носит его ребенка. Форестер взглянул ей в лицо, потом перевел взгляд на ее роскошную грудь и местечко между ее ног, где, как он помнил, достиг кульминации.

— Эль Баркли, окажи мне честь стать моей женой.

ЭЛЬ НЕ МОГЛА ГОВОРИТЬ. Она не могла произнести ни звука. Она только кивнул головой и заплакала, между всхлипами пытаюсь подобрать слова.

— Да, — всхлипнула она, — Да, конечно. Ничто не сделает меня более счастливой в целом мире.

После этих слов Форестер наклонился и поднял ее с кровати.

— Твои ребра, — вскрикнула она. — Ты их ранишь.

— Мы не были же больно осторожны с этими ребрами сегодня, так ведь? — спросил он. — Не были.

Форестер отнес ее в кресло, стоявшее у огня, и усадил в него. На ней была розовая ночнушка, которую он посчитал невероятно сексуальной. Он поцеловал ее, а затем надел обручальное кольцо его матери на ее палец.

— Откуда ты его взял? — спросила она.

— Это матери.

— О, — произнесла Эль, а потом снова начала плакать, и ничего не могла с собой поделать. — Прости, что не могу прекратить рыдать, — сказала она.

— Тебе позволено делать все, что захочешь дорогая, — произнес он.

Она не могла поверить в это. После всего, что случилось, всего того, что она пережила в своей жизни, всех ее страхов, все так обернулось. Ей сделал предложение этот красивый, сильный, добрый мужчина.

Она знала, что он был плохишом. Он ввязывался в драки, был покрыт татуировками, был остр на язычок, но у него также было сердце, сделанное из чистого-чистого золота. Для нее это было самое главное.

Более важным, чем тот факт, что у него имелось много денег, или что он выглядел, как модель Кельвина Кляйна, или что Форестер был горяч, как ад, в постели. Важно было лишь его сердце.

И она знала, что он будет любящим и верным мужем. Он не посмотрел ни на одну женщину с момента встречи с ней. Он едва ли обмолвился словом с другими людьми, прежде чем ввязаться с ними в драку. Опять же, ей было известно о том, что она действительно была единственным человеком, которому он, казалось, способен открыться и впустить в душу. Как оказалось, Форестер был в состоянии войны с остальным миром.

Его, а теперь и ее, семья находится в Калифорнии. Семья имела огромное значение для Форестера, это и так было ясно. Он бы убил за них, и ничто другое не имело больше значения. И это заставило ее почувствовать себя в безопасности. Она была уверена, он позаботится о ней, защитит ее и их будущих детей. Думая о детях, она положила руку на живот.

Эль посмотрела на обручальное кольцо. Как это произошло? Она размышляла обо всех тех вещах, которые привели к этому моменту. Это кольцо носила женщина, над которой издевался муж. Оно оказалось в коробке в подвале. Маленький мальчик был заперт в подвале и обнаружил это кольцо.

Она была продана в преступную группировку, а затем чудесным образом спасена от этой банды, когда их всех убили. Она боролась за жизнь с Грисом, пока не обрела мужество

оставить его. Она приехала сюда в Стоун-Пик, а в то же самое время Форестер оказался в кафе, чтобы выпить чашечку кофе по дороге на похороны отца.

Это казалось слишком странным, слишком маловероятным, слишком чудесным. Не могло все это произойти без вмешательства Бога. Она была убеждена, что Бог привел ее в эту точку, и хотел, чтобы она и Форестер были вместе.

— Я, правда, буду твоей женой? — спросила она его, пока он гладил ее руки.

— Да, Эль Баркли.

— Эль Сноу, — поправила она, а он улыбнулся.

— Эль Сноу.

Несколько минут спустя она пошла в душ. Форестер остался ждать ее в гостиной, попивая большую чашку кофе. Она подняла голову, когда раздался стук в дверь ванной, и Форестер вошел.

— Я присоединюсь к тебе, если ты не против, — сказал он.

— Конечно.

Он залез к ней и вымыл ее тело с головы до пят, а затем страстно поцеловал в губы. Она вылезла из душевой, позволив ему принять душ одному. Он мыл свое усталое, раненое тело, а Эль в это время наносила себе макияж. Затем она перебинтовала его свежими бинтами, сделанными из разрезанной простыни.

Они вместе направились с ней в закусочную. Когда они вошли в дверь, Келли и Грейс остановились, бросив работу и стали смотреть.

— Ты выглядишь такой счастливой, что вот-вот лопнешь от удовольствия, — заметила Келли.

— Думаю, да, — сказала Эль.

Она протянула руку к подруге и показала ей кольцо с бриллиантом.

— Боже мой, — произнесла Грейс, выходя из кухни и схватив руку Эль. — Этот бриллиант огромен.

— Знаю.

— Что происходит?

— Мы решили пожениться, — выпалила Эль. — Форестер сделал мне предложение этим утром.

Все они посмотрели на Форестера, который беспечно сидел за стойкой, ожидая, что ему принесут чашку кофе, затем Грейс и Келли подошли к нему и крепко обняли.

Эль чувствовала, словно ее жизнь не может быть более наполненной. Так казалось. Весь этот день и весь следующий день. И следующий. Их дни становились все счастливее и радостнее. Она продолжала работать с Грейс и Келли. Форестер завершал свои дела с адвокатом отца, убедившись, что вся недвижимость пошла на благотворительные цели. Это произвело сильное впечатление на Эль. Она не просто вышла замуж за человека, у которого было больше денег, чем он знал, как их потратить, но он также был щедрым.

По вечерам они ходили в бар Гарри и спокойно проводили время вместе, или гуляли с Келли, а заодно пытались найти хороших парней, которые могли бы закрутить с ней роман. Именно в эти дни Эль узнала все о Форестере, мужчине, за которого собиралась выйти замуж.

Она узнала о Лейси и ее отце, человеке, который принял Форестера и вызволил его из системы. Она также выяснила, что у Форестера по-родственному относился к трем мужчинам, которых он называл братьями, хотя они были приемными детьми, которых взял к

себе отец Лейси. Он регулярно беседовал по телефону с Лейси, которую он рассматривал как сестру, а также братьями, и Фэйт, одну из жен братьев.

Эль знала, что он хотел, чтобы они встретились с ней, и была готова к встрече с ними, но в этом не было никакой спешки. Они были так счастливы вместе в Стоун-Пике в маленькой квартире на чердаке, что не спешили уезжать. Эль ни разу за всю свою жизнь не была так счастлива. Ей нравилось, что Форестер всегда находился рядом, провожал ее на работу утром, заходил перекусить, ожидал конца смены уже готовый отвезти ее к Гарри. Ей нравилось, что он в хороших отношениях с Келли и Грейси.

Он даже убедился, что сын шерифа и его приятели стали относиться к Келли и Грейс с большим уважением. Келли и Грейс обе высказали мнение, что город совершенно изменился. Все стали относиться лучше друг к другу, как будто одно присутствие Форестера наводило порядок.

Эта пара недель были для Эль действительно райскими. Она думала, что никогда не могла быть еще более счастливой. Она ошибалась.

Была одна вещь, которая могла сделать ее счастливее. И она узнала об этом одним холодным утром в течение этих самых первых недель.

Глава 47

Эль

ЭЛЬ НЕ МОГЛА ПОВЕРИТЬ В ПРОИСХОДЯЩЕЕ. Была ранняя весна и снег на таять на вершинах гор вокруг города. У нее был самый совершенный месяц ее жизни. Каждое утро она просыпалась рядом с Форестером. Довольно часто он хватал ее за бедра и шептал на ухо:

— Я тебя хочу.

Она знала, что он говорил правду, потому что его эрекция вдавливалась в нее. Ему нравилось завязывать ей глаза, прежде чем она могла на него взглянуть. Он говорил, что хотел, чтобы она утром чувствовала его любовь, прежде чем взглянет на него. Итак, она закрывала глаза, пока он завязывал повязку на ее глаза.

Затем он залезал под одеяло и играл с ее киской, заставляя ее стать мокрой от предвкушения, или поднимался по ней наверх и клал кончик члена ей на губы. Она брала его в рот, он уже был таким твердым, что Эль могла попробовать вкус первых капель его спермы.

Потом он всегда делал то же самое.

Шептал:

— Ты — самое прекрасное создание во всем мире.

Затем входил в нее и доводил до оргазма. Это был восхитительный способ просыпаться каждое утро. Они никогда не пользовались презервативами, и Форестер не скрывал того факта, что хотел, чтобы она стала матерью его ребенка.

Он говорил:

— Если ты родишь мне ребенка наполовину прекрасного, как ты, я буду самым счастливым человеком на земле. И Эль лежала там с завязанными глазами и молилась, чтобы его оргазм оставил в ней след.

Однажды утром Эль почувствовала себя иначе после занятий любовью. Форестер поставил кофейник на огонь, а затем вышел на пробежку. Он обычно бегал по утрам, потом шел в адвокатскую контору, затем возвращался домой и работал на своем ноутбуке. Он трудился над каким-то проектом с братьями, и эта работа занимала много времени. Они были довольно скрытны в отношении этого, но Эль больше интересовали сами братья, чем то, над чем они работали.

В то утро, как только Форестер вышел из квартиры, она побежала в ванную и ее вырвало.

Она не ела ничего странного, и она ничего не испытывала кроме тошноты, хотя чувствовала, что с ней что-то не так.

Она улыбнулась и положила руку на живот. Случилось. Эль поняла это. Она довольно хорошо помнила, что у нее не было месячных с момента появления Форестера, но она слишком боялась сглазить, делая тест на беременность. Теперь она знала, что время пришло. Эль поспешила привести себя в порядок, оделась, и направилась прямо в аптеку. К тому времени, как она вернулась, она практически тряслась от предчувствия. Она открыла коробку, последовав инструкциям теста, Эль пописала на палочку и с нетерпением стала ждать. Она собралась налить себе кофе, когда подумала, что это, вероятно, будет плохо для ребенка.

Она налила себе немного горячей воды из чайника и попивала, пока ждала результата. Когда она пошла проверить его, то чуть не потеряла сознание от счастья. Тест был положительным. Она была беременной.

Эль быстро пописала на второй тест, чтобы проверить, но уже знала в своем сердце, что это правда. Она чувствовала изменения уже в течение некоторого времени. Она носила ребенка Форестера. Ее буквально трясло от возбуждения. Она не знала, что делать, но спрятала тесты. Эль хотела увидеть лицо Форестера, когда сообщит ему эту новость. Она не хотела, чтобы он увидел тест и сам сделал бы выводы. Она желала сообщить ему лично.

Ее сердце трепетало, думая о том, как безумно он будет любить ее, когда она скажет ему.

Эль подошла к своему маленькому шкафу в спальне и вытащила сексуальную вещь, которая у нее имелась. Это был кусочек черного кружевного белья, которое купил Форестер для нее в единственном женском магазине одежды в городе. На нем еще были этикетки, потому что первым делом по утрам он любил ее, и она всегда была обнажена. Она спала голой с ним.

Все было по-другому. Она пошла в ванную, сделала себе хороший макияж, выпрямила волосы, надушилась, и только закончила собираться, когда услышала, что Форестер поднимается по лестнице. Она быстро побежала в спальню и встала на колени. Она хотела быть коленопреклоненной перед ним, когда он увидит ее.

— Эль, — позвал он.

Она не ответила ему, молча слушая, как он снимает пальто и ботинки. Когда он вошел в спальню, то резко остановился.

— Что происходит? — прошептал он.

Его челюсть отвисла. Она знала, что он возбужден. Спереди его брюки тут же натянулись, хотя утром они уже занимались любовью. Она знала, что ему нравится кружевное белье и когда она стоит на коленях перед ним. Эль сделала все, чтобы ему понравилось. Она понажимала на все его кнопки.

— Эль, — повторил он.

Она ничего не ответила, продолжая стоять на коленях, глядя на него с такой любовью в глазах, и даже подумала, что могла бы сейчас лопнуть. А затем она приоткрыла рот, совсем немного, и облизнула свою верхнюю губу так чувственно, как только смогла.

Форестер подошел к ней и сразу начал расстегивать брюки. Он вынул свой огромный член, и она испугалась, когда увидела, каким твердым он был. Она протянула руку и погладила его, потом взяла его кончик в рот. Буквально несколько секунд она поиграла с ним языком, а затем позволила скользнуть ему в горло. Он был таким длинным и твердым, что его член моментально достиг задней стенки ее горла, она не сопротивлялась. Она обхватила его и стала ласкать, позволяя ему скользить туда и обратно, и когда он схватил ее за волосы на затылке, то подумала, что сейчас умрет от волнения. Ее киска уже покалывала от смеси похоти, желания и любви.

Это был ее мужчина. Он был ее королем, отцом ребенка, который уже рос внутри нее, и она планировала выжать его до последней капли.

— Эль, — ахнул Форестер, управляя ее головой, насаживая на свой пульсирующий член, — я кончаю.

Она посмотрела на него снизу вверх и впервые отодвинулась от его члена.

— Кончи для меня, детка. Позволь мне выпить и проглотить тебя. Кончи мне в рот.

— О, Боже, — сказал он, глядя вниз на нее, его член пульсировал в ее руке, он собирался кончить ей на лицо.

— Я ношу твоего ребенка, — прошептала она, глядя вверх на его лицо, замечая, как изменилось его выражение, когда смысл, сказанных ею слов, дошел до нее.

Она вцепилась пальцами в его твердые мышцы бедер и притянула его член обратно себе в рот.

Выражение его лица можно было охарактеризовать, как полное изумление. Он любил ее, был ею увлечен, и одновременно находился в полном изумлении от того, что она только что произнесла.

Его оргазм был таким сильным, о котором она только могла мечтать. Член пульсировал у нее во рту, и с каждым выпадом пульсировал все сильнее и сильнее. Казалось, что его тело живет своей собственной жизнью. Он не мог перестать изливаться в нее. Она проглотила все до последней капли, когда ее мужчина кончил, и она слизала все до последней капли с него и со своих губ, сожалея, что больше ничего не осталось.

Через мгновение Форестер упал на колени.

— Не могу в это поверить, — воскликнул он.

— Это правда, дорогой. Я сделала тест.

— Ты уверена?

— Я схожу ко врачу, чтобы подтвердить. Но да, уверена.

Он обнял ее и прижал к своей груди так крепко, что она испугалась, что он может сломать ее.

Затем он наклонился над ней и целовал ее долго и крепко. Это был такой страстный поцелуй, такой яркий, полный любви и тоски, что она была уверена, она запомнит его на всю жизнь.

Форестер взял ее на руки и аккуратно положил на кровать.

— Я стану отцом, — произнес он.

Это прозвучало так, словно он не мог поверить в эти слова.

Затем он опустился на нее, страстно целуя. Пока он целовал ее, она почувствовала, как его рука отодвинула ее нижнее белье в сторону. Затем его член скользнул в нее.

Сколько раз этот мужчина собирается получить оргазм внутри нее?

Глава 48

Форестер

ФОРРЕСТЕР СИДЕЛ ЗА СВОИМ ЛЮБИМЫМ СТОЛОМ в баре Гарри и осматривал посетителей. Теперь он знал их всех и чувствовал себя здесь, как дома. Он даже не мог представить, что когда-нибудь почувствует себя в Стоун-Пике, как дома, не после того, что он пережил в детстве, но в прошлом месяце город принял его с распростертыми объятиями. Он по-прежнему ежедневно общался с Лейси, Фэйт и братьями, продолжая говорить им, что скоро вернется домой, но не был уверен, когда это время наступит. Не то, чтобы на него оказывали давление. Они были в восторге, все поздравляли его с помолвкой миллион раз. Они хотели лишь, чтобы он был счастлив. Он не сказал им о ребенке, но знал, что они были бы рады. Отцовство изменило жизни Гранта и Джексона, и он предполагал, что они бы рекомендовали ему его от всего сердца.

Он с нетерпением ждал, чтобы поделиться с ними хорошими новостями. В баре шериф, мэр и несколько мужчин потягивали пиво, шериф кивнул ему. Форестер кивнул в ответ. Ему нравился шериф, несмотря на все то, что тот натворил. В глубине души он знал, что шериф когда-то был влюблен в его мать, и это стало причиной, по которой тот испытывал такие сложные чувства к вернувшемуся в город Форестеру.

Сын шерифа, Фил, и его приятели также находились в баре, Форестер был со всеми ними в нормальных отношениях, несмотря на то, что он избивал их несколько раз.

Даже в отношении с Грисом, кажется, все сработало. Эль была так добра к нему, когда прощалась.

Она предложила ему измениться и относиться к своим будущим женщинам лучше, и это, казалось, сработало. Последний раз его имя всплыло, как рассказала Эль, когда он отправил сообщение, где говорил, что ему жаль, и он больше не будет ей докучать. Форестер смотрел на Фила и его друзей, а его мысли крутились вокруг Келли. Она была хорошей девушкой, красивой, уверенной в себе. Он задавался вопросом, почему она до сих пор одинока. Ее ситуация была непростой. На ее иждивении был младший брат, и она вкладывала много сил на уход за ним. Это было почти так же, как если бы она имела собственного ребенка, учитывая количество времени, которое она проводила с ним. Форестер знал, что иногда парни пугаются такого рода обязательств. Это была бы слишком большая ответственность для них. Вероятно, по этой причине Келли еще не нашла свою любовь в Стоун-Пике. Пока он смотрел на Фила и его приятелей, Форестер осознал, что никто из них не подходил для нее. Она была страстной девчонкой, вздорной, и она прошла через многое. Потребуется настоящий мужчина, чтобы приручить такую девушку, как она. Форестер задался вопросом, появится ли когда-нибудь такой человек в Стоун-Пике и найдет ее.

Когда он увидел девушек, вошедших в бар, он встал, чтобы поприветствовать их. Эль была с Келли и Грейс, они все были нарядно одеты, так как вместе обедали, отмечая хорошие новости о ребенке. Форестер задумался, а может, это был чуть-чуть и прощальный ужин. Он говорил с Эль по поводу посещения его семьи в Калифорнии, куда они должны были отправиться с ней довольно скоро. Они поедут просто погостить, это не прощание навсегда, но он понимал, что Грейс и Келли будет переживать, что она уедет, даже если это будет на короткое время.

— Дамы, вы выглядите сногшибательно, — заметил он.

— Спасибо, Форестер, — ответила Эль.

Грейс и Келли кивнули. Форестер помог Грейс пройти в кабинку, предложил руку Келли, а затем приподнял Эль и усадил ее рядом на своей стороне кабинки.

— Бутылку шампанского, Гарри, — произнес Форестер.

— Только не для меня, — заметила Эль.

— Ой, прости, любовь моя. Я совершенно забыл. И немного газированной воды с лимоном.

Эль улыбнулась. Форестер смотрел на нее и не мог оторвать глаз. Она сводила его с ума. Если кто-то сказал бы ему месяц назад, что его еще больше будет тянуть к ней, чем в тот момент, то он бы рассмеялся и сказал, что это невозможно. Теперь он знал, что значит настоящая любовь к Эль, и она была глубже и сильнее, чем он когда-либо представлял себе. Знание того, что она подарит ему ребенка, чуть не разрывало его сердце. Она собиралась сделать это только для него.

Эль планировала позволить своему телу изменяться, когда будет носить его ребенка, проходя через все эти физические изменения, а затем пройти через боль родов, все для нее было неважно, кроме любви к нему. Это невыносимо. Он молился, чтобы оказаться достойным всей этой любви и жертвы. И он молился о том, чтобы смочь хоть как-то отблагодарить Эль за этот дар с помощью любви, которую он давал ей взамен, а также усилий, которые он прикладывал, чтобы каждый день ее жизни был бы счастливым.

Он улыбнулся девушкам. Они болтали о том, что собираются заказать, а когда подошел Гарри, они сделали ему заказ. Форестер заказал стейк и картофель фри.

— Келли, — сказал он, когда Гарри ушел, — могу я спросить тебя о кое-чем личном?

Келли посмотрела на Эль.

— Не уверена, Форестер. Это завит от того, о чем ты спросишь.

Грейс рассмеялась.

— Я, кажется, знаю, о чем это он, — произнесла она.

Форестер кивнул ей. Исходя из своего опыта, он знал, что обычно предчувствия никогда не подводили Грейс.

— Он собирается спросить, почему такая красивая девушка, как ты, одинока, — выдала Грейс.

Келли покраснела. Она была застенчивой. Форестер почувствовал себя неловко из-за того, что смутил ее.

— Ты можешь не отвечать, — пробормотал он.

— Нет, — сказала она. — Все нормально, просто все сложно. Это очень длинная история, Форестер. Не уверена, что смогу поделиться ей сегодня.

— Я все понимаю, — заметил он.

— Может быть, однажды, когда у нас будет больше времени, я смогу рассказать тебе всю мою историю.

— Было бы здорово, — сказал Форестер.

Эль улыбнулась. Форестер был почти уверен, что попал впросак. Ситуация у Келли была сложнее, чем он думал. Для него, очевидно, было мучительно знать, что все три женщины знали гораздо больше него.

Эль пришла к нему на помощь, чтобы рассеять неловкость, которую он создал.

— Итак, Форестер, муж мой, что собираешься делать?

Он улыбнулся, когда она произнесла эти слова. Его сердце стало биться сильнее. Правда, это заставило его член отвердеть.

— Когда же ты собираешься познакомить меня со своими родными?

— Правда? — спросил Форестер удивленно.

В этот момент больше всего на свете он хотел забрать ее в долину Сокорро, но боялся, что она не захочет этого. Он не понимал, почему так думал. Может, из-за того, что Эль была так счастлива здесь.

— Ты действительно хочешь с ними встретиться?

— Глупый, я умираю от желания встретиться с твоей семьей.

— Они тоже, — сказал Форестер, обнял ее и притянул к себе.

ГЛАЗА ЭЛЬ СТАНОВИЛИСЬ ВСЕ ШИРЕ И ШИРЕ, когда Форестер вез ее через Калифорнийские горы и потом вниз по направлению к побережью.

— Так красиво, Форестер.

Он положил руку ей на колени и улыбнулся.

— Ты нервничаешь, не так ли? — спросил он успокаивающим тоном.

Она покачала головой. Ей следовало бы нервничать, но, на самом деле, Форестер так заботился о ней и был так внимателен, что она чувствовала себя вполне комфортно.

— Я даже не догадывалась, что ты такой замечательный, — сказала она.

— Ну, я из Стоун-Пика. Но именно здесь я научился быть человеком благодаря Лейси, ее отцу и остальным членам Братства.

Эль улыбнулась.

— Форестер, — произнесла она, — какого Братства?

— Ну, — начал Форестер, — я знаю, это тот вопрос, которого я избегал в течение последних нескольких недель. Я понимаю, что тебе нужно узнать об этом, но я бы предпочел, чтобы тебе все рассказал Джексон.

— Почему Джексон?

— Потому что он пересекался с тобой раньше. Но ни один из вас тогда не знал этого. Он и Фэйт были когда-то замешаны кое в чем, что, как я думаю, тебе будет интересно узнать. Будет лучше, чтобы они объяснили тебе о Братстве.

Эль кивнула. Все это было очень таинственно, но она не возражала. Она доверяла Форестеру и знала, что он был хорошим человеком. Он не был ангелом, и у нее не было никаких иллюзий, что Братство могло быть чем-то милым и невинным, но она с уверенностью могла сказать, это уж точно не то, из-за чего ей следовало волноваться.

Когда грузовик выехал на гребень горного перевала, у нее перехватило дыхание от впервые увиденного ей вида огромного и поразительного в своей красоте Тихого океана, открывшийся перед ней.

— Форестер, как красиво, — сказала она.

— Это все твое, если захочешь, — произнес он.

Ей пришлось сделать глубокий вдох. Она знала, что у Форестера здесь находилась семья, а она была лишь простой официанткой из Стоун-Пика, поэтому она не возражала против идеи осесть в долине Сокорро. Хотя Эль еще не приняла решения. Сначала она должна увидеть место. А как насчет Келли и Грейс? Единственное, что все упрощало для нее это обещание Форестера, что они будут жить там, где *она* захочет, и обсудит это со своей семьей, чтобы она чувствовала себя лучше и знала, что не будет находиться ни под чьим давлением. Эль просто должна увидеть места, встретиться с Братством и сама решить.

Она чувствовала, что взволнована, пока они проезжали горные долины. Впервые за несколько недель она ощутила тепло. Вдоль Калифорнийского побережья температура воздуха была намного выше, чем в Скалистых горах. Она сняла куртку и уютно расположилась рядом с Форестером, который заимел привычку одной рукой вести машину, а другой обнимать ее за плечи.

Когда они заехали на подъездную дорожку к его дому, у нее снова перехватило дух.

— Форестер, ты никогда не говорил, что богат.

Форестер пожал плечами и просто сказал:

— Ты даже не представляешь как, дорогая.

Она покачала головой. Дом, точнее особняк, в конце дороги был выполнен в испанском колониальном стиле, окружен пологими холмами, покрытыми прекрасными виноградниками. Перед особняком был расположен огромный фонтан, а за ним она заметила край бассейна. Во дворе дома стояли старые грузовички, а также раритетные мотоциклы, автомобили класса «люкс» и спортивные машины. Не было никаких сомнений в том, что у Братства имелось много денег.

— Ты самый завидный жених, которого я встречала, — выдохнула она.

— Я не просто холостяк, родная, я твой жених, и отец твоего ребенка. Ты со мной на всю жизнь.

— Самый достойный отец, — сказала она и засмеялась. — Мне нравится.

— Пойдем, — сказал он, припарковав машину. — Не могу дождаться, чтобы познакомить тебя с бандой.

Эль была тронута тем, что он так волновался. Мечта сбылась по-настоящему. Она чувствовала себя сказочной принцессой. Мужчина, по сути, принц, привел ее в дом, фактически замок, и у нее был от него ребенок, да она к тому же выходит за него замуж. Любая бы девушка убила за такое. А это все происходит с ней, девушкой, считавшей, что никто на земле никогда не полюбит ее, и которая была продана своей матерью.

— Мне так повезло, — заявила она, когда Форестер помогал ей выйти из машины.

— Это я счастливчик, — сказал он, а затем подхватил ее на руки и вытащил из автомобиля.

— Что ты делаешь? — ахнула она.

— Переносу тебя через порог. Хоть ты пока еще не жена, но это мой дом, и я буду проклят, если я позволю тебе войти своими ногами.

Эль показалось, что она бы упала в обморок, если бы стояла на ногах. Она вцепилась за Форестера, уткнувшись лицом в его прекрасную шею.

— Эй, — произнес кто-то со стороны особняка. — Посмотрите, кто тут.

Когда Эль подняла глаза, то увидела, что вся семья собралась на крыльце, ожидая, чтобы поприветствовать ее. Ее сердце затрепетало, когда она увидела, насколько приветливы они все смотрели на нее.

— Привет, — сказал Форестер, увидев их первый раз за месяц. — Семья, это моя невеста и будущая мать моего ребенка, Эль Баркли.

И они все дружно стали поздравлять.

— И Эль, это моя семья, или, я должен сказать теперь, наша семья.

С МОМЕНТА, КОГДА Эль вступила в особняк, она влюбилась в него. Она ощущала себя в безопасности так, как никогда не чувствовала за всю свою жизнь. Каждый член семьи Форестера любезно приветствовал ее.

Лейси оказалась первой, обнимая ее так крепко, что она почувствовала, словно была давно потерявшимся членом семьи. Лейси также расцеловала ее в щеки, и Эль ощутила острую боль где-то глубоко внутри себя, когда увидела, что Лейси плачет. Фэйт тоже плакала.

— Ты такая красивая, — произнесла Лейси.

Эль не знала, что сказать, когда Фэйт притянула ее ближе к себе и так тепло и гостеприимно обняла ее. Такого она никогда не испытывала.

— Спасибо, — удалось пробормотать Эль.

— Ты сделала Форестера счастливым, — заметила Лейси. — Я могу сказать, что это было слышно даже по телефону. Это как день и ночь.

— Правда? — спросила Эль, польщенная тем, что они думали о ней так высоко.

— О, да, — подтвердила Фэйт. — Ты именно та, которая необходима мужчине. Он был похож на дикого зверя, когда уезжал. Теперь, все, что мне нужно сделать, так это посмотреть на него, чтобы заметить разницу.

Эль взглянула на Форестера. Он обнимал своих братьев: Джексона, Гранта и Грейди. Эль улыбнулась. Она не понимала, как могла оказать столь заметное влияние на него. Она вспомнила день, когда впервые увидела его.

Он действительно сильно отличался от того, какой он сейчас?

Джексон был первый из мужчин, кто поприветствовал ее. Он поднял ее своими мощными руками и крепко обнял. Даже не позволяя ее ногам коснуться земли, Грант перехватил ее у Джексона и обнял. Наконец, и Грейди, который был моложе и немного застенчивым, робко обнял ее, хотя и очень тепло.

Обе женщины держали на руках младенцев, и Эль поцеловала их и обняла Сэма — сына Фэйта и Джексона.

— Ты — красивая, — сказал ей Сэм.

Эль покраснела, хотя и чувствовала себя немного глупо от того, что так сильно отреагировала на комплимент двенадцатилетнего пацана.

— Это точно, — произнес Грейди, и все посмотрели на него.

Он был последним из братьев, кто был еще одинок.

— Что? Так и есть, — пробормотал он, пожимая плечами.

Форестер понял, что она немного подавлена, и взял ее за руку и повел вверх по лестнице. Везде, куда Эль не бросала взгляд, она видела красоту и стиль. Дом представлял собой особняк, настоящий особняк. Он был, словно сошедший с экрана кино, с мраморными колоннами, изгибающимися лестницы, с идеальной обстановкой, и с видом на виноградники, за которые люди могли бы заплатить огромные деньги. Здесь было так красиво.

Он привел ее в свою комнату, и она ахнула, увидев ее. Она больше походила на президентский люкс в роскошном отеле, чем на спальню мужчины возраста Форестера.

— Это что-то невероятное, — произнесла Эль.

— Тебе понравилась моя семья?

— Я полюбила их, — ответила она. — Форестер, они такие прекрасные. Такие приветливые. Это кажется слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Форестер кивнул.

— Я также чувствовал себя, когда впервые попал сюда, — сказал он. — Я был просто ребенком. Я прошел через ад и обратно. Я побывал в каждом учреждении системы штата Монтана. Когда отец Лейси привел меня сюда, я думал, что это — сон. В первые шесть месяцев я продолжал искать подвох. Это действительно казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой. В течение этих первых месяцев я доставил много неприятностей.

— Но это оказалось правдой? — спросила Эль, почти отчаявшись узнать правду про себя.

Он кивнул.

— Это оказалось правдой, — подтвердил он. — Ты знаешь, иногда в мире встречаются люди, которые бросают вызов твоим ожиданиям, Эль. Они дают тебе больше, чем кто-либо тебе давал. Больше любви, больше возможностей, больше счастья.

— Я понимаю, — сказала она.

— Как ты, Эль. То, что ты сделала для меня.

— Я? Что ты имеешь в виду?

— С того момента, как ты встретила меня, ты не сделала ничего, кроме как только дарила. Ты подарила свое доверие, в первую очередь. Затем, когда я был заперт в тюрьме в Стоун-Пике, ты подарила мне свою преданность и веру. Ты не отказалась от меня. Ты ждала. Искала. Ты верила в меня. Потом, когда мы были вместе, ты доставила мне самое изысканное удовольствие, какое мужчина мог себе представить. Я серьезно. Твоя киска похожа на национальное достояние, детка.

Эль покраснела.

— И еще, у тебя все только начинается, — продолжил Форестер. — Ты носишь моего ребенка прямо сейчас. Ты подарила мне дар отцовства. Ты родишь мне ребенка. И ты подаришь мне радость быть твоим мужем.

Эль была ошеломлена. Она понимала, что Форестер любил ее, она знала, что он любил ее со всепоглощающей страстью, которую она никогда не видела в своей жизни до него, но все равно переполнившей ее, когда он вручил ей себя. Она чувствовала себя самой счастливой женщиной во всем мире.

— Ты действительно моя вторая половинка, Форестер? — он кивнул и начал расстегивать свой пояс.

— О боже, — выдохнула она, — Здесь? Сейчас?

Он кивнул.

— Я хочу, что бы ты была такой плохой девочкой, какой я даже подумать не могу, — сказал он.

— Ладно, — пробормотала Эль, — я тоже кое-чего хочу.

— Что угодно, — произнес Форестер.

— Я хочу показать тебе, как сильно я люблю тебя, Форестер. Я хочу показать тебе, как я благодарна, что ты привел меня сюда и предлагаешь мне эту новую жизнь с тобой и твоей семьей. Я хочу доставить тебе удовольствие. Его штаны уже были спущены ниже колен, и она увидела, как его пульсирующий член сквозь боксеры реагирует на звук ее голоса.

— Я хотел бы, — сказал он.

Эль улыбнулась. Затем она опустилась на колени и очень медленно и так соблазнительно, как только могла, подползла к нему. Он стоял и смотрел на нее с такой благодарностью на лице, что она знала, что он любит ее. «*Она носит его ребенка*», — подумала она. Теперь она была его.

Когда Эль достигла его, то потянула его боксеры вниз и раскрыла сокровище внутри. Его жесткий член, указывал на нее, как хищник, который собирался напасть на нее. Она открыла рот и приняла его во всю длину вплоть до задней части ее горла. Форестер застонал от удовольствия, и Эль почувствовала себя полностью контролирующей ситуацию. Впервые в жизни, она ощущала, как будто знает, что делает. Она была в надежном и безопасном месте, которому теперь принадлежала. Она была с мужчиной, который любил ее, посеял ребенка внутри нее и надел обручальное кольцо своей матери на ее палец. Он познакомил ее со своей любящей семьей. И теперь он стонал от удовольствия из-за того, что ее рот делал с его прекрасным, красивым пенисом.

Его радость была под ее контролем. Это была новая власть, новый элемент управления, и это заставляло Эль чувствовать себя настолько сексуальной. Она дразнила его, облизывая его розовую головку, выписывая маленькие круги своим языком.

— О, Эль.

— Кто твоя жена? — спросила она.

— Ты.

— Точно.

Она позволила ему скользить ей в рот и поиграла с ним, облизывая его длину, в результате чего он приблизился к оргазму. Его член стал пульсировать с таким возбуждением, что стало ясно, в ближайшее время он собирался взорваться.

Она остановилась, чтобы спросить:

— Кто подарит тебе ребенка?

— Ты, Эль, — ответил он.

— Правильно, — произнесла она и снова наградила его, правда, в этот раз она пососала его мошонку так нежно и страстно, что он схватил ее голову руками и потянул за волосы.

— Кто та женщина, которую ты любишь? — спросила она.

— Ты — женщина, которую я люблю, — ответил он.

Она коснулась своими зубами кончика его члена, а затем осторожно прошлась ими по его длине. Она ощутила вкус соли на его конце. Он был близок к тому, чтобы кончить, и едва мог выдержать. Он дышал, как будто ему не хватало воздуха.

— Кто та женщина, что заставляет тебя кончить? — дразнила она его.

— О, Боже.

— Скажи мне, — настаивала она.

— Ты, Эль.

Она сосала его член, словно он был соском на груди, а она младенцем, пытающимся что-то получить из него. Он распух и пульсировал. Форестер смотрел на нее взглядом человека, приближающегося к экстазу.

— Эль, — простонал она. — Ох, Эль.

Она остановилась в последний раз. Она была готова позволить ему кончить.

— Кто та девушка, что поглощает тебя? — спросила она.

— Ты, — застонал он, и в ту же секунду Эль отклонила голову назад, уперев кончик его

члена в нижнюю губу.

Он распался в оргазме, изливая себя ей в рот, а она стояла на коленях рядом с ним с откинутой назад головой так, чтобы он мог видеть, что он дал ей. Эль подождала, пока он не закончил, и в это время смотрела на него с широко открытым ртом.

Он поглядел на нее с такой благодарностью. Она поняла, что он сделает для нее все. Он готов умереть за нее. Он будет предан ей до конца. А потом она проглотила все одним глотком.

Глава 51

Эль

ДНИ ЭЛЬ, ПРОВЕДЕННЫЕ В ОСОБНЯКЕ, пролетели, как в счастливом тумане. С каждый день звонила Келли, и уже сообщила своей подруге, что не вернется. По крайней мере, не для того, чтобы остаться там жить. Она с любовью вспоминала время, проведенное в Стоун-Пике, которое изменило ее жизнь, но ее будущее было в долине Сокорро с Форестером и Братством. Даже без обсуждения с Форестером она знала в душе, что именно здесь ей правильнее остаться.

Между тем, она была постоянно занята, узнавая всех, помогая Фэйт и Лейси с детьми, романтично проводя время с Форестером, и, изучая все тонкости своей новой среды. И каждое утро, как только она просыпалась в красивой кровати и нежные руки Форестера обнимали ее, она благодарила Бога за жизнь, которую тот ей даровал. Она любила дом, бассейн, виноградники. Ей нравился город с его красивой главной улицей и видом на океан. Она любила чистый, прозрачный, горный воздух. Но больше всего ей нравилось быть с Форестером.

Ее больше всего поразило, что Форестер взял на себя главную роль в планировании свадьбы. Он сказал ей, что это то, что он хотел сделать для нее, и посчитал своей святой обязанностью втянуть в это Гранта и Джексона, чтобы те, показали ему все места, те вещи, через которые прошли сами, чтобы провести их свадьбы идеально. Форестер был твердо уверен, что они проведут церемонию на той же вершине горы, где поженились Грант и Лейси. Там находилась понравившаяся ему беседка. Он сказал, что не может представить другого лучшего места для женитьбы, кроме как это.

И Эль понравилось. Ей нравилось, что он так вкладывается в этот процесс. Она всегда думала, что мужчины просто принимают свадебные планы, но не играют такой активной роли. Это было прекрасно. Он даже организовал для нее встречу с дизайнером свадебного платья в городе и настоял на том, чтобы Фэйт и Лейси сопровождали ее.

По дороге в город женщины безостановочно задавали ей вопросы.

— Итак, как ты поняла, что Форестер — твой единственный? — спросила ее Лейси.

Эль покраснела. Она сидела на пассажирском сиденье рядом с Лейси. Фэйт настояла на том, чтобы сидеть сзади между двух младенцев.

— Что-то в нем было такое, — сказала Эль, — какое-то спокойствие.

Лейси кивнула.

— Как пруд с глубокой водой, — уточнила она.

— Точно, — подтвердила Эль. — Когда Форестер вошел в мою жизнь, я ничего подобного раньше не испытывала. Я никогда не догадывалась, что люди могут быть такими. Глубоким, страстным и заботливым. Он стал первым мужчиной, которого я когда-либо знала.

Фэйт кивнула с заднего сиденья.

— Именно таким стал для меня Джексон, — сказала она. — Прежде чем Джексон появился, я находилась в плохом месте. Я жила с чудовищем в обличье человека.

Лейси кивнула в знак согласия.

Фэйт продолжила.

— Когда Джексон появился в моей жизни, мне было трудно поверить, что он был

настоящим. Я полагала, что знаю мужчин. Думала, что знала, чего они хотели. Верила, что знаю, как они относились к женщинам, что хотели от нас. А затем, в комнату вошел Джексон, и я была настоящей стервой с ним.

Эль и Лейси рассмеялись.

— Я не шучу, — продолжила Фэйт, — я на самом деле была такой.

— Кто был тот, с кем ты была? — спросила Эль.

Лейси и Фэйт замолчали.

— Что? — спросила Эль. — Я не должна была спрашивать?

— Нет, конечно, дорогая, ты можешь спросить, — сказала Фэйт. — Просто тебе все еще необходимо поговорить с Джексоном, так?

— О моем прошлом?

— Да. О Лос Лобос.

Эль побледнела. Она почувствовала, что ее сердце колотится только от одного названия группировки, в которую она была продана.

— И что мне с этим делать? — спросила она.

— Ладно, это довольно странно, но я была связан с Лос Лобос тоже, Эль.

— Ты?

Глаза Эль расширились. Это было безумием. Ни разу за всю свою жизнь она не встречала никого, кто знал бы хоть что-нибудь о Лос Лобос. Они были одной из самых опасных преступных группировок в штате Невада в свое время. Но они все теперь мертвы и не позволили выйти многим секретам наружу. Люди слышали о них и считали, что знают о них, но, на самом деле, они ничего не знали.

Теперь она все время слышала от Форестера и других, что должна поговорить с Джексоном об этом. Фэйт подалась вперед со своего места и положила руку на плечо Эль.

— Смотри, — сказала Фэйт, — я не хочу сейчас вдаваться в подробности. Это не то, что нам следует обсуждать в такой радостный день. Сегодня мы заказываем тебе платье для свадьбы.

— Хорошо, — произнесла Эль немного неуверенно.

— Я обещаю тебе, мы поговорим о Лос Лобос в ближайшее время, — сказала Фэйт. — А пока я скажу тебе, что тоже была с ними связана. Я была молода, беззащитна, и они впились в меня своими когтями.

— О, нет, — сказала Эль

— Это было совсем не здорово, — произнесла Фэйт, — но из того, что я услышала от Форестера, все было не так плохо по сравнению с тем, что тебе пришлось пережить.

Эль посмотрела на Фэйт и их глаза встретились. В лице Фэйт было столько сострадания, что Эль почувствовала себя уверенней. Обычно разговоры о Лос Лобос были ее худшим кошмаром, но с Фэйт она чувствовала себя в безопасности.

— Как тебе удалось сбежать? — спросила Эль тихим и серьезным голосом.

— Джексон вытащил меня.

Эль кивнула. По мере того как машина начала въезжать в Сан-Франциско, здания вдоль шоссе становились выше, и она начала кое-что осознавать, о чем никогда раньше не задумывалась.

Джексон. Не он ли уничтожил Лос Лобос? Если это правда, то она обязана Джексону жизнью.

Она потянулась назад и взяла руку Фэйт.

Остаток дня прошел счастливо. Девушки задвинули мысли о Лос Лобос как можно дальше, и остаток дня в городе они использовали наилучшим образом. Они пообедали на цветочном рынке, и женщины показали Эль различные виды цветов, которые Форестер присмотрел им на свадьбу. Они хотели убедиться, что они ей понравятся. Эль впала в оцепенения, когда увидела их. Они были настолько потрясающе красивы, что она не знала, что и думать. Эль заплакала, и ей пришлось поправлять макияж.

Хотя все же особое внимание было уделено магазину одежды. Она не осознавала этого, но у нее была назначена встреча с одним из самых известных дизайнеров свадебных платьев в мире. После примерки нескольких сказочных нарядов она остановилась на простом белом платье, облегающем фигуру и подчеркивающим ее грудь и изгибы.

Когда Лейси и Фэйт увидели ее, то к изумлению Эль обе начали плакать.

— О, дорогая, — произнесла Лейси.

— Ты выглядишь чудесно, — сказала Фэйт.

— Правда? — спросила Эль, не в силах поверить, что оказала такое влияние на обеих женщин, с которыми только недавно встретилась.

Сейчас она была для нее, как семья. Они были настоящими. Эль сделала фотографии и послала их Келли в Стоун-Пик. Она ощущала привкус вины за то, что не была сейчас с Келли и не увидит подругу до свадьбы, но так сложилась ее жизнь. Иногда, когда ты двигаешься вперед, то нужно отпустить людей, которых ты любила, хотя бы на чуть-чуть. Она скучала по Келли и Грейс, но была так взволнована началом своей новой жизни, что не могла оставаться печальной надолго.

— Форестер придет в восторг, когда увидит тебя в этом, — заметила Фэйт.

— Ты действительно так считаешь? — спросила Эль.

— Подруга, если бы даже ты не носила его ребенка, то он бы приложил максимум усилий, чтобы добиться этого в первую же брачную ночь. Ты выглядишь, как ангел.

ЭТИМ ВЕЧЕРОМ ЭЛЬ ОБНАРУЖИЛА, что сидит на диване в потрясающей гостинице особняка.

Она держала бокал красного вина, которое Джексон и Грант изготовили своими собственными руками. Рядом с ней сидел Форестер, положив руку ей на колене в успокаивающем жесте. Она посмотрела на руку человека, собиравшегося стать ее мужем.

Напротив них сидели Джексон и Фэйт.

— Ладно, — сказала она, пытаясь избавиться от чувства тревоги, зарождавшееся в ее животе. — Что такое? Просто расскажите мне.

Джексон улыбнулся ей. Он посмотрел на Форестера, прежде чем начать говорить.

— Итак, Эль, — начал тот. — Форестер рассказал мне, что у тебя имелись кое-какие проблемы с Лос Лобос в прошлом.

— Проблемы — это мягко сказано, — сказала Эль. — Моя мать продала меня группировке, когда я еще была ребенком. Мое существование вплоть до того времени, когда я была спасена, было настоящим кошмаром.

— Могу себе представить, — произнесла Фэйт.

Джексон снова заговорил. Его голос был размеренным и спокойным. Он пытался успокоить ее, но, на самом деле, Эль чувствовала себя в безопасности в этом месте, с этими людьми, и была не против обсудить прошлое с ними, если они чувствовали, что это важно для нее. Она уже подозревала, что догадалась о том, что Джексон собирался рассказать ей.

— Фэйт была девушкой Вульфа Стейтона, когда я встретил ее.

Глаза Эль расширились. Она ожидала нечто подобное, но он все равно застал ее врасплох. Даже упоминание имени Вульфа Стейтона вернуло ее ужасные воспоминания. Он делал с ней вещи, которые она никогда не забудет, и ей еще как-то удавалось блокировать свое сознание. Он был грубым и безжалостным человеком, сильно разрушенной личностью. Он являлся ей в кошмарах.

— О, нет, — сказала она, глядя на Фэйт.

— Это было так давно, дорогая, — успокоила ее Фэйт.

— Фэйт была уязвима, так же, как и твоя мать, должно быть, — продолжил Джексон, — а Лос Лобос были экспертами в области наживы на уязвимых женщинах. У них на это срабатывала интуиция. Они заполучили ее себе и не позволили бы ей уйти.

— Это ужасно, — произнесла Эль.

— Так было, — подтвердила Фэйт, — но все не так ужасно, как то, что они сделали с тобой.

— Ты знаешь? — спросила Эль неуверенно. — Ты знала, что они покупали детей?

Фэйт посмотрела в глаза Эль.

— Я знала, что они покупали женщин. Я знала, что у некоторых из них были дети. Но я никогда не могла себе представить, что они покупали детей. Это что-то из книги ужасов.

— Ты не представляешь, — сказала Эль.

— Хорошо, — произнесла Фэйт, продолжив историю с того места, где остановился Джексон.

— Со временем я узнавала все больше и больше о Лос Лобос. Я поняла, какое зло они

представляли собой. Я узнала, что Вульф хотел запереть меня в одиночной камере, чтобы он был единственным, кто бы мог видеть меня.

Эль вздрогнула. Она знала, на что это было похоже.

— Поэтому, когда мне представился шанс, я сбежала. Я не знала, куда я шла, или что собираюсь делать. Я была в отчаянии.

— А затем она врезалась в меня, — добавил Джексон.

— Верно, — продолжила Фэйт. — Мне нужен был Джексон. Я отчаянно нуждалась в нем.

— А я нуждался в ней, — сказал Джексон.

— Мы сбежали вместе, а потом я забеременела от Джексона.

На этих словах Джексон улыбнулся.

— Я сделал это и знал, что Лос Лобос никогда не оставят Фэйт в покое. Я понимал, что Вульф не остановится ни перед чем, чтобы вернуть ее. Это стало бы предметом гордости для него.

— Это так, — подтвердила Эль. — Я знаю, как они думают. Для них не существовало пределов тому, что они будут делать или кого будут убивать, чтобы вернуть женщину, которую считали своей собственностью.

— Поэтому я приехала сюда, — сказала Фэйт.

— И я знал, что они охотятся за ней, поэтому ушел в подполье, и уничтожал членов группировки один за другим.

Эль закивала головой.

— Тебе потребовалось несколько лет, не так ли?

— Да, — подтвердил Джексон.

— Все детство я помню, как они боялись, — заметила Эль. — Они исчезали один за одним, но не знали, кто это делал и почему.

Джексон пожал плечами.

— В любом случае, — сказал он. — Мы просто подумали, что ты должна знать об этом. Узнать эту историю.

— Таким образом, — произнесла Фэйт, — это нас еще сближает. Потому что мы обе были пленницами одних и тех же злых людей.

Эль почувствовала себя глупо. Слезы катились по ее щекам.

— Если бы ты не сделала то, что сделала, — сказала она Фэйт, — я была бы до сих пор у них.

— О, — произнесла Фэйт удивленно. — Это был Джексон. Он тот, кто их уничтожил.

— Но он сделал это потому, что ты имела смелость сбежать от них, — пробормотала Эль. — Если бы у тебя не было смелости, мы бы все еще находились там, и Джексон никогда бы не участвовал в этом.

Затем Фэйт заплакала.

— Я никогда не думала об этом. Во всяком случае, я чувствовала себя виноватой из-за всех этих женщин, что я оставила позади.

— Джексон покончил с Лос Лобос, — сказала Эль. — Он уничтожил их всех. Задолго до того, как последний из них оказался мертв, полиция спасла нас. Все начало рушиться, и они смогли прийти и забрать нас.

— Это лучшее, что я когда-либо делал, — сказал Джексон. — За исключением, конечно, женитьбы на Фэйт и заведения семьи, стереть это зло с лица земли — самое

важное, что я когда-либо делал.

Эль встала со своего места и подошла к Джексону. Она расцеловала его в обе щеки.

— Спасибо, что убил этих сукиных детей, — сказала она.

Затем она обняла Фэйт, и обе женщины держали друг друга в объятиях, как могли только держать те, кто пережил одно и то же преступление.

ПОДГОТОВКА К СВАДЬБЕ ШЛА полным ходом, через нескольких дней после выбора платья Эль обнаружила себя, набирающей номер телефона Келли в Стоун-Пике.

— Эль, это ты? — спросила Келли срывающимся от волнения голосом.

— Это я, милая.

— О, Эль, так приятно слышать твой голос.

— Почему? Что-то случилось?

— Нет, вовсе нет, просто я скучаю по тебе, ты знаешь?

— Знаю, — сказала Эль сочувственно.

— Все стало не так здесь без тебя и Форестера. Ты вошла в нашу жизнь и наполнила ее таким большим количеством солнечного света. А теперь ушла.

— О, это ты наполнила мою жизнь солнечным светом, Келли. Ты помнишь, какой потерянной я была, когда ты встретила меня? У меня даже не было достаточно денег, чтобы дозаправить машину. Я была нищей. И ты помогла мне. Ты дала мне работу, нашла мне квартиру, дала мне дом, Келли. И это может прозвучать странно, учитывая, как мало времени я там провела, но Стоун-Пик стал моим первым настоящим домом, какой у меня когда-либо был в жизни.

Келли начала плакать.

— Ох, дорогая, не плачь, — старалась утешить ее Эль.

— Я звоню с хорошими новостями.

— Какими?

— Как ты думаешь, вы с Грейс могли бы закрыть закусочную на пару дней?

— Зачем?

— Чтобы вы смогли приехать сюда на мою свадьбу, глупышка.

— Правда? — спросила Келли более оживленным голосом.

— Правда. И Келли, тебе здесь понравиться. Тут так красиво и все так хорошо, и имеется даже идеальный мужчина для тебя.

— Грейди? — спросила Келли, и Эль смогла уловить нотки тоски в ее голосе.

Она рассказала Келли о Грейди, и даже прислала ей несколько фотографий. Келли была сражена, но, само собой разумеется, Грейди не имел ни малейшего представления обо всем этом.

К тому времени как Эль повесила трубку, голос Келли звучал намного счастливее, чем раньше. Эль даже пообещала ей, что она, Фэйт и Лейси пройдутся по одежным магазинам, чтобы присмотреть ей что-нибудь. Келли сказала, что никогда в жизни не была в одежных магазинах. Эль также убедилась, что Келли привезет с собой на свадьбу своего младшего брата Лукаса.

Возвращение в Стоун-Пик позже в тот же день было странным опытом для Эль. Она сидела в одном из роскошных автомобилей Форестера — в черном джипе, чувствовала себя богатой и что о ней заботятся. Она медленно привыкала к этому. Она прямо из Золушки превратилась в принцессу. Форестер вел машину, держа ее за руку, и это добавляло ей ощущения, что о ней заботятся. Парковка на стоянке закусочной Грейси была странной частью всего. Она была в таком напряжении, когда прибыла туда впервые. Теперь ничто не

доставляло ей беспокойства в этом мире.

Войдя в закусочную, она вдохнула знакомые запахи кухни. Эль улыбнулась знакомым лицам клиентов.

— Эль, — вскрикнула Келли и побежала через всю закусочную, чтобы заключить подругу в объятия.

Она была немного сдержаннее с Форестером, и они просто пожали друг другу руки. Когда появилась Грейс из кухни, у нее слезы стояли в глазах.

— Не думаю, что должна говорить тебе, но мы все так гордимся тобой, — сказала Грей.

Эль в этот момент чувствовала столько любви к этой женщине.

— Эль, — произнесла Грейс.

Голос Грейс, ее тон, все говорило о том, что она собралась сказать Эль что-то серьезное.

— Ты для меня как дочь. Я знаю, мы работали вместе в течение достаточно короткого промежутка времени, но за это время ты показала себя настоящим и верным другом. Я хочу, чтобы ты это знала.

— Спасибо, Грейси, — произнесла Эль.

Грейс продолжила.

— Вот почему мне так трудно сказать тебе, что я не смогу присутствовать на вашей свадьбе.

— Что? Я так хотела, чтобы ты была там.

— Знаю, что ты хотела, дорогая, но я не оставляла эту забегаловку без присмотра в течение двадцати лет, и не думаю, что смогу сделать это сейчас. Не за такой короткий срок. Некоторые люди просто лучше подходят для определенного места в мире. Девочки, идите и получите удовольствие и за меня тоже.

Эль была разочарована, но она понимала, о чем говорила Грейс. Грей жила и дышала своей закусочной, и она никак не могла закрыть ее.

— Понимаю, — пробормотала она Грейс.

Грейс понимающе кивнула и достала маленькую коробочку из кармана.

— Это тебе, — сказала она.

Эль посмотрела на коробку. Она была маленькой, черной, обитой бархатом, как коробочка от дорогого ювелира.

— Я могу ее открыть сейчас? — спросила она

— Конечно. Можешь, ангел, — ответила Грейс.

Эль посмотрела в глаза Грейс. Она никогда не чувствовала в жизни такую любовь к пожилой женщине.

— Спасибо, Грейс, — сказала она, пока открывала маленькую коробочку.

Внутри было что-то блестящее. У Эль перехватило дыхание. Там оказался бриллиантовый браслет, вроде того, что кинозвезды носили, когда играли в теннис. Он был потрясающим.

— Грейс, — выдохнула она.

Грейс просто кивнула.

— Он принадлежал моей матери, а до нее ее матери и так далее. Поскольку у меня никогда не было дочери, я хотела подарить его тебе в день вашей свадьбы.

— Ты не можешь, — произнесла Эль, но Грейс только покачала головой. — Это твое, солнышко.

Эль закрыла коробку. Она не знала, что сказать. Она обняла и поцеловала Грейс и сильно благодарила ее, но чувствовала себя неловко, принимая этот подарок. Конечно, его следовало передать Келли, а не ей. Келли была практически выращена Грейс, и ей он был больше нужен. У нее ничего не было. Эль получала все.

Вернувшись в машину с Келли, Эль поклялась самой себе, что найдет способ помочь Келли в ее жизни. Все хорошее, что случилось с ней в жизни, началось с Келли, решившей ей помочь. Она стольким обязана Келли, и она не собиралась забыть о ней теперь, когда выходила замуж за мужчину своей мечты.

Это займет время. Ты не можешь помочь человеку в одночасье. Здесь требуется терпение и последовательность. Эль знала, что не может щелкнуть пальцами и сделать жизнь Келли счастливой, как у нее. Но она знала, что после ее свадьбы, когда все успокоится, она будет работать над созданием лучших возможностей для подруги, которые она могла бы предоставить Келли, даже если бы они жили в разных государствах. Эль быстро училась, а ведь в жизни существовало не так много вещей, таких прекрасных, как например, принести счастье человеку, которого любишь.

Глава 54

Форестер

ФОРЕСТЕР ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ самым счастливым человеком на свете. Он не мог поверить, что наступил день его свадьбы. Он стоял у алтаря в месте, которое он выбрал для свадьбы, и скользнул взглядом по бескрайним просторам Тихого океана. Вид был захватывающий. Затем он повернулся к гостям. Это была небольшая церемония, как и все свадьбы членов Братства, с мужчинами, стоявшими рядом, и Фэйт, Лейси и Келли, ожидавших невесту. Фэйт и Лейси держали на руках их красивых малышек. Он улыбнулся женщинам, потом улыбнулся Гранту, Грейди, Фэйт и сыну Джексона, Сэму. Рядом с Сэмом стоял Люк, младший брат Келли. Оба мальчика были примерно одного возраста, и поэтому быстро подружились. Тот же священник, который поженит Гранта и Лейси, проводил эту церемонию. Только отсутствовали двое — Эль и Джексон. Эль решила, что Джексон поведет ее к алтарю, так как именно он был тем, кто помог избавиться от Лос Лобос.

Когда Форестер взглянул на Эль, то забыл, как дышать. Она была потрясающе прекрасным созданием, которое он когда-либо видел. Его восхищал каждый сантиметр его тела: ее прекрасные ноги, одетые в белые туфли, роскошное платье, обтягивающее ее восхитительные изгибы, тонкая фата, которая покрывала самое прекрасное лицо, о котором он когда-либо мечтал.

Это было оно самое. Это был его момент истины. Момент, о котором мечтал каждый парень, и теперь он действительно стал мужчиной. Форестер никогда не понимал этого раньше, но теперь, когда Эль медленно шла к нему, ведомая под руку Джексонем, под музыку струнного квартета, разливавшейся в воздухе, он увидел свою жизнь такой, какой она была. Такою, какой она всегда была.

И это был его путь до настоящего момента. Форестер знал больше о том, что значит быть рожденным в одиночестве, чем огромное количество людей в мире. В прямом смысле этого слова, он был более одиноким, чем большинство детей, которые пришли в этот мир. Его мать умерла в тот момент, когда он впервые сделал свой вдох. Его отец ненавидел его с самого начала за это право, данное всевышним. Он пришел в мир без любви, но у него все еще было сердце. Когда он был ребенком, он не знал, что такое человеческое тепло, но Форестер так же, как и все остальные люди в мире, жаждал его так сильно. Он искал его. Он изголодался по нему.

И сейчас наступил тот момент, когда эта жажда будет удовлетворена. Этот был момент, когда он станет полноценным.

Как и он, Эль пришла в этот мир в одиночку. Ее собственная мать не смогла ухаживать за ней, и в отчаянии отдала ее самым жестоким преступникам на юго-западе страны.

Для Форестера и Эль ужасные обстоятельства их рождения, наконец-то, обернулись в момент чистого света.

И этот свет — любовь.

Форестер затаил дыхание, когда Эль подошла к алтарю. Он просто не мог поверить, насколько она прекрасна, или как сильно он любил ее. Он чувствовал, словно не мог жить без нее. Он поднял руку к лицу и смахнул одинокую слезинку, упавшую на его щеку, затем одними губами проговорил ей слова: «*Я тебя люблю*».

Она улыбнулась ему в ответ, а потом повернулась к священнику.

Форестер даже не был уверен, слышал ли он все слова, что произносил священник. Это были обычные слова для классической свадебной церемонии. Форестер дал обет, когда наступила его очередь. Он услышал, как Эль произнесла свою клятву. Он надел кольцо, которое ему передал Грейди, на палец Эль, и она сделала то же самое. Кольцо Эль передала Келли.

Когда священник, наконец, произнес слова: «А теперь я объявляю вас мужем и женой», Форестер поднял Эль на руки, и в то же время вознес молитву Богу, и поблагодарил его за то, что тот даровал ему такое счастье.

Он глубоко и страстно поцеловал свою новоиспеченную жену, и пока Форестер целовал ее, заходящее солнце окрасило небо багрянцем. Он заметил, как Джексон кивнул Сэму и Люку. Мальчишки побежали куда-то в траву, и мгновение спустя по всему вечернему небу начался взрываться фейерверк.

Сказать, что Форестер был счастлив, это не сказать ничего. Невозможно описать, что он чувствовал. Стать мужем, получить жену своей мечты — это те вещи, которые определяют жизнь людей. Это сама суть жизни человека. Эль была любовью всей жизни Форестера, а теперь она стала его женой. Это означало, что он должен был любить и защищать ее до последнего своего вздоха, и что она сделает для него то же самое. Она носит его ребенка. Это означает, что будущее его крови, его наследие — все было в ее руках. Она была его призом и его королевой одновременно. Она хотела провести свою жизнь рядом с ним и сделать его счастливым, а он в то же время станет рабом ее комфорта и безопасности. Он сделал бы все, чтобы защитить и принести ей радость.

Последнее, что она видела бы каждую ночь, перед тем как заснуть, — это его глаза. Первое, что она чувствовала с утра, открыв свои глазки, — это его губы. Он любил ее в прямом смысле этого слова. Он любил ее так, как только мог любить тот, кто подвергся насилию. Он любил ее, как будто она была сама его жизнь.

И он хотел ее. Теперь она была его, и он желал забрать ее тело и душу.

Дальше был запланирован ужин, танцы, выступление людей, которых они любили, и Форестер с нетерпением ожидал всего этого. Он с интересом ждал момента разделения трапезы с Эль в качестве мужа и жены.

Но то, что он с нетерпением жаждал больше всего, это медовый месяц в отеле. Он собирался быть беспощадным.

Глава 55

Форестер

ВРЕМЯ В ПУТИ ЛЕТИТ БЫСТРО, когда ты счастлив. Так оно пролетело для Эль Форестера после свадьбы. Она переехала в особняк и познакомилась с Лейси, Грантом и Грейди поближе. Она помогала Лейси с ребенком, пока готовилась к рождению своего собственного. Фэйт была рядом, и его братья стали и ей родными. Во многих отношениях Братство стало для нее семьей, о которой она мечтала. Они все присматривали друг за другом, прикрывали друг друга, защищали друг друга.

Она чувствовала себя в безопасности. Даже просто зная, что Джексон сделал с Лос Лобос, заставляло чувствовать себя спокойно.

И она была счастлива. Она была счастлива и благодарна за многое. За то, что первым делом утром Форестер дарил ей любовь. Он по-прежнему завязывал ей глаза, прежде чем она просыпалась, и во время беременности она стала для него еще более привлекательной. Он был ненасытен. Он был всем, что она хотела от мужа, и он окружил ее такой заботой, что она едва могла поверить, что это все реально. Это было похоже на сон.

Он был совершенным. Или, по крайней мере, она думала, что он идеален. Она считала, что он не мог быть лучше. А потом он стал отцом, и все только приумножилось.

Не существовало простого способа объяснить, как маленькая девочка могла заставить такого мужчину, как Форестер, так чувствовать себя. Эль в шутку называла его папочкой. Она называла его самым завидным папочкой в мире для всех и знала, что ему это нравилось. Но все было намного глубже. Через три дня после рождения дочурки, Форестер сделал новую татуировку. Она представляла собой рисунок, на котором два воробушка держат знамя, на котором написано имя Ель и дочки.

Форестер каждую свободную минуту проводил либо с Эль, либо с ребенком. В течение первой недели после рождения Эль была довольно усталой и часто засыпала с ребенком на руках. В обязательном порядке, когда она просыпалась, она обнаруживала Форестера на кровати рядом с ней, мирно спящий ребенок был засунут в укромный уголок между его предплечьем и бицепсом. Было странно видеть чистое идеальное тельце спящего ребенка на татуированной руке со шрамами. Это заставляло сердце Эль хотеть плакать от счастья.

Каждый день Форестер говорил ей, что любит ее.

— Я люблю тебя, и я люблю эту малышку, — сказал он ей однажды ночью, вскоре после рождения.

— Мы любим тебя, — ответила Эль.

Она сидела на кровати с ребенком на руках и была одета в шелковую ночную рубашку.

Форестер чистил зубы и готовился ко сну. У Эль всегда вызывало улыбку, что он наносил лосьон после бритья, перед тем как лечь спать. Он говорил, что это для того, чтобы производить впечатление на нее даже во сне. Это был чудный, мирный уголок семейного спокойствия.

— Я не только говорю, что люблю тебя, — сказал он. — Я имею в виду больше, чем только это.

Эль кивнула. Она знала. Она понимала, что так мало может выразить словами, когда сердце переполнено любовью, которую они разделили.

Форестер сел рядом с ней. Она восхищалась его обнаженным телом, накаченными

мышцами, татуировками. Даже теперь, когда она вышла за него замуж, она до сих пор была не в силах не восхищаться его телом.

— Ты знаешь, что случилось со мной в детстве, — сказал Форестер.

— Конечно, — подтвердила Эль.

— Это все оставило след.

— Я знаю, — произнесла Эль.

— Я думал, что это на всю жизнь, Эль. Я полагал, что никогда не смогу забыть об этом.

Был уверен, что у меня никогда не будет собственных детей.

Она посмотрела в его глаза и поняла, она никогда не любила никого так сильно, как любила его в этот момент.

— Но ты все изменила для меня, Эль. Ты исцелила меня.

— Тебя исцелила любовь, Форестер.

— Ты — моя любовь, — сказал он, и поцеловал ее так нежно, так страстно, что даже его член запульсировал от любви и желания. — Ты превратила меня в человека, настоящего мужчину. Ты сделала меня отцом. Ты спасла мою жизнь, Эль.

Эль положила ребенка в кроватку рядом с постелью. Затем она сняла ночную рубашку, обнажая тело для человека, которого она любила так сильно, что чувствовала, будто сердце может взорваться.

Он целовал ее губы, шею, грудь, соски. Затем он подтолкнул ее на кровать и лег сверху.

— Кончи в меня, — сказала она

— Я должен использовать защиту?

Она покачала головой.

— Я сделала тебя попочкой один раз и сделаю это снова, — ответила она.

Форестер скользнул в нее, и когда он кончил, они закрыли глаза. Она была с мужчиной, которого любила. Он кончил внутри нее. Они были влюблены. Она была матерью его ребенка, и будет снова.

Это была настоящая любовь. Это было тем, что Эль всегда хотела. Форестер стал не просто мужем, но и ее второй половинкой.

Она закрыла глаза и подумала обо всех тех книгах, что она когда-либо читала. В них говорилось, что любовь сможет победить все. В них было написано, что она должна довериться любви, и тогда великие вещи произойдут в ее жизни. Говорилось, что если она доверилась Богу, то Он позаботится о ней.

Радость переполняла ее, что она была готова лопнуть, словно волна, разбивающаяся о скалистое побережье Калифорнии.

Рай было местом на земле. Место в ее сердце.

Рай был с человеком, которого она любила и отдавала ему свою любовь, в которой он так нуждался, чтобы исцелить свою израненную душу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Серия про Братство:

Плохой папочка (история Фэйт и Джексона)

Женись на мне, плохой парень (история Гранта и Лейси)

Самый достойный отец (история Форестера и Эль)

Сердце Хантера (история Келли и Хантера)

Принцесса и Чудовище (история Дикона)

Лесоруб (история Грейди и Отем)